ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

НОГИ ИЗ ГЛИНЫ

Feet of Clay

Ноги из глины
Терри Пратчетт

Аннотация
Терри Пратчетт. Ноги из глины

Аннотация

Убийства в Анк-Морпорке! Конечно, здесь убийства – обычное дело, но эти – несанкционированные! Да еще кто-то травит лорда Витинари! Неужели во всем виноваты големы, эти безмозглые глиняные болваны? И раз Витинари при смерти, не пора ли вернуть на трон короля? Правда, командор Городской Стражи Сэм Ваймс допустит это только через свой труп…

Но за трупом дело не станет.

Терри Пратчетт
Ноги из глины

Terry Pratchett
Discworld: Feet of Clay

* * *

Feet of Clay first published by Victor Gollancz Ltd, London

This edition published by arrangement with Orion Publishing Group and Synopsis Literary Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Terry Pratchett, 1996

© Пташкина Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

Стояла теплая весенняя ночь, когда кто-то постучал кулаком в дверь — так сильно, что аж петли погнулись.

Мужчина открыл и выглянул на улицу. Ночь была пасмурная, от реки поднимался туман. С тем же успехом можно было пытаться что-то разглядеть сквозь белый бархат. Позже он вспоминал, что будто бы видел в тумане чьи-то неясные фигуры — как раз за границей света, льющегося из двери на мостовую. Множество фигур, которые внимательно за ним наблюдали. Кажется, он заметил смутные светящиеся точки…

Фигура напротив него, впрочем, была вполне определенной. Крупная, темно-красная, как будто вылепленная ребенком из глины. Глаза у нее горели, как два уголька.

— Ну и зачем ты ко мне явился посреди ночи?

Голем протянул ему табличку, на которой значилось:

МЫ СЛЫШАЛИ, ТЕБЕ НУЖЕН ГОЛЕМ.

Ах да, точно, големы ведь не разговаривают.

— Ха. Нужен? Еще как. По карману? Если бы. Я наводил справки, но за вас нынче три шкуры дерут…

Голем стер слова с таблички и написал:

ДЛЯ ТЕБЯ — СТО ДОЛЛАРОВ.

— Это за тебя столько?

НЕТ.

Голем посторонился, и на свет вышла другая фигура.

Это, несомненно, тоже был голем. Но не один из тех глиняных работяг, что иногда встречаются на улицах. Он сиял, будто отполированная статуя, безукоризненный во всем, вплоть до мелких деталей одежды. При взгляде на него вспоминались старинные картины, изображающие городских королей, с этими их горделивыми позами и царственными прическами. Даже на голове у него была вылеплена небольшая корона.

— Сто долларов? — подозрительно спросил человек. — Что с ним не так? Кто его продает?

ВСЕ ТАК. ОН САМО СОВЕРШЕНСТВО. ДЕВЯНОСТО ДОЛЛАРОВ.

— Кажется, кто-то хочет поскорее от него избавиться…

ГОЛЕМ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ. ГОЛЕМУ НУЖЕН ХОЗЯИН.

— Да, да, верно, но всякое поговаривают… Мол, они могут свихнуться и начать работать без остановки, и все такое.

НЕ СВИХНУЛСЯ. ВОСЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

— На вид новехонький, — сказал человек, постучав по сияющей груди. — Но големов больше не производят, потому и стоят они столько, что скромным дельцам о них остается только мечтать… — Он осекся. — Их что, снова кто-то делает?

ВОСЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

— Слыхал я, священники уже несколько лет как эту лавочку прикрыли. Если словят за таким, проблем не оберешься.

СЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

— Кто их делает?

ШЕСТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

— Он их продает Альбертсону? Или Спаджеру и Вильямсу? С ними и так трудно тягаться, так они еще деньжат скопили, чтоб фабрику новую отгрохать…

ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

Человек обошел голема.

— Я это всё к чему: нельзя же сидеть и смотреть, как твоя компания схлопывается на глазах, потому что кое-кто занижает цены…

СОРОК ДОЛЛАРОВ.

— Религия религией, но святые отцы — плохие дельцы, а? Хм… — Он поднял взгляд на бесфор-

менного голема, стоящего в тени. — Ты что, только что написал «тридцать долларов»?

ДА.

— Всегда любил оптовые цены. Погоди-ка минутку.

Он зашел в дом и вернулся с пригоршней монет.

— А с теми подонками ты тоже будешь торговать?

НЕТ.

— Хорошо. Передай своему боссу, что с ним приятно иметь дело. Проходи, весельчак!

Белый голем зашел в здание фабрики. Человек огляделся, шмыгнул за ним и захлопнул дверь.

В темноте зашевелились тени. Раздалось еле слышное шипение. Потом крупные тяжелые фигуры, слегка покачиваясь, направились прочь.

Немного погодя попрошайка, который стоял за углом, протягивая руку в надежде на милостыню, с изумлением обнаружил, что неожиданно стал богаче на целых тридцать долларов[1].

---

[1] Примечания: 1

Вскоре после этого он вусмерть напился, и его обманом завлекли на торговое судно, направляющееся в далекие дивные края, где он встретил множество юных девиц, не слишком обремененных одеждой. Позже он скончался, наступив тигру на хвост. Недаром говорят: делай добро и бросай его в воду!

В сверкающих декорациях космоса вращался диск Плоского мира, совершая неспешные обороты на спинах четырех огромных слонов, что опирались на панцирь Великого А'Туина, звездной черепахи. Медленно плыли сквозь пространство континенты, а над ними, закручиваясь в другом направлении, плавно вальсировали циклоны и антициклоны, словно пары в бальном зале, движущиеся против общего потока. Триллионы тонн географии неторопливо катились по небу.

На штуки вроде географии и метеорологии люди смотрят свысока, и не только потому, что первая у них под ногами, а из-за второй они промокают до нитки. Дело в том, что ни одна из них не похожа на настоящую науку[2]. Но если география — это просто заторможенная физика, из которой там и сям торчат деревья, то метеорология преисполнена изысканного хаоса и восхитительной сложности. Взять, например, лето. Это не только время, но и место. А еще лето — живое существо, и зимой оно отправляется на юг.

Даже в Плоском мире, с его крошечным солн-

---

[2] Примечания: 2

То есть на такую, которая позволяет отрастить кому-нибудь три лишние ноги, а потом взорвать все это к чертям.

цем, вращающимся по орбите, времена года сменяли друг друга. В Анк-Морпорке, величайшем из городов, лето отпихивало локтем весну, а потом получало тычок в спину от осени. С точки зрения географии особых изменений это в городе не вызывало, хотя поздней весной грязная пена на реке окрашивалась в приятный изумрудный оттенок. Весенняя дымка превращалась в осенний туман, который смешивался с дымом и парами из магического квартала и алхимических мастерских, пока не начинал жить собственной жизнью, густой и удушливой.

И время двигалось вперед.

Осенний туман жался к темным оконным стеклам. Струйка крови бежала по страницам редкого сборника религиозных трактатов, разорванного пополам.

Можно было без этого обойтись, подумал отец Трубчек.

Потом пришла мысль, что и без удара по его голове в общем-то можно было обойтись. Но отца Трубчека никогда особо не заботили подобные вещи. Люди исцелялись, книги — нет. Дрожащими руками он попробовал собрать страницы, но снова рухнул на спину.

Комната вращалась.

Дверь распахнулась. Половицы заскрипели под тяжелыми шагами. Вернее, под шагами, которые перемежались шарканьем.

Топ. Шарк. Топ. Шарк.

Отец Трубчек попытался сосредоточиться.

– *Ты?* — прохрипел он.

Кивок.

— Собери… эти… книги.

Книги подняли с пола и аккуратно сложили в стопку — пальцами, не слишком приспособленными для этого дела. Новоприбывший извлек из кучи хлама перо, что-то написал на клочке бумаги, свернул его и бережно вложил отцу Трубчеку в рот.

Умирающий священник выдавил улыбку.

— Мы устроены иначе, — пробормотал он, и свернутая бумажка, зажатая между губ, задрожала, как последняя сигарета перед казнью. — Мы сами… придумываем… свои… с…

Гость, стоя на коленях, какое-то время смотрел на него, а потом с величайшей осторожностью медленно наклонился и закрыл ему глаза.

Сэр Сэмюэль Ваймс, командор Городской Стражи Анк-Морпорка, хмуро посмотрел на свое отражение в зеркале и начал бриться.

Лезвие бритвы было для него освободительным

мечом. Бритье — актом протеста.

Теперь для него постоянно набирали ванну (каждый день! и не подумаешь, что человеческая кожа способна такое выдержать). Раскладывали одежду (и что это была за одежда!). Готовили еду (да какую! он чувствовал, как с каждым днем набирает вес). И даже начищали ему башмаки (о, эти башмаки! не развалюхи с картонной подошвой, а солидные, сидящие аккурат по ноге, из сияющей натуральной кожи). Почти все за него делал кто-то другой, но есть вещи, с которыми мужчина должен справляться сам, и одна из таких вещей — бритье.

Он знал, что леди Сибилла относится к этому с легким неодобрением. Ее отец никогда в жизни не брился самостоятельно — у него для этого был специальный человек. Ваймс возражал на это, что слишком много лет таскался по ночным улицам и не испытывает восторга, когда кто-то машет лезвием возле его горла, но *истинная, негласная* причина заключалась в том, что ему была ненавистна сама идея разделения на тех, кого бреют, и тех, кто бреет. На тех, кто ходит в сверкающих башмаках, и тех, кто счищает с них грязь. Каждый раз, когда Ваймс наблюдал, как Вилликинс, дворецкий, складывает его

одежду, он с трудом подавлял желание пнуть его лоснящийся зад, сам по себе оскорбляющий человеческое достоинство.

Лезвие неспешно скребло по выросшей за ночь щетине. Накануне Ваймс был на очередном званом ужине. Вспомнить, по какому случаю его устроили, уже не представлялось возможным. Кажется, он теперь всю жизнь проводил на таких ужинах. Бррр! Хихикающие дамы, жеманные молодые люди — те, что явно оказались в хвосте очереди, когда раздавали подбородки… И, как всегда, потом он отправился домой через окутанный туманом город, донельзя сердитый на самого себя.

Вернувшись, он заметил свет под дверью кухни, услышал голоса, смех и решил войти. Там был Вилликинс, и старик-истопник, и главный садовник, и мальчишка, который чистил ложки и разжигал камины. Они играли в карты. На столе стояли бутылки с пивом.

Он подвинул себе стул, отпустил пару шуточек и попросил, чтобы на него тоже раздали. Все были… приветливы. В определенном смысле. Но по мере игры Ваймс начал замечать, как мир вокруг него застывает и кристаллизуется. Он почувствовал себя шестерней, попавшей в песочные

часы. Никто уже не смеялся. Все называли его «сэр» и прокашливались. Все вели себя очень… корректно.

Наконец он пробормотал извинение и встал из-за стола. Уже идя по коридору, он, кажется, услышал за спиной какое-то замечание, за которым последовал… ну, может быть, просто смех. Но не исключено, что это был смешок.

Лезвие аккуратно описывало полукружия возле носа.

Хе. Пару лет назад человек вроде Вилликинса пустил бы его на кухню только из снисхождения. И заставил бы разуться.

Так вот кто ты теперь такой, командор Сэмюэль Ваймс, сэр. Для больших шишек — выскочка, для всех остальных — большая шишка.

Он снова нахмурился, глядя на свое отражение.

Да, он и правда начинал на самом дне. А теперь у него было трехразовое питание, добротные башмаки, теплая постель и, если уж на то пошло, жена, верная подруга Сибилла. Правда, в последние дни она слишком уж часто заводила разговор о шторах, но сержант Колон уверял, что такое случается с женами, это биологически обусловлено и вообще в порядке вещей.

По правде говоря, Ваймс был довольно сильно привязан к своим старым дешевым башмакам. В них он чувствовал улицу. Подошвы у них были настолько тонкие, что даже в непроглядной ночи он мог определить, в каком районе находится, сделав несколько шагов по мостовой. Ох, ладно…

В зеркале для бритья, которым пользовался Сэм Ваймс, было что-то неуловимо странное. Благодаря легкому изгибу оно лучше отражало комнату, чем плоское зеркало, и в нем неплохо просматривались постройки и сады за окном.

Хм-м. Редеющая макушка. Явные залысины на лбу. Меньше придется расчесываться — но, с другой стороны, больше умываться…

В отражении что-то сверкнуло.

Он сделал шаг в сторону и пригнулся.

Зеркало разлетелось вдребезги.

Где-то за разбитым окном застучали шаги, а потом раздался грохот и крик.

Ваймс выпрямился. Выудил из кучи осколков самый крупный, прислонил его к черной арбалетной стреле, вонзившейся в стену, и продолжил бриться.

Закончив, он позвонил в колокольчик, чтобы вызвать дворецкого. Рядом тут же материализовался Вилликинс.

— Сэр?

Ваймс сполоснул лезвие.

— Скажи-ка мальчишке, чтобы сбегал к стекольщику.

Дворецкий взглянул на окно и перевел глаза на разбитое зеркало.

— Да, сэр. Счет снова отправить в Гильдию Убийц, сэр?

— С моими наилучшими пожеланиями. И, пока бегает, пусть заглянет в лавку на Пяти-Семидворье и принесет мне новое зеркало для бритья. Тамошний гном знает, какие мне нравятся.

— Да, сэр. И я тотчас же вернусь с щеткой и совком, сэр. Уведомить ли ее светлость об этом происшествии, сэр?

— Не надо. Она всегда говорит, что я их сам подначиваю.

— Хорошо, сэр, — сказал Вилликинс.

Он дематериализовался.

Вытершись, Сэм Ваймс спустился в малую гостиную, открыл шкаф и достал оттуда новенький арбалет — свадебный подарок от Сибиллы. Сэм Ваймс привык к старым арбалетам Стражи, у которых была премерзкая привычка выстреливать прямо во владельца, когда тот оказывался в тесном углу, но этот, с промасленной орехо-

вой рукоятью, был сделан на заказ компанией «Коренной и Рукисила». Говорили, что лучше не бывает. Потом он извлек из пачки тонкую сигару и неспешно направился в сад.

Из драконьего сарая доносился шум. Ваймс зашел внутрь, закрыл за собой дверь и приставил к ней арбалет.

Скулеж и визг усилились. Над толстыми стенами загонов заплясали язычки пламени. Ваймс склонился над ближайшим загоном, поднял свежевылупившегося дракончика и пощекотал его под подбородком. Когда тот от возбуждения выпустил струйку огня, Ваймс зажег от неё сигару и посмаковал дым.

Он выдул колечко в сторону фигуры, висящей под потолком.

— Доброе утро, — сказал он.

Фигура лихорадочно задергалась. Каким-то непостижимым мышечным усилием ей удалось в полете зацепиться ногой за балку, но подтянуться уже не выходило. О падении не могло быть и речи. Внизу взволнованно подпрыгивала и плевалась огнем дюжина маленьких дракончиков.

— Э-э… доброе утро, — поздоровалась фигура.

— На улице снова прояснилось, — сказал Ваймс и потянулся к ведерку с углем. — Хотя, думаю,

туман еще вернется.

Он бросил дракончикам маленький уголек. Тут же завязалась потасовка.

Ваймс достал еще угля. Юный дракон, ухвативший предыдущий кусочек, выдохнул заметно более длинный и жаркий сполох.

— Полагаю, — сказал молодой человек, — вас бесполезно убеждать спустить меня вниз?

Другой дракончик поймал уголь и изрыгнул огненный шар.

Молодой человек отчаянно качнулся, чтобы от него уклониться.

— Угадай, — сказал Ваймс.

— По здравом размышлении я прихожу к выводу, что с моей стороны было глупо залезать на крышу.

— Возможно, — сказал Ваймс. Несколько недель назад он провел не один час, подпиливая балки и аккуратно расшатывая черепицу.

— Стоило спрыгнуть со стены и укрыться в кустах.

— Вероятно, — сказал Ваймс. В кустах он поставил медвежий капкан.

Он зачерпнул еще угля.

— Я так понимаю, ты не расскажешь, кто тебя нанял?

— Боюсь, что нет, сэр. Вы же знаете правила.

Ваймс мрачно кивнул.

— На той неделе мы привели на суд к патрицию сына леди Силачии, — сказал он. — Этому юнцу не помешало бы усвоить, что «нет» значит «нет», а не «да, пожалуйста».

— Не исключено, сэр.

— А еще этот сынишка лорда Ржава. Видишь ли, нельзя стрелять в слуг за то, что они перепутали местами твои туфли. Иначе начнется форменный бардак. Пускай учится отличать правую сторону от левой, как все люди. И правую от неправой.

— Да, сэр, я слышу.

— Кажется, мы зашли в тупик, — заметил Ваймс.

— Похоже на то, сэр.

Ваймс прицелился и бросил кусок угля бронзово-зеленому дракончику, который ловко его поймал. Жар становился все сильнее.

— Чего я не понимаю, — сказал он, — так это почему почти вся ваша братия пытается меня достать или дома, или в конторе. Я же, в конце концов, все время брожу по городу. Могли бы пристрелить меня на улице, разве нет?

— Что, сэр? Как какие-то обычные головорезы?

Ваймс кивнул. У Гильдии Убийц были свои

представления о чести — пускай смутные и извращенные.

— И сколько за меня просят?

— Двадцать тысяч, сэр.

— Могли бы и поднять цену, — заметил Ваймс.

— Совершенно согласен.

«Если он вернется в гильдию — так и будет», — подумал Ваймс. Убийцы всегда высоко ценили собственную жизнь.

— Давай-ка прикинем, — сказал Ваймс, изучая кончик сигары. — Гильдия забирает пятьдесят процентов. Остается десять тысяч долларов.

Убийца, судя по всему, обдумал это, затем потянулся к поясу и довольно-таки неуклюже кинул Ваймсу кошель. Тот поймал его на лету.

Потом Ваймс поднял арбалет.

— Сдается мне, — сказал он, — что если кого-то вдруг решат отпустить из сарая, у него есть все шансы добраться до двери, отделавшись несколькими легкими ожогами. Если этот кто-то окажется проворным. Насколько ты проворен?

Ответа не последовало.

— Конечно, этому кому-то нужно *очень* хотеть выжить, — продолжил Ваймс, устанавливая арбалет на столик для кормления и доставая из кармана кусок бечевки. Он привязал один конец

бечевки к гвоздю, а другой закрепил на тетиве. А потом осторожно шагнул в сторону и нажал на спуск.

Тетива едва заметно дрогнула.

Убийца, наблюдающий за его действиями вниз головой, кажется, перестал дышать.

Ваймс как следует раскурил сигару — пока ее кончик не стал похож на адское пламя. Затем вынул ее изо рта и прислонил к натянутой бечевке, так чтобы еще чуть-чуть — и та начала тлеть.

— Дверь я запирать не стану, — сказал он. — Я, в конце концов, благоразумный человек. Буду с интересом наблюдать за твоими успехами.

Он кинул дракончикам остатки угля и вышел наружу.

День в Анк-Морпорке снова обещал быть насыщенным, и он едва начался.

На подходе к дому Ваймс услышал свист, щелчок и звуки, явно говорящие о том, что кто-то стремглав несется к пруду. Он улыбнулся.

Вилликинс ждал его, держа в руках камзол.

— Сэр Сэмюэль, не забудьте, что сегодня в одиннадцать у вас аудиенция с его превосходительством.

— Да-да, — сказал Ваймс.

— А в десять вам нужно зайти к геральдистам.

Ее светлость донесла это очень недвусмысленно, сэр. Если быть точным, она выразилась так: «Скажи ему, что на этот раз не отвертится», сэр.

— Хорошо.

— И ее светлость просила, чтобы вы постарались никого не бесить.

— Скажи ей, что я постараюсь.

— Ваш паланкин снаружи, сэр.

Ваймс вздохнул.

— Спасибо. У нас человек в пруду. Вылови его и налей ему чаю, ладно? Думаю, этот парень далеко пойдет.

— Непременно, сэр.

Паланкин. Ах да, паланкин. Свадебный подарок от патриция. Лорд Витинари знал, что Ваймс любит ходить по городским улицам, и подарок, который этому препятствовал, был вполне в его духе.

Паланкин ждал снаружи. Двое носильщиков выжидающе выпрямились.

Сэр Сэмюэль Ваймс, командор Городской Стражи, снова взбунтовался. Может, и надо было пользоваться этой проклятой штуковиной, но…

Он посмотрел на переднего носильщика и указал на дверцу паланкина.

— Залезай, — скомандовал Ваймс.

— Но сэр…

— Сегодня отличное утро, — сказал Ваймс и стянул с себя камзол. — Я сам поведу.

Дражайшие Матушка и Папа…

У капитана Моркоу из Городской Стражи Анк-Морпорка был выходной, и он предавался обыденным занятиям. Сперва он позавтракал в одном из близлежащих заведений. Потом сел писать письмо домой. Это всегда давалось ему нелегко. Письма от родителей были неизменно интересными, полными сводок о горных работах и радостных новостей о новых шахтах и многообещающих пластах породы. Ему же оставалось писать только об убийствах и подобных вещах.

Он пожевал кончик карандаша.

Неделя снова выдалась интересная. Я суечусь, как синяя муха, Честное Слово! Мы открываем новый Штаб на Тряпичной улице, рядом с Тенями, так что у нас их теперь Не Менее четырех включая те что в Сестрах Долли и Длинной Стене, и я единственный Капитан, поэтому я все время на посту. Лично я иногда скучаю по старым денькам, когда в нашем Брацтве были только я и Шнобби и сержант Колон, но на дворе век Летучей Мыши. Сержант Колон в конце месяца собирается уволиться, он говорит, что миссис Колон хочет,

чтобы он купил ферму, он говорит, что ждет не дождется тихой жизни за городом и хочет стать Ближе к Природе, я уверен вы ему тоже желаете успехов. Мой друг Шнобби все такой же Шнобби только еще шноббистее.

Моркоу рассеянно взял с тарелки недоеденную баранью отбивную и сунул под стол. Из-под стола послышалось «ам».

*Ну ладно о чем это я говорил, я вам конечно уже писал про Нерегулярные Части с Кабельной улицы, правда они до сих пор расположены в Псевдополис-Ярде, люди не любят когда стражники не носят форму, но командор Ваймс говорит, что преступники тоже не носят форму, так что ч*рт с ними со всеми.*

Он прервался. Тот факт, что даже на исходе второго года в Анк-Морпорке капитан Моркоу попрежнему неловко себя чувствовал, употребляя слово «ч*рт», очень многое о нем говорил.

Командор Ваймс говорит, что тайные стражники нужны, потому что преступления тоже тайные…

Моркоу снова прервался. Он любил свои доспехи. Другой одежды у него не было. Сама идея Стражи в штатском была для него… немыслимой. Это уравнивало стражников с пиратами, плава-

ющими под чужими флагами. Или со шпионами. И все же он добросовестно продолжил:

...а командор Ваймс я уверен знает о чем говорит. Он говорит, это не то что в былые времена, когда стражники только и делали что ловили бедолаг, слишком глупых чтобы сбежать!! Ну в общем все это значит, что будет намного больше работы и новые лица среди Стражи.

Ожидая, пока в голове сложится новое предложение, Моркоу взял с тарелки сосиску и опустил под стол.

Послышалось очередное «ам».

К нему подскочил официант.

— Еще одну порцию, господин Моркоу? За счет заведения.

В каждом трактире, в каждой забегаловке Анк-Морпорка Моркоу угощали бесплатно — в счастливой уверенности, что он все равно настоит на том, чтобы оплатить счет.

— Нет, спасибо. Все было очень вкусно. Вот, пожалуйста... двадцать пенсов, и сдачу оставьте себе.

— Как ваша юная леди? Не видел ее сегодня.

— Ангва? А, она... у нее свои дела, тут неподалеку. Но я обязательно передам, что вы о ней спрашивали.

Гном жизнерадостно кивнул и поспешил прочь.

Моркоу прилежно вывел еще несколько строчек и тихо, едва слышно сказал:

— Та лошадь с телегой — она до сих пор у пекарни Ломозуба?

Под столом кто-то заскулил.

— Правда? Как странно. Весь товар уже забрали, а муку обычно привозят не раньше полудня. И возничий все еще там?

Кто-то тихо гавкнул.

— Знаешь, эта лошадь слишком хороша, чтобы на ней развозить муку. А возничие, как правило, не забывают про торбу с овсом. А еще сегодня последний четверг месяца. Расчетный день в пекарне.

Моркоу положил карандаш и вежливо помахал рукой, чтобы привлечь внимание трактирщика.

— Господин Буравчик, пожалуйста, чашечку желудевого кофе. С собой.

Господин Хопкинсон, куратор Музея гномьего хлеба, что в Карусельном переулке, был изрядно взволнован. Помимо всего прочего, он только что умер. Но на данный момент он предпочитал относиться к этому как к досадному второстепенному обстоятельству.

Его до смерти забили батоном. Даже в худшей из человеческих пекарен такой расклад был бы маловероятен, но свойства гномьего хлеба как наступательного оружия трудно переоценить. Гномы относятся к хлебопечению как к боевому искусству. Когда они готовят каменные кексы, внешним сходством с камнями дело не ограничивается.

— Только посмотрите на эту вмятину, — пожаловался Хопкинсон. — Корочка насквозь пробита!

— КАК И ТВОЯ ГОЛОВА, — сказал Смерть.

— Да, да, — отозвался Хопкинсон. По его тону было ясно, что таких голов можно накупить по десятку за два пенса, а вот ценный музейный экспонат — совсем другое дело. — Но чем им не угодила старая добрая дубинка? Или молоток? Я бы дал, если бы меня попросили!

Смерть, и сам по натуре склонный к одержимости, понял, что рядом с ним настоящий мастер. Покойный господин Хопкинс говорил писклявым голосом и носил очки на черной ленте — сейчас на носу у его тени был призрачный двойник этих очков, — а это верные приметы человека, который вытирает мебель изнутри и раскладывает скрепки по размеру.

— Очень, очень плохо, — сказал господин Хопкинсон. — Я помог им с печью — и где благодарность? Похоже, мне придется жаловаться.

— ГОСПОДИН ХОПКИНСОН, ТЫ ОСОЗНАЕШЬ, ЧТО ТЫ МЕРТВ?

— Мертв? — дрожащим голосом переспросил куратор. — Нет-нет. Я не могу себе этого позволить. Только не сейчас. Это очень некстати. Я даже не успел внести в каталог боевые булочки.

— И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ.

— Нет уж, я прошу прощения, но так не пойдет. Вам придется подождать. Сейчас мне не до этих пустяков.

Смерть был в замешательстве. Большинство людей после первоначального смятения с облегчением принимали тот факт, что они мертвы. С их плеч падал груз, который они все это время подспудно ощущали. На горе наконец-то свистел вселенский рак. Худшее оставалось позади, и они могли, фигурально выражаясь, начать жизнь с чистого листа. Мало кто воспринимал смерть как мелкое неудобство, от которого можно избавиться, если настрочить достаточно жалоб.

Рука господина Хопкинсона прошла через столешницу.

— Ой.

— ВИДИШЬ?

— Это в высшей степени неуместно. Вы не могли выбрать более подходящее время?

— ЭТО ПРИШЛОСЬ БЫ СОГЛАСОВАТЬ С ТВОИМ УБИЙЦЕЙ.

— Все это организовано из рук вон плохо. Я бы хотел подать жалобу. Я, в конце концов, плачу налоги.

— Я СМЕРТЬ, А НЕ НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР. Я ПРИХОЖУ ВСЕГО ОДИН РАЗ.

Тень господина Хопкинсона начала бледнеть.

— Я просто всегда старался как можно тщательнее все спланировать…

—

Я ПРИВЫК РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ПРИНЦИПОМ «ПРИНИМАЙ ЖИЗНЬ ТАКОЙ, КАКАЯ ЕСТЬ».

— Кажется, это очень безответственно…

— ТАКАЯ УЖ У МЕНЯ РАБОТА.

Паланкин остановился возле Псевдополис-Ярда. Ваймс оставил носильщиков разбираться с парковкой и направился внутрь, снова натягивая камзол.

В прежние времена — казалось, еще вчера, — штаб-квартира Стражи пустовала. Только сержант Колон дремал в кресле да капрал Шноббс сушил перед печкой свои портянки. А потом все

вдруг переменилось…

Сержант Колон дожидался его с папкой.

— Пришли рапорты из других штабов, сэр, — сказал он, семеня вслед за Ваймсом.

— Что-нибудь интересное есть?

— Чутка странное убийство, сэр. В одном из тех домов, что на мосту Призрения. Какой-то старый священник. Я толком ничего и не знаю. Патрульные просто сказали, что нам стоит взглянуть.

— Кто обнаружил тело?

— Констебль Посети, сэр.

— О боги.

— Так точно, сэр.

— Попробую сегодня утром туда заскочить. Что-то еще?

— У капрала Шноббса с головой беда, сэр.

— Это я и так знаю.

— Я имею в виду, у него болит голова, и он отпросился, сэр.

— Что, на этот раз не на похороны бабушки?

— Никак нет, сэр.

— Сколько он их уже похоронил в этом году, кстати?

— Семь, сэр.

— Странная семейка эти Шноббсы.

— Так точно, сэр.

— Фред, тебе не обязательно называть меня «сэр».

— У нас посетитель, сэр, — сказал сержант, многозначительно кивая на скамью в приемной. — Хочет наняться в алхимики.

Гном на скамье нервно улыбнулся Ваймсу.

— Ладно, — сказал Ваймс. — Пусть пройдет ко мне в кабинет. — Он залез в карман камзола и достал кошель с деньгами убийцы. — Вложи это в Фонд помощи вдовам и сиротам, хорошо, Фред?

— Будет сделано. Отличный улов, сэр! Пара-тройка таких подарочков — и мы сможем позволить себе еще несколько вдов.

Сержант Колон снова уселся за стол, украдкой выдвинул ящик и достал книгу, которую читал. Она называлась «Уход за вашим хозяйством». Поначалу заглавие его озадачило: казалось бы, любой мужчина с этим справится, о чем тут писать? Но оказалось, что это всего лишь книга о том, как надлежит размножаться коровам, свиньям и овцам.

Теперь он размышлял, где бы взять книгу, чтобы научить их читать.

Ваймс поднялся по лестнице и осторожно приоткрыл дверь кабинета. Гильдия Убийц — стоило отдать должное этим паршивцам — играла по

правилам. Убивать случайного человека считалось ужасно дурным тоном. Помимо всего прочего, за это не платили. Так что Ваймс мог не опасаться ловушек у себя в кабинете: слишком много народу каждый день в него заглядывало. Но осмотрительность никому еще не вредила. У Ваймса был талант наживать состоятельных врагов, способных позволить себе услуги наемного убийцы. Убийцам должно было повезти лишь единожды; Ваймсу же должно было везти постоянно.

Он проскользнул в комнату и выглянул в окно. Ваймс любил держать его открытым, даже в холод. Ему нравилось прислушиваться к городскому шуму. Но всякого, кто попытался бы этим воспользоваться, по пути к окну подстерегали шатающиеся черепицы, ненадежные карнизы и предательские водосточные трубы — все преграды, на какие Ваймсу хватило изобретательности. А внизу он установил кованую ограду — очень красивую, а главное, очень острую.

Пока что перевес был на стороне Ваймса.

В дверь кто-то робко постучал.

Робкий гость оказался гномом-соискателем. Ваймс впустил его в кабинет, закрыл дверь и сел за стол.

— Итак, — сказал он, — ты алхимик. Бровей нет, а на руках пятна от кислоты.

— Все верно, сэр.

— Нечасто встретишь гнома-алхимика. Люди вроде тебя обычно горбатятся в дядюшкиной кузнице или вроде того.

Люди вроде тебя, отметил про себя гном.

— У меня с металлом не задалось, — сказал он.

— У *гнома* с металлом не задалось? Это что-то новенькое.

— Очень редкий случай, сэр. Но я неплохо преуспел в алхимии.

— В гильдии состоишь?

— Больше нет, сэр.

— Вот как? Как же ты ее покинул?

— Через крышу, сэр. Но я уверен, что понимаю, где именно оплошал.

Ваймс откинулся на спинку стула.

— Алхимики все время что-то взрывают. Ни разу не слышал, чтобы кого-то за это вытурили.

— Это потому что никто раньше не взрывал Совет Гильдии, сэр.

— Что, *весь* Совет взлетел на воздух?

— По большей части, сэр. По крайней мере, все, что плохо держалось.

Ваймс поймал себя на том, что рефлекторно вы-

двигает нижний ящик. Он снова его задвинул и, чтобы занять руки, поворошил бумаги на столе.

— Как тебя звать, парень?

Гном сглотнул. Он явно с содроганием ждал этого момента.

— Задранец, сэр.

Ваймс даже не поднял глаза.

— Ага, точно. Тут указано. Получается, ты родился в горах Убервальда, верно?

— Я… да, сэр, — сказал Задранец, слегка удивленный. Люди, как правило, не различали гномьи кланы между собой.

— Наш констебль Ангва тоже оттуда, — сказал Ваймс. — Так… тут сказано, что твое имя… не могу разобрать каракули Фреда… э-э-э…

Отступать было некуда.

— Шельма, сэр, — сказал Шельма Задранец.

— Шельма, говоришь? Приятно видеть, что старинные имена до сих пор в ходу. Шельма Задранец. Славно.

Задранец пригляделся. На лице Ваймса не промелькнуло даже мимолетной усмешки.

— Да, сэр. Шельма Задранец, — повторил он. И снова ни тени улыбки. — Моего отца звали Прохвост. Прохвост Задранец, — добавил он, повинуясь тому же порыву, который заставляет нас

снова и снова нащупывать языком больной зуб.

— Серьезно?

— А его… А его отца звали Тот-еще Задранец.

Ни единого блика в глазах, ни даже самой малюсенькой складочки возле губ. Ваймс просто сдвинул бумаги в сторону.

— Что ж, Задранец, мы здесь работаем, а не ставим опыты.

— Да, сэр.

— Мы, Задранец, не взрываем все, что плохо держится.

— Конечно, сэр. У меня тоже не все взрывается, сэр. Кое-что просто плавится.

Ваймс побарабанил пальцами по столу.

— О трупах тебе что-нибудь известно?

— Все отделались легким сотрясением мозга, сэр.

Ваймс вздохнул.

— Послушай. Я кое-что смыслю в работе стражника. Ходи себе по городу и чеши языком. Но есть полно вещей, в которых я не разбираюсь. Вот мы прибыли на место преступления, а на полу серый порошок. Что это? Я понятия не имею. Но ваша братия знает толк во всяких зельях и варевах и, может, что-нибудь да подскажет. Или вот перед нами мертвец, с виду целый. Могли его

отравить? Мне думается, нам нужен кто-то, кто представляет, какого цвета печень. Кто-то, кто заглянет ко мне в пепельницу и сразу скажет, какие сигары я курю.

— «Тонкие Цыгарки Горлодёра», — машинально ответил Задранец.

— Святые угодники!

— У вас пачка на столе, сэр.

Ваймс опустил взгляд.

— Ладно, ладно, — сказал он. — Иногда ответ на поверхности. Но иногда нет. Иногда мы даже не знаем, правильный ли задали вопрос.

Он встал.

— Не то чтобы мне особенно нравились гномы. Но тролли и люди мне тоже не нравятся, так что, думаю, это не беда. Так или иначе, ты единственный претендент на должность. Тридцать долларов в месяц, пять долларов на жилье, рабочий день заканчивается, когда позволит совесть, говорят, что где-то есть мифические существа под названием «сверхурочные», но их следов никто никогда не видел, если какой-нибудь тролль назовет тебя рудососом — вылетит со службы, если ты назовешь его шлакоблоком — тоже вылетишь, мы тут все одна большая семья, если участвовал в каких-нибудь семейных ссорах — определенно

заметишь сходство, сам убедишься, мы выступаем единым фронтом, но движемся в основном на ощупь и порой очень смутно представляем себе рамки закона, хотя тем интереснее, формально у тебя будет звание капрала, но не вздумай раздавать приказы, в ближайший месяц ты на испытательном сроке, мы проведем инструктаж, как только появится время, а пока что раздобудь где-нибудь иконограф и жди меня на мосту Призрения… ох, черт… давай через час. Мне надо разобраться с этим проклятым гербом. Впрочем, мертвец за это время вряд ли станет еще мертвее. Сержант Детрит!

Что-то тяжелое со скрипом протопало по коридору, и в дверь просунулся тролль.

— Я, сэр!

— Это капрал Задранец. Капрал Шельма Задранец, сын Прохвоста Задранца. Приведи его к присяге, выдай значок и покажи, где что находится. Все ясно, капрал?

— Я постараюсь не запятнать честь доспехов, сэр, — сказал Задранец.

— Отлично, — бросил Ваймс и посмотрел на Детрита: — Кстати, сержант, мне тут пришел рапорт, что вчера ночью какой-то тролль в форме Стражи за уши прибил к стене одного из под-

ручных Хризопраза. Тебе об этом что-нибудь известно?

Тролль сморщил свой необъятный лоб.

— А там что-нибудь сказано о том, что ентот подручный продавал Шлак тролльским детишкам?

— Нет. Тут сказано, что он шел читать духовную литературу своей престарелой матушке, — ответил Ваймс.

— А Хардкор видел значок ентого тролля?

— Нет, но он говорит, что тот тролль обещал загнать ему этот значок по самые помидоры, — сказал Ваймс.

Детрит мрачно кивнул.

— Нельзя так обращаться со значком. Не место ему на грядке.

— Кстати, — заметил Ваймс, — ты попал прямо в яблочко, это и вправду был Хардкор.

— Ета меня просто осенило, сэр, — сказал Детрит. — Я себе покумекал: какого подонка стоило бы подвесить за уши, чтобы не толкал детишкам Шлак? И тут в голове будто молния сверкнула.

— Я так и подумал.

Шельма Задранец перевел взгляд с одного непроницаемого лица на другое. Стражники смотрели друг на друга в упор, но говорили

отстраненно, словно зачитывали реплики по невидимому сценарию.

Потом Детрит медленно покачал головой.

— Ета, наверное, самозванец, сэр. Такие шлемы, как у нас, раздобыть проще простого. Из моих троллей никто бы такого не сделал. Ета, сэр, было бы злоупотреблением, вот.

— Рад это слышать. Но для порядка все-таки проверь их шкафчики. А то на нас насядет Кремниевая Лига По Защите Прав Троллей.

— Есть, сэр. И если окажется, что ета кто-то из моих троллей, я его хорошенько пропесочу. А может, и закирпичу.

— Хорошо. Ну что, ступай, Задранец. Детрит о тебе позаботится.

Задранец колебался. Происходящее не поддавалось разумному объяснению. Ваймс не упомянул ни топоры, ни золото. Он даже обошелся без фразы вроде «у нас отличные перспективы для роста». Все это не давало Задранцу покоя.

— Э-э-э… Я ведь назвал вам свое имя, верно, сэр?

— Да. Тут все записано, — ответил Ваймс. — Шельма Задранец. А что?

— М-м-м… Да ничего. Все так. Спасибо вам, сэр.

Ваймс прислушивался к их шагам, пока они

уходили по коридору. Потом плотно закрыл дверь и натянул на голову камзол, чтобы никто не услышал его смеха.

— Шельма Задранец!

Шельма семенил за троллем по имени Детрит. Штаб Стражи постепенно заполнялся народом. Было очевидно, что здесь имеют дело с самыми разными вопросами, и решение многих из них требует крика.

Перед столом сержанта Колона стояли два тролля без доспехов, а между ними — третий тролль, поменьше. На фоне других он выделялся понурым видом, а также балетной пачкой и парой марлевых крылышек, прилепленных к спине.

— …ничего не известно о том, чтобы тролли верили в Зубную фею, — говорил Колон. — Особенно по имени… — он скосил глаза вниз, — Бдзынь-Бдзынь. Так что, может, все-таки признаем, что это был взлом с проникновением без лицензии от Гильдии Воров?

— Это видовые предрассудки — не разрешать троллям верить в Зубную фею, — пробормотал Бдзынь-Бдзынь.

Один из троллей-стражников поднял мешок и высыпал на стол его содержимое.

На бумаги каскадом обрушились серебряные

вилки и ложки.

— А это ты нашел под подушками, да? — спросил Колон.

— Мир не без щедрых сердец! — отозвался Бдзынь-Бдзынь.

За соседним столом усталый гном спорил с вампиром.

— Послушайте, — говорил он, — это нельзя считать убийством. Вы ведь и так мертвы.

— Он мне их прямо в сердце вонзил!

— Я уже допрашивал управляющего, и он сказал, что это был несчастный случай. И что он не имеет ничего против вампиров. Он просто нес три коробки простых карандашей, твердо-мягких, с ластиками, зацепился о край вашего плаща и споткнулся.

— Не понимаю, почему я не могу работать где хочу!

— Да, но… на карандашной фабрике?

Детрит взглянул сверху вниз на Задранца и ухмыльнулся.

— Ета, добро пожаловать в большой город, Задранец, — сказал он. — Интересное у тебя имя.

— Правда?

— Гномов обычно зовут Скалодроб, или Рукисила, или как-то так.

— Неужели?

Детрит не слишком хорошо разбирался в тонкостях отношений, но что-то в голосе Задранца заставило его напрячься.

— Интересное имя, но хорошее, — добавил он.

— Что такое Шлак? — спросил Шельма.

— Смесь нашатыря с радием. В голове от етого приятно звенит, но мозги плавятся. В горах ета большая беда, а теперь какие-то мерзавцы его толкают в городе, вот мы и пытаемся вычислить, откуда он тута берется. Ваймс мне разрешил провести, — Детрит нахмурился, — ин-формационную кампанию, чтобы, значит, донести до всех, что бывает с шельмецами, которые продают детишкам енту дрянь…

Он махнул рукой в сторону крупного плаката на стене. На нем неровным почерком было выведено:

ПРОСТА СКАЖЫ ШЛАКУ «АааргхаааанеттольконеэтоНЕЕЕЕЕТ».

Потом он толкнул какую-то дверь.

— Ета старая уборная. Мы сюда больше не ходим, можешь тут мешать всякие свои порошки. Другого места под ето у нас сейчас нет. Только отмой ее сначала, а то воняет сортиром.

Он открыл другую дверь.

— А ета раздевалка. У тебя будет свой крючок и так далее, а вот тут за ширмой можно переодеться. Вы ведь, гномы, народ стеснительный, я знаю. Работа непыльная, хоть и не для слабаков. Господин Ваймс очень даже ничего, пусть и странный местами, твердит все время, что город — это плавильный котел, где вся дрянь всплывает на самый верх, и всякое такое. Я тебе сейчас дам шлем и значок, но сначала, — он открыл довольно внушительный шкафчик у противоположной стены, на котором было выведено «ДТРиТ», — надо куда-нибудь спрятать этот молот.

Двое мужчин выбежали из гномьей пекарни Ломозуба («Корочка — тверже камня!»), вскочили на телегу и крикнули возничему, чтобы тот немедленно двигал.

Тот обернулся, белый как полотно, и показал на дорогу.

Там сидел волк.

Это был не самый ординарный волк. У него был светлый мех, за ушами почти переходящий в гриву. А еще волки обычно не сидят посреди дороги как ни в чем не бывало.

Волк рычал. Он издавал низкий протяжный рык — звуковой эквивалент догорающего фитиля.

Лошадь замерла. Страх побуждал ее рвануться с места, но ужас не позволял шевельнуться.

Один из мужчин осторожно потянулся за арбалетом. Рык сделался чуть громче. Он еще осторожнее отвел руку. Рык снова притих.

— Что это?

— Это волк!

— В городе? Чем он тут питается?

— Тебе правда не терпится узнать?

— Доброе утро, джентльмены! — сказал Моркоу и отошел от стены, к которой до этого прислонялся. — Кажется, туман снова сгущается. Пожалуйста, лицензии Гильдии Воров!

Джентльмены обернулись. Моркоу жизнерадостно улыбнулся и ободряюще кивнул.

Один из них похлопал себя по карманам, тщательно изображая рассеянность.

— Ах, да. Сейчас. Хм. Мы с утра очень торопились, должно быть, забыли дома…

— Раздел второй, правило первое устава Гильдии Воров гласит, что члены Гильдии должны всегда иметь при себе документы, когда они заняты профессиональной деятельностью.

— Он даже меч из ножен не вытащил! — прошептал самый бестолковый из троицы.

— А зачем ему меч, если у него волк наготове?

Кто-то что-то писал в сумерках. Шорох пера был единственным звуком, нарушавшим тишину.

Пока не скрипнула дверь.

Писавший мигом обернулся, встрепенувшись как птица.

– *Ты?* Я же говорил тебе больше сюда не приходить!

— Знаю, знаю, но от этого истукана одни беды! Конвейер остановился, он вырвался наружу и убил того священника!

— Кто-нибудь это видел?

— В таком-то тумане? Сомневаюсь. Но…

— Ах-ха, тогда это не стоит внимания.

— Не стоит? Они не должны убивать людей. Ну… по крайней мере, — нехотя добавил посетитель, — не должны разбивать им голову.

— Убьют, если им велено.

— Я никогда ему ничего подобного не приказывал! И вообще, что, если он решит поднять руку на меня?

— На своего хозяина? Они не могут ослушаться слов, которые в них вложены.

Посетитель сел и покачал головой.

— Да, но что там за слова? Я не знаю, не знаю, это уже слишком, этот чертов болван все время отирается где-то рядом…

— И обеспечивает тебе небывалые прибыли…

— Ладно, ладно, но насчет остального… Насчет яда… Я никогда не…

— Умолкни! Увидимся вечером. Можешь сказать остальным, что у меня есть на примете кандидат. И если ты осмелишься снова сюда явиться…

Королевская геральдическая палата Анк-Морпорка оказалась зелеными воротами в стене на Моллимогской улице. Ваймс дернул за шнурок звонка. По ту сторону стены что-то забренчало, и следом тут же грянула какофония рева, воя, свиста и уханья.

Кто-то крикнул:

— Тихо, малыш! Лежать! Мне нужен отдыхающий лев! Отдыхающий, а не восстающе-сидящий! Вот так, будь хорошим мальчиком, и получишь свой сахар. Вильям! Прекрати немедленно! Отпусти его! Милдред, не трогай Грэхема!

Гомон слегка притих, и послышались шаги.

Калитка в воротах чуть приоткрылась.

Ваймс увидел очень узкий фрагмент очень низкорослого человека.

— Да-да? Вы мясник?

— Командор Ваймс, — сказал Ваймс. — У меня назначена встреча.

Животные снова заголосили.

— А? Что?

— Командор Ваймс! — прокричал Ваймс.

— О. Тогда заходите, прошу вас.

Дверь распахнулась. Ваймс прошел внутрь.

Несколько десятков пар глаз с подозрением уставились на Ваймса. Одни были маленькие и красные. Другие, крупные, выдавались над поверхностью мутного пруда, который занимал изрядную часть двора. Третьи таращились с насеста.

Во дворе было полно животных, но животного запаха в этом дворе было куда больше. В большинстве своём звери были очень старые, что делало запах ещё гуще.

На Ваймса зевнул беззубый лев. Шествующий лев — или, по крайней мере, праздношатающийся — являл собой удивительное зрелище, но еще удивительнее был тот факт, что на нем, как на подушке, возлежал пожилой грифон, задрав кверху все четыре лапы.

Здесь были ежи, и седеющий леопард, и облезлые пеликаны. Позеленевшая поверхность пруда вздыбилась, и наружу с зевком высунулось двое гиппопотамов. Никто не сидел на привязи, и никто никого не пытался съесть.

— Тут у нас по первому разу все разевают рты, — сказал его провожатый, тоже немолодой. Одна нога у него была деревянная. — Мы тут все одна дружная семья.

Ваймс повернулся и уперся взглядом в маленькую сову.

— О боги, — сказал он. — Это же морпорк, да?

Лицо старика расплылось в радостной улыбке.

— Да вы, сэр, не чужды геральдике! — крякнул он. — Предки Дафны прибыли с далеких островов по ту сторону Пупа, да, именно оттуда.

Ваймс достал значок Городской Стражи и всмотрелся в отчеканенный герб.

Старик заглянул ему через плечо.

— Это, конечно, не Дафна, — сказал он, указывая на сову, сидевшую на кресте-анке. — Это ее прапрабабушка Оливия. Морпорк на анке, видите? Это каламбур, игра слов. Смешно, правда? А я только начал! Тут полным-полно поводов для веселья. Нам бы не помешала пара для этой совы, скажу вам откровенно. И самка гиппопотама. Его светлость, конечно, говорит, что у нас и так есть два гиппопотама, и он совершенно прав, я просто хочу сказать, что для Родрика и Кита не очень естественно… я никого не осуждаю, но как-то это неправильно, вот и все, что я хочу сказать.

Простите, как, вы говорите, вас зовут?

— Ваймс. Сэмюэль Ваймс. Это моя жена назначила встречу.

Старик снова крякнул:

— О, так оно обычно и бывает.

Двигаясь, несмотря на деревянную ногу, весьма проворно, старик провел его среди дымящихся куч самого разнообразного навоза к строению в глубине двора.

— Что ж, для сада это, наверное, хорошо, — заметил Ваймс в попытке как-то поддержать разговор.

— Я пытался этим удобрять ревень, — сказал старик, толкая дверь. — Но он вымахал до двадцати футов, сэр, а потом вдруг вспыхнул и сгорел. Осторожно, тут проходила виверна, хворает она сейчас… ох, какая досада. Но не переживайте, это очень легко отчистить, когда высохнет. Покорно прошу вас, сэр, заходите.

Насколько во дворе было светло и шумно, настолько темно и тихо было в зале. Здесь стоял сухой могильный запах старых книг и храмовых сводов. Когда глаза привыкли к темноте, Ваймс разглядел над головой многочисленные знамена. В зале было несколько окон, но завеса из паутины и дохлых мух делала сочащийся через них свет

тусклым и серым.

Старик закрыл дверь, оставив Ваймса одного в зале. Ваймс через окно проследил, как тот, прихрамывая, возвращается к занятию, прерванному его появлением.

А занимался он сооружением живого герба.

Во дворе стоял внушительных размеров щит. К нему была прибита капуста — самые настоящие кочаны капусты. Старик что-то произнес — Ваймс не расслышал, что именно. Маленькая сова спорхнула с насеста и приземлилась на крупный крест-анк, приклеенный к верхней части щита. Гиппопотамы выбрались из воды и заняли позиции по обеим его сторонам.

Старик разложил перед щитом мольберт, поставил на него холст, взял кисть, палитру и крикнул:

— Оп-ля!

Гиппопотамы натужно взревели. Сова раскинула крылья.

— Боги всемогущие, — пробормотал Ваймс. — Мне всегда казалось, что они все это просто выдумывают!

— Выдумывают, сэр? *Выдумывают?* — возмутился голос позади него. — Мы бы далеко не ушли, если бы что-то выдумывали, ох, не ушли бы.

Ваймс обернулся. За его спиной вырос еще один старичок, который жизнерадостно моргал сквозь толстые стекла очков. Под мышкой он сжимал несколько свитков.

— Простите, что не смог встретить вас у ворот, но у нас сейчас очень много работы, — сказал он, протягивая свободную руку. — Круассан Руж.

— Э-э… Красная слоеная булочка? — оторопело переспросил Ваймс.

— Нет-нет, вовсе нет! Переводится как «Алый Полумесяц». Это мой титул. Очень древний титул. Я геральдист. А вы, вероятно, сэр Сэмюэль Ваймс?

— Да.

Алый Полумесяц сверился со свитком.

— Ладно. Хорошо. Что насчет ласок? — спросил он.

— Ласок?

— У нас тут есть несколько ласок. Животные не совсем геральдические, но надо же их куда-то девать, и я, если честно, подумываю их отпустить, если только мы не уговорим кого-то взять их себе, а это огорчит Пардессю Шатена. Он всегда запирается в сарае, когда огорчен…

— Пардессю… вы про того старика во дворе? — спросил Ваймс. — Но я… почему он… я хочу

сказать, герб — это же просто рисунок. Вам не обязательно писать его с натуры!

Алый Полумесяц, похоже, был поражен.

— Что ж, если вы хотите превратить это в фарс, то, конечно, можете все выдумать. Ваше право, — сказал он. — В общем… значит, ласки не подходят, да?

— Лично я предпочел бы вообще ни с чем не возиться, — сказал Ваймс. — И уж точно не с ласками. Моя жена говорила, что драконы…

— К счастью, нам не придется беспокоиться, — донесся голос из темноты.

Такие голоса невозможно услышать на свету. Он был сухим, как прах. Он звучал так, будто исходил изо рта, никогда не знавшего радости слюны. Этот голос казался мертвым.

И не только казался.

Булочные воришки взвесили свои перспективы.

— У меня рука на арбалете, — сказал самый деятельный из троицы.

— Да? А у меня сердце в пятках, — сказал самый здравомыслящий.

— Ох, — сказал третий. — У меня слишком слабое сердце для такого, я…

— Да-да, но я имел в виду… Он ведь даже меч не

обнажил. Если я возьму на себя волка, с парнем вы справитесь на раз-два, разве нет?

Тот, что поразумнее, посмотрел на капитана Моркоу. Его броня сияла. Как и мускулы на руках. Даже колени у него поблескивали.

— Кажется, мы в патовой ситуации, — сказал Моркоу. — Проще говоря, зашли в тупик.

— А что, если мы просто отдадим деньги? — спросил тот, что поразумнее.

— Это определенно улучшит положение.

— И ты нас отпустишь?

— Нет. Но это совершенно точно вам зачтется, и я при случае выскажусь в вашу поддержку.

Тот, что похрабрее, с арбалетом, облизал губы и перевел взгляд с Моркоу на волка.

— Натравишь его на нас — кому-то не поздоровится, так и знай! — предупредил он.

— Да, не исключено, — с грустью подтвердил Моркоу. — Мне бы хотелось по возможности этого избежать.

Он поднял руки. В каждой было что-то плоское, круглое, около шести дюймов в диаметре.

— Это, — сказал он, — гномий хлеб. Гордость пекарни Ломозуба. Конечно, это не классический боевой хлеб, но для нарезки, думаю, сгодится…

Моркоу взмахнул рукой. Взвился фонтан

опилок, и плоская буханка, взрезав плотную древесину повозки, остановилась в полудюйме от жулика со слабым сердцем — и, судя по всему, столь же слабым мочевым пузырем.

Вор с арбалетом отвел взгляд от хлеба, только когда ощутил легкое влажное нажатие на запястье.

Животные просто не способны так быстро двигаться, но этому волку удалось. А еще он ухитрился мягко намекнуть выражением своей морды, что нажатие может усиливаться почти бесконечно, было бы желание.

— Отзови своего волка! — сказал вор и свободной рукой отшвырнул арбалет. — Прикажи ему, чтобы отпустил!

— О нет, я не могу ей приказывать, — сказал Моркоу. — Она сама решает, что делать.

Послышался грохот кованых сапог, и из ворот пекарни высыпали полдюжины гномов с топорами. Высекая подметками искры, они подбежали к Моркоу и замерли.

— Взять их! — проорал господин Ломозуб. Моркоу опустил руку ему на шлем и развернул гнома к себе.

— Это я, господин Ломозуб, — сказал он. — Я так полагаю, это и есть ваши воры?

— Они самые, капитан Моркоу! — ответил пекарь. — А ну, ребята, вздернем этих мерзавцев за бур'а-дзакк![3]

— О-о-о, — сокрушенно простонал вор со слабым сердцем.

— Тише, тише, господин Ломозуб, — успокаивающе сказал Моркоу. — Мы в Анк-Морпорке не практикуем этот вид наказания[4].

— Они оглушили Бьорна Тугоштана! А Олафа Рукисилу пнули прямо в бад'дхаз![5] Да мы им отрежем…

— Господин Ломозуб!

Гном-пекарь секунду колебался, а потом, к изумлению и облегчению воров, отступил на шаг.

— Ну ладно, капитан Моркоу, так и быть. Раз уж вы говорите…

— Меня ждут дела, но я буду признателен, если вы отведете их в Гильдию Воров, — сказал Моркоу.

Мозговитый вор побледнел.

---

[3] Примечания: 3
За городской ратушей.

[4] Примечания: 4
Потому что в Анк-Морпорке нет городской ратуши.

[5] Примечания: 5
Чан с дрожжами.

— Пожалуйста, не надо! Они очень строги к тем, кто ворует без лицензии! Что угодно, только не это!

Моркоу обернулся, и свет упал на его лицо под очень своеобразным углом.

— Что угодно? — спросил он.

Нелицензированные воришки переглянулись и хором заговорили:

— Гильдия Воров. Хорошо. Как скажете.

— Мы любим Гильдию Воров.

— Жду не дождусь, поскорее бы попасть в Гильдию!

— Отличная организация.

— Суровая, но справедливая.

— Вот и славно, — сказал Моркоу. — Значит, договорились. Ах да, — он запустил руку в кошель с деньгами, — вот пять пенсов за буханку, господин Ломозуб. Одной из них я воспользовался, но, думаю, вы ее без труда отшкурите.

Гном часто заморгал, уставившись на монеты.

— Вы платите мне за то, что сберегли мои деньги? — спросил он.

— Городская Стража обязана вас защищать как честного налогоплательщика, — ответил Моркоу.

Повисла неловкая пауза. Господин Ломозуб

опустил глаза. Кто-то из гномов хихикнул.

— Вот что, — дружелюбно сказал Моркоу, — я улучу минутку, зайду к вам и помогу разобраться с отчетностью. Что скажете?

Затянувшееся молчание нарушил вор:

— Э-э-э… А можно ваша… можно ваша собачка отпустит мою руку? Пожалуйста!

Волк разжал челюсти, отпрыгнул от повозки и подошел к Моркоу. Тот уважительно отдал честь.

— Хорошего всем дня, — сказал он и направился прочь.

Воры и их жертвы смотрели ему вслед.

— Нам это все не примерещилось? — спросил мозговитый.

Пекарь зарычал, а потом завопил:

— Ах вы ублюдки! Паршивцы поганые!

— Ну что еще? Ты же получил назад свои деньги!

Двое работников пекарни удержали господина Ломозуба от того, чтобы броситься на воров.

— Три года! — крикнул он. — Три года, и всем было плевать! Три года, черт бы их побрал, и никто даже в дверь не постучал! А тут он. Такой вежливый, такой любезный! Он, наверное, даже принесет бумажек с запасом, чтобы ко мне точно

никто не придрался! Почему вы, мерзавцы этакие, просто не сбежали?

Ваймс обвел глазами сумрачный зал, пропахший сыростью. Голос донесся будто бы из могилы.

В глазах у маленького геральдиста мелькнула паника.

— Будет ли сэр Сэмюэль Ваймс так любезен подойти сюда? — спросил голос. Он звучал резко, четко, чеканя каждый слог. Говорить таким голосом — все равно что глядеть не моргая.

— А это, э-э… Дракон, — сказал Алый Полумесяц.

Ваймс потянулся за мечом.

— Дракон, Король Гербов, — уточнил геральдист.

— Король Гербов? — переспросил Ваймс.

— Это всего лишь титул, — произнес голос. — Прошу вас покорно, входите.

Почему-то в подсознании Ваймса эти слова сами собой сложились в приказ: «Покорно входите».

— Король Гербов, — повторил Дракон, когда Ваймс вошел в сумрак его кабинета. — В мече нет нужды, командор. Я Дракон уже больше пяти сотен лет, но, уверяю вас, так и не научился дышать

огнем. Ах-ха. Ах-ха.

— Ах-ха, — отозвался Ваймс. Он не мог четко разглядеть силуэт Дракона. Свет исходил только из запыленных окошек высоко под потолком да от нескольких дюжин коптящих свечей. В тени угадывались разве что сгорбленные плечи.

— Прошу покорно, садитесь, — сказал Дракон, Король Гербов. — И я буду чрезвычайно признателен, если вы посмотрите налево и приподнимете подбородок.

— Чтобы обнажить шею, что ли? — спросил Ваймс.

— Ах-ха. Ах-ха.

Фигура взяла канделябр и придвинулась поближе. Костлявая рука ухватила Ваймса за подбородок и мягко повернула его сначала вправо, потом влево.

— О да. Профиль у вас определенно Ваймсов. А вот уши… Ну конечно же! Ваша бабушка по матери была из Скобов. Ах-ха…

Ваймс снова ухватился своей определенно ваймсовой рукой за рукоять не менее ваймсового меча. Столько силы в таком хрупком теле могло быть только у одного существа.

— Я так и думал! Вы вампир! — сказал он. — Кровосос проклятый!..

— Ах-ха, — Дракон то ли засмеялся, то ли закашлялся. — Да. Я действительно вампир. И наслышан о ваших взглядах на вампиров. «Слишком шустрые для мертвецов», — кажется, так вы выражаетесь? Очень метко сказано. Ах-ха. Вампир — да. Кровосос — вовсе нет. Кровяная колбаса, эта вершина мясницкого мастерства, — другое дело. А в крайнем случае на Длиннососисочной улице полно кошерных мясных лавок. Ах-ха. Мы все справляемся как можем, ах-ха. Девственницам меня можно не опасаться, ах-ха, — уже несколько сотен лет, как ни прискорбно. Ах-ха.

Фигура отступила — вместе с кругом света.

— Боюсь, вы зря потратили время, командор Ваймс.

Глаза Ваймса постепенно привыкали к мерцающему свету. Комната была заставлена книгами. Все они лежали в стопках на полу. Из каждой торчали закладки, похожие на раздавленные пальцы.

— Не понимаю, о чем вы, — сказал Ваймс. То ли Дракон, Король Гербов, очень сильно сутулился, то ли под его бесформенным одеянием прятались крылья. Кое-кто из этих тварей умеет летать, как летучие мыши, вспомнил Ваймс. Интересно, сколько лет этому вампиру? «Жить» они могут

практически вечно…

— Я полагаю, что вы здесь, поскольку, ах-ха, по общему мнению, вам подобает иметь свой герб. Боюсь, это невозможно. Ах-ха. Герб Ваймсов существовал, но восстановлению он не подлежит. Таковы правила.

— Что за правила?

Послышался глухой стук — Дракон взял из стопки книгу и открыл ее.

— Уверен, вы знаете своих предков, командор. Вашим отцом был Томас Ваймс, его отцом — Гиллиам Ваймс…

— Дело в Старине Камнелице, да? — ровным голосом произнес Ваймс. — Все наверняка упирается в Старину Камнелица.

— Совершенно верно. Ах-ха. Я-Сама-Справедливость Ваймс. Ваш предок. Командор Городской Стражи Анк-Морпорка в 1688 году. И цареубийца. Как известно каждому школяру, это он убил последнего короля Анк-Морпорка.

— Не убил, а казнил!

Дракон пожал сгорбленными плечами.

— Так или иначе, его фамильный герб был, как выражаются у нас в геральдике, *Excretus Est Ex Altitudine*. То есть *Depositatum De Latrina*. Уничтожен. Запрещен. Предан забвению. Его

земли отняли, его дом снесли, его страницу вырвали из истории. Ах-ха. Знаете ли, командор, забавно, что многие наследники, ах-ха, «Старины Камнелица», — вокруг прозвища безошибочно угадывались изгибы кавычек, как будто Дракон аккуратно вынул его пинцетом из кучи прочих гадостей, — были офицерами Стражи. Полагаю, командор, что вы тоже не избежали этого прозвища. Ах-ха. Ах-ха. Интересно, передается ли по наследству желание стереть память о бесчестье. Ах-ха.

Ваймс скрипнул зубами.

— Хотите сказать, что у меня не может быть герба?

— Так и есть. Ах-ха.

— Потому что мой предок убил… — Он осекся. — Нет, это была даже не казнь, — продолжил он. — Казнят людей. Животных просто забивают.

— Он был королем, — мягко сказал Дракон.

— Да-да, конечно. А в подземелье у него стояли машины для…

— Командор, — сказал вампир и поднял руки, — у меня такое чувство, что вы меня не понимаете. Кем бы он ни был, он был королем. Видите ли, корона — это не шлем Стражи, ах-ха. Даже если ее снять, она останется на голове.

— Старина Камнелиц снял ее вместе с головой.

— Но короля даже не судили.

— Потому что не нашлось охотников на роль судьи, — сказал Ваймс.

— Кроме вас… то есть вашего предка.

— И что? Кто-то должен был это сделать. Есть чудовища, которым не место на земле.

Дракон нашел страницу, которую искал, и развернул книгу к Ваймсу.

— Так выглядел его герб, — сказал он.

Знакомая сова на кресте венчала собой щит, разделенный на четыре части. В каждой части был свой символ.

— Что это за корона, пронзенная кинжалом?

— О, это традиционный символ, ах-ха. Означает, что он защитник короны.

— Серьезно? А эти прутья, из которых торчит топор?

— Фасции. Они символизируют, что он был… служителем закона. Кстати, кто бы мог подумать, что топор окажется предвестником грядущих событий? Только, боюсь, топором ничего не решишь.

Ваймс посмотрел на третий сектор щита. Там было изображено что-то вроде мраморного бюста.

— Это символизирует его прозвище, — с готовностью подсказал Дракон. — Он просил, чтобы к нему сделали какую-нибудь отсылку. Иногда геральдика — это просто искусство каламбура.

— А вот этот, последний символ? Гроздь винограда? Что, любил приложиться к бутылке? — угрюмо спросил Ваймс.

— Нет. Ах-ха. Просто игра слов. Виноград по-лататиански — *Vinum*, он же *Vitis*. Чем-то похоже на его фамилию.

— А, ясно. Искусство плохого каламбура. Вы небось по полу катались от смеха.

Дракон захлопнул книгу и вздохнул.

— Те, кто просто выполняет свой долг, редко удостаиваются похвалы. Увы, таковы обстоятельства, и я не в силах на них повлиять. — Его мертвый голос слегка оживился: — И все же, командор… мне было чрезвычайно приятно услышать о вашем бракосочетании с леди Сибиллой. Очень знатный род. Одно из самых благородных семейств в городе, ах-ха. Овнецы, Силачии, Вентури, Шноббсы, конечно…

— Так что, мы закончили? — спросил Ваймс. — Я пошел?

— Ко мне редко приходят посетители, — сказал Дракон. — Обычно всех встречают геральдисты,

но я подумал, что вы заслуживаете обстоятельного объяснения. Ах-ха. У нас сейчас напряженное время. Когда-то мы занимались настоящей геральдикой. Но, как все любят повторять, на дворе век Летучей Мыши. Такое ощущение, что теперь, стоит человеку открыть вторую лавку с пирожками, он уже поневоле причисляет себя к знатным особам. — Он обвел бледной иссохшей рукой три листа пергамента, приколотые к доске друг за другом. — Сапожник, портной… — Он тонко усмехнулся. — Вернее, мясник, пекарь и свечных дел мастер. И никуда не денешься: приходится копаться в архивах и выискивать следы их благородного происхождения…

Ваймс взглянул на три нарисованных щита.

— Вот этот я как будто где-то видел, — заметил он.

— Это как раз герб господина Артура Мастерса, продавца свечей, — сказал Дракон. — Едва дела пошли в гору, как он возомнил себя аристократом. Щит en metal gris рассечен левой перевязью d'une mèche — то есть щит серо-стального цвета, символизирующего упорство и душевный жар обладателя (ох и задал нам жару этот свечник!), разделен надвое фитилем. В верхней части — chandelle dans la fenêtre avec rideaux houlant (свеча

в окне, заливающая все теплым сиянием, ах-ха), в нижней — два зажженных подсвечника: они знаменуют, что этот жалкий тип продает свечи и бедным, и богатым. К счастью, его отец владел пастбищами, так что в нижней части удалось изобразить голову яка — символ плодородия. А в верхней части — символ нового времени, летучую мышь. Девиз я оставил на современном общеупотребимом языке — он звучит как «Свечи, рожденные мастерством». Не удержался от небольшого каламбура, ах-ха.

— Просто живот надорвешь, — сказал Ваймс. Какая-то мысль билась у него в голове, требуя внимания.

— Это для господина Герхардта Крюка, главы Гильдии Мясников, — сказал Дракон. — Жена ему сказала, что у всех порядочных людей есть герб, а кто мы такие, чтобы спорить с дочерью колбасного магната? Так что мы сделали для него красный щит, в цвет крови, с синими и белыми полосками — в цвет мясницкого фартука, рассеченный перевязью из сосисок, а в центр поместили руку в перчатке, сжимающую тесак, — в боксерской перчатке, потому что всякий хороший боец тоже в своем роде мясник, ах-ха. Девиз — *Futurus Meus est in Visceris*, что переводится как «Мое будущее

во внутренностях»: намек одновременно на его профессию и на давнюю традицию, ах-ха, предсказания…

— …будущего по внутренностям, — закончил Ваймс. — Потрясающе.

Мысль, пытаясь привлечь к себе внимание, отчаянно заколотила изнутри в череп.

— А вот этот герб, ах-ха, для Рудольфа Горшка из Гильдии Пекарей, — сказал дракон, указывая костлявым пальцем на третий щит. — Сможете сами его прочитать, командор?

Ваймс угрюмо взглянул на герб.

— Ну, он разделен на три части, и тут нарисованы роза, пламя и горшок, — сказал он. — Э-э-э… В печи горит огонь, а горшок, наверное, для воды…

— И отсылает к имени. Как и роза, — добавил Дракон.

— Но его же не Розой зовут… — Ваймс недоуменно моргнул. — Роза золотая, как пшеница, значит, это намек на зерно. Зерно, огонь и вода! Ох. А еще золото — это руда, а его зовут Рудольф… Только горшок какой-то странный… как будто ночной.

— Пекарь по-лататиански — *pistor*. Почти как писсуар, — сказал Дракон. — Да вам впору самому становиться геральдистом, командор! А девиз?

– *Quod Subigo Farinam,* — прочитал Ваймс и

наморщил лоб. — «Потому что»… Тут что-то про зерно или про муку, да?.. А хотя погодите-ка… «Потому что крутой замес»?

Дракон хлопнул в ладоши.

— Превосходно, сэр!

— Я погляжу, вы тут развлекаетесь на полную катушку, — сказал Ваймс. — Что, это и есть геральдика? Шарады и каламбуры?

— Конечно же, это лишь малая ее часть, — ответил Дракон. — Эти гербы довольно нехитрые. Мы, по сути, выдумываем их с нуля. Тогда как гербы древних родов, таких как Шноббсы…

— Шноббсы! — воскликнул Ваймс, которого наконец-то осенило. — Точно! Вы говорили про Шноббсов! Когда перечисляли знатные семейства.

— Ах-ха. Простите? Ах да. Верно. Да, действительно, очень почтенный род. Ныне, увы, пребывающий в упадке.

— Вы же не хотите сказать, что Шноббс… капрал Шноббс… — с дрожью в голосе проговорил Ваймс.

Снова со стуком раскрылась книга. В рыжеватом свете Ваймс мельком увидел несколько перевернутых щитов и буйно разросшееся генеалогическое древо.

— Ну надо же. Вы говорите о С. У. С-Дж. Шноббсе?

— Э-э-э… да. Да!

— Сыне Сконнера Шноббса и леди, обозначенной здесь как Мэйси с улицы Вязов?

— Возможно.

— Внуке Сляпа Шноббса?

— Похоже на правду.

— Того самого, который был незаконорожденным сыном Эдварда Сен-Джона де Шноббса, графа Анкского, и, ах-ха, горничной неизвестного происхождения?

— Святые угодники!

— Граф умер, не оставив наследников, кроме того, ах-ха, того самого Сляпа. Нам так и не удалось пролить свет на местонахождение его потомка — по крайней мере, до сей поры.

— Святые угодники!..

— Вам знаком этот господин?

Ваймс изумленно замер, впервые в жизни столкнувшись с тем, как Шноббса кто-то всерьёз называет «господином».

— Э-э-э… да, — ответил он.

— Он человек при деньгах?

— Разве что при чужих.

— Ну что ж, ах-ха, передайте ему новость. О

землях и состоянии, конечно же, речи давно не идет, но титул до сих пор действует.

— Так, простите… хочу убедиться, что я верно все понял. Капрал Шноббс, мой Шнобби… на самом деле герцог Анкский?

— Ему нужно будет предоставить нам подтверждение своей родословной, но да, судя по всему, так и есть.

Ваймс уставился в темноту. Капралу Шноббсу было бы затруднительно подтвердить кому-то даже свою принадлежность к человеческому роду.

— Святые угодники! — повторил он наконец. — И что же, у него будет герб?

— Будет, и преотличный.

— Ох.

Ваймс даже не хотел себе герб. Час назад он бы с радостью отвертелся от этой встречи, как проделывал уже не раз. Но…

— Шнобби? — переспросил он. — Святые угодники!

— Что ж, это была чрезвычайно приятная встреча! — сказал Дракон. — Очень важно время от времени освежать свои записи. Ах-ха. К слову, как поживает юный капитан Моркоу? Я слышал, его дама сердца — вервольф. Ах-ха.

— Так и есть, — подтвердил Ваймс.

— Ах-ха. — Дракон сделал в полумраке какой-то жест — кажется, заговорщически постучал по носу. — Знаем, знаем мы эти шалости!

— У капитана Моркоу все в порядке, — сказал Ваймс так холодно, как только мог. — У капитана Моркоу всегда все в порядке.

Он вышел, хлопнув дверью. Огоньки свечей затрепетали.

Констебль Ангва вышла из переулка, застегивая ремень.

— По-моему, все прошло отлично, — сказал Моркоу. — Еще один шаг к общественному признанию!

— Тьфу, ну и мерзкий у него рукав! Интересно, он вообще знает, что такое прачечная? — сказала Ангва, вытирая рот.

Они автоматически перешли на энергосберегающий шаг, свойственный служителям правопорядка, — при такой ходьбе нога, словно маятник, сама тянет человека вперед, требуя от него минимальных усилий. Ваймс всегда говорил, что ходить по городу важно, а раз Ваймс говорил, то Моркоу верил. Ходить и разговаривать. Обойди достаточно улиц, разговори достаточно людей — и рано или поздно получишь ответ.

Общественное признание, подумала Ангва.

Фирменная фраза Моркоу. То есть на самом деле это была фирменная фраза Ваймса, но сэр Сэмюэль обычно сопровождал ее смачным плевком. А Моркоу в это верил. Это Моркоу предложил патрицию отрядить закоренелых преступников «служить на благо общества» — ремонтировать дома старушек, что привело к новым треволнениям в жизни престарелых горожан и, учитывая уровень преступности в Анк-Морпорке, к тому, что как минимум одной пожилой даме столько раз за полгода клеили обои в гостиной, что теперь она могла входить туда только боком[6].

— Я нашел кое-что очень интересное. Уверен, тебе будет ужасно интересно взглянуть! — сказал Моркоу какое-то время спустя.

— Как интересно! — откликнулась Ангва.

— Но я тебе не скажу, что это, потому что это сюрприз, — продолжил Моркоу.

— Вот как. Хорошо.

Ангва какое-то время шагала в задумчивости и потом спросила:

— А это сюрприз вроде той коллекции камней, которую ты мне показывал на прошлой неделе?

---

[6] Примечания: 6

Командор Ваймс, с другой стороны, ратовал за то, чтобы преступников приговаривали к высшей мере наказания. То есть находили крышу повыше и привязывали их к громоотводу.

— Скажи, было здорово? — восторженно отозвался Моркоу. — Я столько раз ходил по той улице и даже не подозревал, что там есть музей минералов! Ты только вспомни, какие там силикаты!

— Просто невероятные! Удивительно, почему люди не сбегаются толпами на них посмотреть, правда?

— Ума не приложу почему!

Ангва напомнила себе, что в голове у Моркоу не было и намека на примесь иронии. В конце концов, не его вина, что он вырос в шахте среди гномов и взаправду считал, что куски камней — это интересно. Неделю назад они ходили в литейный цех. Тоже интересное место.

И все же… все же… его невозможно было не любить. Моркоу нравился даже тем, кого он арестовывал. Даже старушкам, которые по его милости постоянно дышали краской. Он нравился Ангве. Очень нравился. И потому от мысли, что от него придется уйти, было еще больнее.

Она была вервольфом. Вот и весь сказ. Если ты вервольф, у тебя не так уж много вариантов: либо стараться, чтобы люди не раскрыли твой секрет, либо наблюдать, как они держатся поодаль и шепчутся у тебя за спиной (хотя, конечно, чтобы

это увидеть, надо обернуться).

Моркоу было все равно. Но ему было не все равно, что другим не все равно. Ему было не все равно, что даже вполне приветливые коллеги стараются на всякий случай носить с собой что-нибудь серебряное. Ангва видела, что это его удручает. Напряжение нарастало, а Моркоу не знал, как с ним справиться. Отец не зря говорил: связываться с людьми не ради обеда себе дороже — проще сразу прыгнуть в серебряные копи.

— Похоже, в следующем году на праздник будет много фейерверков, — сказал Моркоу. — Люблю фейерверки.

— Я никак не возьму в толк, почему в Анк-Морпорке хотят отпраздновать триста лет с окончания гражданской войны? — заметила Ангва, возвращаясь в здесь-и-сейчас.

— Почему бы и нет? Мы же победили, — сказал Моркоу.

— Да, но в то же время проиграли.

— Нужно во всем видеть светлую сторону — так я считаю. Ага, вот мы и пришли!

Ангва посмотрела на вывеску. Она уже научилась разбирать гномьи руны.

— «Музей гномьего хлеба», — прочитала она. — Вот это да! Не терпится попасть внутрь.

Моркоу радостно кивнул и толкнул дверь. Их обдало запахом застарелых хлебных корок.

— Эге-гей, господин Хопкинсон! — позвал Моркоу. Ответа не было. — Наверное, он куда-то отошел.

— Видимо, не выдержал восторга, — сказала Ангва. — Хопкинсон? Это вроде не гномье имя.

— Он человек, — сказал Моркоу и переступил порог. — Но выдающийся специалист. Хлеб — это его жизнь. Он написал самую полную работу по наступательной выпечке. Что ж… раз его нет на месте, я просто возьму два билета и оставлю монетку на кассе.

Было не похоже, что к господину Хопкинсону часто захаживают посетители. На полу лежала пыль, на витринах лежала пыль, а самый толстый слой пыли лежал на экспонатах. Большинство из них были традиционной формы и напоминали коровью лепешку, что отлично гармонировало с их вкусом. Но были также представлены пончики, булочки для ближнего боя, смертоносные метательные тосты и обширная запыленная коллекция других изделий, созданных народом, который не щадил ничьего живота.

— И каков гвоздь программы? — спросила Ангва. Она принюхалась. В воздухе висел омерзи-

тельно знакомый резкий запах.

— Это… Ты готова? Это… Боевой Батон Б'хриана Кровавого Топора! — сказал Моркоу. Он что-то искал в ящике у входа.

— Батон хлеба? Ты привел меня сюда, чтобы показать батон хлеба?

Она снова принюхалась. Точно. Кровь. Свежая кровь.

— Все верно, — сказал Моркоу. — Его привезли всего на пару недель, на выставку. Этим самым хлебом Кровавый Топор в битве при Кумской долине самолично сразил пятьдесят семь троллей… — и тут голос Моркоу, преисполненный восторга, преисполнился гражданской ответственности, — хотя, конечно, это было очень давно, а сейчас на дворе век Летучей Мыши, мы живем в полиэтническом обществе и не должны позволять событиям минувших дней застить нам глаза.

Скрипнула дверь.

Потом Ангва глухо спросила:

— Этот боевой батон — он черный, да? Намного больше обычного батона?

— Да, верно, — сказал Моркоу.

— А господин Хопкинсон — невысокий, с острой белой бородкой?

— Да, это он.

— И с пробитой головой?

— Что?

— Лучше сам посмотри, — сказала Ангва и отошла.

Дракон, Король Гербов, сидел в одиночестве среди свечей.

«Так вот он какой, командор Сэмюэль Ваймс, — думал он. — Глупец. Не видит дальше собственного сморщенного носа. И подобные люди сейчас занимают высокие посты! Впрочем, от таких людей бывает польза — предполагаю, потому Витинари его и возвысил. Глупцы зачастую способны на вещи, о которых те, кто поумнее, и помыслить не отважатся…»

Он вздохнул и пододвинул к себе очередную книгу. Та не сильно превосходила размером остальные тома в кабинете — и это стало бы неожиданностью для любого, знакомого с ее содержанием.

Он немало гордился этой книгой. Это был весьма необычный труд, но Дракон удивился — вернее, удивился бы, если бы удивлялся хоть чему-нибудь в последние лет эдак сто, — тому, насколько легко он ему дался. Сейчас даже не было нужды его читать. Он знал эту книгу наизусть.

Семейные древа были высажены в подходящую почву, слова улеглись на страницах, и оставалось только вторить их голосам.

Первая страница была озаглавлена: «Наследник престола Моркоу I, милостью божьей король Анк-Морпорка». Следующую дюжину страниц занимало длинное и сложное генеалогическое древо, которое оканчивалось надписью: «Женат…» Здесь слова были едва намечены карандашом.

— …«на Дельфине Ангве фон Убервальд, — вслух прочитал Дракон. — Отец — и, ах-ха, сэр — барон Гай фон Убервальд, также известный как Серебровост; мать — мадам Серафина Сокс-Блунбергская, также известная как Желтоклык, родом из Орлеи…»

Эта часть составляла предмет его особой гордости. Он ожидал, что у его агентов возникнут затруднения, когда дело дойдет до волчьей родословной Ангвы, но оказалось, что горные волки тоже проявляли к подобным материям немалый интерес. Предки Ангвы определенно числились среди вожаков стаи.

Дракон, Король Гербов, усмехнулся. Он был убежден, что видовая принадлежность — дело второстепенное. Главное — хорошая порода.

Ну что ж. Так выглядело несбывшееся будущее.

Он отодвинул книгу. Одно из преимуществ по-настоящему долгой жизни — возможность убедиться, какое оно на самом деле хрупкое, это будущее. Люди говорят: «Мир для нашего времени», или: «Империя, которая простоит тысячу лет», но проходит полпоколения, и никто уже не помнит, кто они были такие, не говоря уже о том, что они говорили или где разъяренная толпа зарыла их останки. Историю меняют менее масштабные вещи. Порой достаточно нескольких росчерков пера.

Он притянул к себе другую книгу. На титульном листе значилось: «Наследник престола…» Как же назовется этот тип? Это, в отличие от много другого, просчитать было невозможно. Что ж, пускай…

Дракон взял карандаш и написал: «Шноббс».

Он улыбнулся пламени свечей.

Люди никогда не прекращали судачить об истинном короле Анк-Морпорка. Но жестокий урок, преподнесенный историей и записанный кровью, гласил, что истинный король — тот, кого короновали.

Книг была полна и другая комната. Входящий в нее сразу ощущал тяжелый, гнетущий дух

книжности.

Покойный отец Трубчек распростерся на ковре из осыпавшихся книг. Он определенно был мертв. Невозможно потерять столько крови и остаться в живых. Или продержаться столько времени с головой, похожей на сдутый мяч. По ней как будто ударили кувалдой.

— Из дома с криками выбежала старушка, — сказал констебль Посети и отсалютовал. — Так что я зашел и увидел ровно такую картину.

— Ровно такую, констебль Посети?

— Да, сэр. И меня зовут Посети-Неверующего-С-Разъяснительной-Брошюрой, сэр.

— Что это была за старушка?

— Говорит, ее зовут миссис Канаки, сэр. Говорит, что всегда приносит ему еду, сэр. Говорит, что заботится о нем.

— Заботится?

— Ну знаете, убирает комнаты и так далее.

На полу действительно лежал поднос — рядом с разбитой миской и пролитой кашей. Старушку, что заботилась о покойном, наверняка потрясло, что кто-то успел о нем позаботиться раньше ее.

— Она к нему прикасалась? — спросил Ваймс.

— Говорит, что нет, сэр.

Значит, пожилой священник ухитрился уме-

реть самой благообразной смертью, которую Ваймс когда-либо видел. Его руки были скрещены на груди. Его глаза были закрыты.

А изо рта у него что-то торчало. Что-то вроде свернутой бумажки. Она придавала трупу неуместно залихватский вид, как будто после смерти он решил выкурить последнюю сигарету.

Ваймс осторожно вынул из губ у покойного крошечный свиток и развернул. Бумажку покрывали тщательно выписанные, но неизвестные символы. Особенно примечательными их делало то, что автор записки явно воспользовался единственными чернилами, которых в комнате было в избытке.

— Фу ты, — сказал Ваймс. — Написано кровью. Кому-то эти письмена о чем-нибудь говорят?

— Да, сэр!

Ваймс закатил глаза.

— Да, констебль Посети?

— Посети-Неверующего-С-Разъяснительной-Брошюрой, сэр, — обиженно поправил констебль.

— Посети-Неверующего-С-Разъяснительной-

Брошюрой[7]. Я как раз собирался договорить, — повторил Ваймс. — Ну так что?

— Это древний клатчский шрифт, сэр, — сказал констебль Посети. — Его использовали Кенотины — одно из пустынных племен. У них была развитая, но глубоко ошибочная…

— Да, да, — прервал Ваймс, который уже видел, как на горизонте набухает грозная туча душеспасительной проповеди. — Но ты понимаешь, что тут написано?

— Я мог бы выяснить, сэр.

— Хорошо.

— Кстати говоря, удалось ли вам улучить минутку и посмотреть брошюры, которые я принес вам на днях, сэр?

— Я был очень занят! — рефлекторно ответил Ваймс.

— Не волнуйтесь, сэр, — сказал Посети и улыбнулся изможденной улыбкой человека, что пыта-

---

[7] Примечания: 7

Констебль Посети происходил из Омнии. Жители этой страны издревле считали, что самый эффективный способ обращать народы в свою религию — подвергать неверных огню и мечу. Со временем Омния стала куда более цивилизованным государством, но омнийцы несли свет истины все так же рьяно и неутомимо — изменились только способы. Констебль Посети проводил свободное время в компании своего собрата по вере, Сразу-Сомневающихся-Убедительными-Доводами: вместе они ходили от двери к двери и заставляли жителей прятаться за мебелью.

ется творить добро вопреки всему. — Посмотрите, когда у вас появится время.

Старинные книги, свалившиеся с полок, все усыпали своими страницами. Многие забрызгало кровью.

— Кажется, тут хватает религиозных сочинений, — сказал Ваймс. — Может, что и отыщется. — Он повернулся. — Детрит, осмотрись тут, ладно?

Детрит, который старательно обводил труп мелом, прервался.

— Есть, сэр. Что ищем, сэр?

— Что найдется.

— Понял, сэр.

Ваймс, крякнув, опустился на корточки и потрогал пол, покрытый серыми пятнами.

— Грязь, — сказал он.

— Ета, она бывает на полу, — с готовностью подсказал Детрит.

— Вот только она светлая, а земля у нас в городе темная.

— Ага, — подметил сержант Детрит. — Улика!

— Или просто грязь.

Его внимание привлекло еще кое-что. Кто-то пытался сложить книги. В комнате возвышалась аккуратная стопка шириной в один том; в

ней было несколько десятков фолиантов, самые крупные — внизу, все уголки выровнены как по линейке.

— Что-то не сходится, — сказал Ваймс. — Вспыхивает драка. Старика жестоко ранят. Потом кто-то — то ли он сам из последних сил, то ли убийца — пишет что-то на клочке бумаги кровью этого несчастного. Аккуратно сворачивает бумажку и сует ему в рот, словно конфету. Потом старик умирает, кто-то закрывает ему глаза, складывает руки, собирает книги в стопку… и что? Ныряет обратно в кипящий котел, который мы называем Анк-Морпорком?

Сержант Детрит нахмурил свой честный лоб в попытке поразмыслить.

— Может быть… может быть, за окном есть следы. Всегда надо искать енти, улики!

Ваймс вздохнул. Детрит был хорошим стражником и чертовски хорошим сержантом, даром что его коэффициент интеллекта соответствовал комнатной температуре. Он был из тех глупцов, которых трудно обдурить. Но вбить ему в голову какую-то идею было очень сложно, а еще сложнее

— убедить выкинуть ее из головы[8].

— Детрит, — сказал Ваймс так мягко, как только мог, — в тридцати пяти футах под окном — река. На ней не осталось бы никаких… — Он прервался. В конце концов, речь шла о реке Анк. — Даже если бы там остались следы, они бы давно затянулись, — поправился он. — Почти наверняка.

Он все-таки выглянул наружу — на всякий случай. Внизу булькала и урчала река. Даже на ее знаменитой твердой поверхности не было видно никаких следов. Но на подоконнике обнаружилось еще одно пятно.

Ваймс поскреб его и понюхал щепотку грязи.

— Похоже на белую глину, — сказал он.

Он не мог припомнить рядом с городом залежей белой глины. Сразу за стенами простирался чернозем — до самых овцепикских гор. Человек, вздумавший пешком перейти это поле, за время пути вырос бы на два дюйма.

— Белая глина, — повторил он. — Откуда тут могла взяться белая глина?

---

[8] Примечания: 8

Особенно Детрит преуспел в допросах подозреваемых. У него в арсенале было три типа вопросов: прямой («Ты это сделал?»), настойчивый («Уверен, что не ты?») и с подвохом («Это ведь ты сделал, правда?»). Хотя это были не самые изощренные вопросы на свете, талант Детрита заключался в том, что он мог терпеливо задавать их часами, пока не получал нужный ответ, который обычно звучал примерно так: «Да! Да! Я это сделал! Я! А теперь объясни, пожалуйста, что именно я сделал!»

— Загадка, — сказал Детрит.

Ваймс невесело усмехнулся. И вправду загадка. А он не любил загадки. Если их вовремя не разрешить, они разрастались и производили на свет новые загадки. Заурядные убийства происходили изо дня в день, и, как правило, раскрыть их было под силу даже Детриту. Когда обезумевшая женщина стояла над павшим мужем с кочергой в руках и кричала: «А нечего было так говорить про нашего Невилла!», существовало не так уж много способов затянуть расследование до следующего перекура. А когда люди или всевозможные части их тел субботним вечером свисали с разнообразных выступов в «Залатанном барабане», а уцелевшие посетители сидели с невинным видом, не требовалась даже проницательность Детрита, чтобы во всем разобраться.

Просто удивительно, как в этом человеке с ручками-веточками и ножками-палочками помещалось столько крови. Он явно не мог бы дать нападающему отпор.

Ваймс склонился и осторожно приподнял трупу веко. Мутный голубой глаз с темной сердцевиной уставился на него из тех неведомых измерений, где сейчас находился старый священник.

Пожилой религиозный человек, который жил

в паре захламленных комнатушек и, судя по запаху, никуда особо не выходил. Для кого он мог представлять угрозу?..

Констебль Посети просунулся в дверь.

— Там гном без бровей и с завитой бородой. Говорит, что вы его ждете, сэр, — сказал он. — И несколько горожан, которые говорят, что отец Трубчек их священник и они хотят его достойно похоронить.

— А, это Задранец. Пусть заходит, — сказал Ваймс и выпрямился. — Остальным скажи, чтобы подождали.

Задранец взобрался по лестнице, окинул взглядом комнату и сумел добежать до окна, прежде чем его стошнило.

— Полегчало? — спросил Ваймс через какое-то время.

— Э-э-э… да. Надеюсь.

— Ну тогда за дело.

— А… а что именно мне нужно сделать? — спросил Задранец. Но Ваймс был уже на полпути вниз.

Ангва зарычала. Это был знак — того, что Моркоу снова можно открыть глаза.

У женщин, как сказал ему когда-то Колон, решив, что парнишка нуждается в совете, бы-

вают разные причуды. Кто-то не хочет, чтобы их видели без макияжа, кто-то упорно покупает крошечные сумочки, а потом пытается запихнуть в них весь свой гардероб. У Ангвы тоже был свой заскок: она не любила, когда на нее смотрят во время перевоплощения. Такой уж у меня пунктик, говорила она. Моркоу мог смотреть на нее в любом из двух обличий, но только не в тех, которые она принимала в промежутке, — иначе этот взгляд рисковал стать последним.

Мир волчьими глазами выглядел иначе.

Прежде всего, он был черно-белым. По крайней мере, та несущественная часть восприятия, которую в человеческой форме она называла зрением, становилась монохромной, — но кому какое дело до зрения, притулившегося на заднем сиденье, когда обоняние перехватывает руль, и смеется, и высовывает руку в окно, и показывает всем остальным чувствам неприличные жесты? Задним числом она всегда вспоминала запахи как краски и звуки. Кровь была темно-коричневой и гудела низким басом, черствый хлеб казался ярко-голубым и неожиданно звонким, а каждый человек представлял собой калейдоскопическую симфонию, существующую в четырех измерениях. Потому что нос видит не только в

пространстве, но и во времени: человек постоял минуту на одном месте и ушел — но учуять его можно и спустя час.

Она рыскала по коридорам Музея гномьего хлеба, опустив морду и принюхиваясь. Потом ненадолго вышла в переулок и поискала следы там.

Через пять минут она вернулась к Моркоу и снова подала ему знак.

Когда он открыл глаза, Ангва через голову натягивала рубашку. В чем в чем, а в этом люди давали волкам фору. Лапами такой трюк было не провернуть.

— Я думал, ты отправилась по следу, — сказал он.

— По чьему? — спросила Ангва.

— В смысле?

— Я чую его запах, и твой, и хлеба, и на этом все.

— Больше ничего?

— Грязь. Пыль. Ничего необычного. Есть старые следы, оставленные несколько дней назад. Я знаю, например, что ты заходил сюда на прошлой неделе. Запахов-то хватает. Сало, мясо, сосновая смола — непонятно откуда, лежалая еда… Но, клянусь, за последние пару дней тут не было ни

одной живой души, кроме него и нас с тобой.

— Но ты говорила, что все оставляют след.

— Оставляют.

Моркоу посмотрел на покойного смотрителя музея. Это не тянуло на самоубийство, даже если очень широко трактовать рамки суицида. Нельзя убить себя батоном хлеба.

— А вампиры? — спросил Моркоу. — Они умеют летать…

Ангва вздохнула.

— Моркоу, я бы учуяла вампира, даже если бы он залетал сюда месяц назад.

— В ящике лежит почти полдоллара мелочью, — сказал Моркоу. — Так или иначе, если бы сюда забрался вор, он бы пришел за Боевым батоном, верно? Это очень ценный культурный объект.

— Родственники у этого бедолаги были? — спросила Ангва.

— Кажется, старшая сестра. Я захожу сюда раз в месяц, просто поболтать. Он даже дает мне потрогать экспонаты.

— Вот это шик, — не сдержалась Ангва.

— Это… очень приятно, да, — серьезно сказал Моркоу. — Напоминает мне о доме.

Ангва вздохнула и направилась в заднюю ком-

нату. Такие комнаты есть в каждом музее — в них копится всякий хлам, экспонаты, которым не нашлось места на полках, и предметы сомнительного происхождения, вроде монет, на которых отчеканено «52-й год до нашей эры». Ангва увидела верстаки с обломками гномьего хлеба, полку для инструментов с месильными молотами разных размеров и кипы всевозможных бумаг. Немалую часть комнаты занимала печь.

— Он исследовал старинные рецепты, — сказал Моркоу, который, кажется, полагал своим долгом отстаивать честь смотрителя даже после его смерти.

Ангва открыла печную заслонку. Комнату залило теплом.

— Ничего себе печечка, — заметила она. — А это что?

— Так… Похоже, он пек оладьи, — ответил Моркоу. — Довольно убойные вблизи.

Она закрыла печь.

— Давай вернемся в штаб-квартиру, чтобы кого-нибудь отправили…

Ангва осеклась.

Превращаться незадолго до полнолуния было рискованной затеей. В волчьей форме это не слишком давало о себе знать. Она сохраняла ра-

зум — или, по крайней мере, ей казалось, что она сохраняет разум, хотя волчья жизнь была намного проще человеческой, так что, возможно, она просто становилась исключительно разумным волком. Трудности начинались, когда она превращалась обратно в человека. В течение нескольких минут, пока изменения окончательно не устаканивались, все ее чувства были обострены; запахи по-прежнему били в нос с огромной силой, и она слышала звуки, выходящие далеко за пределы убогого человеческого диапазона. А еще могла это *обдумать*. Волк мог понюхать фонарный столб и понять, что вчера тут проходил старый Бонзо, и ему слегка нездоровилось, и хозяин по-прежнему кормит его требухой, но только человек мог взвесить в голове причины и следствия.

— Есть еще какой-то запах, — сказала она и втянула носом воздух. — Едва заметный. Живое существо так не пахнет. Но… ты сам не чувствуешь? Вроде земли, но не совсем. Он такой… желтовато-оранжевый…

— Эм… — тактично протянул Моркоу. — Не у всех такой нос, как у тебя.

— Я его уже чувствовала где-то в городе. Но не помню где… Он резкий. Резче прочих запахов. Похоже на грязь.

— Ну слушай, на этих-то улицах…

— Нет, нет… не совсем грязь. Он тоньше, острее. Более пронзительный.

— Знаешь, иногда я тебе завидую. Наверное, здорово быть волком. Хотя бы иногда.

— У этого есть свои минусы.

«Например, блохи, — подумала она, запирая дверь в музей. — И еда. И постоянное неуютное чувство, что тебе надо нацепить сразу три бюстгальтера».

Она твердила себе, что держит все под контролем, и в каком-то смысле так оно и было. Да, когда она лунными ночами рыскала по городу, иногда ей попадался на зуб какой-нибудь цыпленок, но она всегда запоминала свой маршрут и на следующий день возвращалась, чтобы сунуть под дверь немного денег.

Трудно быть вегетарианкой, когда по утрам приходится выковыривать из зубов кусочки мяса. Но Ангва отлично справлялась.

По крайней мере, так она себе говорила.

По ночному городу рыскала именно она, а не волк. Она почти в этом не сомневалась. Волк уж точно не ограничился бы цыплятами.

Ее передернуло.

Кого она обманывала? В свете дня было легко

любить овощи. Не преисполняться по ночам человеколюбием — вот что требовало усилий.

Первые городские часы уже били одиннадцать, когда паланкин командора Ваймса, качнувшись, остановился возле дворца патриция. У Ваймса уже подгибались ноги, но он единым духом проскочил пять лестничных пролетов и рухнул на кресло в приемной.

Минута шла за минутой.

Патрицию не стучали в дверь. Он сам вызывал посетителей, не сомневаясь, что они на месте.

Ваймс откинулся в кресле, наслаждаясь моментом покоя.

Из кармана у него раздалось:

— Динь-дон, динь-динь-дон!

Он вздохнул, достал обитую кожей шкатулку размером с небольшую книжку и открыл.

На него уставилось приветливая, но слегка обеспокоенная мордашка.

— Да? — сказал Ваймс.

— Одиннадцать утра. Встреча с патрицием.

— Да. И что? Уже пять минут двенадцатого.

— Ой. То есть вы уже встретились, да? — спросил бес.

— Нет.

— Тогда я через несколько минут снова напом-

ню или не надо?

— Не надо. И вообще, ты мне не напомнил про встречу с геральдистами в десять.

Беса охватила паника.

— Но это во вторник, разве нет? Я был уверен, что во вторник!

— Это было час назад.

— Ох. — Бес понурился. — Хм. Ладно. Извините. М-да. Зато я могу вам сообщить, сколько сейчас времени в Клатче, если хотите! Или в Орлее. Или в Гункунге. В любом из этих мест. Только скажите!

— Мне ни к чему знать, сколько сейчас времени в Клатче.

— А вдруг! — не сдавался бес. — Только подумайте, вот вы с кем-то беседуете, разговор не клеится, и тут вы говорите: «Кстати, в Клатче сейчас на час меньше». Или в Бес Пеларгике. Или в Эфебе. Спросите меня, давайте. Я отвечу. Мне не сложно.

Ваймс вздохнул про себя. У него был блокнот для записей. И это было очень удобно. А потом Сибилла, его благословенная женушка, подарила ему этого беса-органайзера с пятнадцатью функциями — хотя, насколько Ваймс успел убедиться, как минимум десять из них сводились к тому, что бес извинялся за сбои в работе остальных пяти.

— Сделай лучше заметку, — сказал Ваймс.

— Ух ты! Серьезно? Ничего себе! Хорошо. Конечно. Без проблем.

Ваймс прокашлялся.

— Поговорить с капралом Шноббсом. Тема: рабочий график. Другая тема: графский титул.

— Э-э-э… прошу прощения, это была заметка?

— Да.

— Извините, но сначала надо сказать «заметка». Я точно помню, что это указано в инструкции.

— Ну хорошо, это была заметка.

— Простите, но теперь ее нужно повторить.

— Заметка: поговорить с капралом Шноббсом. Тема: рабочий график. Другая тема: графский титул.

— Готово, — сказал бес. — Во сколько вам об этом напомнить?

— По местному времени? — ядовито спросил Ваймс. — Или по клатчскому?

— Кстати, я могу вам сообщить, сколько сейчас времени…

— Я лучше сделаю заметку в блокноте, если ты не против, — сказал Ваймс.

— О, конечно, если вам так удобнее. Я умею распознавать почерк, — гордо произнес бес. — Я довольно продвинутый.

Ваймс достал блокнот и раскрыл его перед бесом.

— Что, и мой почерк распознаешь?

Бес прищурился.

— Ага, — ответил он. — Это определенно почерк. Черточки и завитушки, соединенные вместе. Точно. Почерк. Я его везде узнаю.

— Я думал, ты мне сообщишь, о чем тут сказано.

Бес недоверчиво на него покосился.

— Сказано? Он что, умеет разговаривать?

Ваймс спрятал потрепанную записную книжку и захлопнул крышку органайзера. Потом откинулся на спинку кресла и продолжил ждать.

Тот, кто смастерил часы для приемной патриция, был очень умен — явно куда умнее, чем тот, кто обучал беса. Они говорили «тик-так», как любые другие часы. Но промежутки между тиканьем, вопреки всем часовым законом, были неравными. Тик-так, тик… крошечная, почти незаметная пауза… так, тик-так, тик… и снова так, на долю секунды раньше, чем ожидало подсознание. В результате спустя десять минут даже у самых стойких все мысли расползались в кашу. Патриций наверняка очень щедро заплатил часовщику.

Стрелки показали четверть двенадцатого.

Ваймс подошел к двери и, вопреки всем неписаным правилам, осторожно постучал.

Изнутри не донеслось ни звука, ни единого шепота.

Он взялся за ручку. Дверь была не заперта.

Лорд Витинари всегда говорил, что точность — вежливость королей.

Ваймс вошел.

Шельма прилежно соскреб с пола крошащуюся белую грязь, а затем приступил к осмотру тела. Анатомии в Гильдии Алхимиков уделяли большое внимание, следуя древней теории, согласно которой человеческое тело — Вселенная в миниатюре, хотя при виде вскрытого трупа было сложно представить, какая часть Вселенной была маленькой, красной и хлюпала при нажатии. Так или иначе, в процессе обучения студенты сталкивались с практической анатомией, а иногда даже соскребали ее со стен. Когда начинающие алхимики проворачивали особо успешный эксперимент по исследованию взрывной силы, результатом обычно становился ремонт в лаборатории, совмещенный с увлекательной игрой «найди вторую почку».

Старика убили несколькими ударами по го-

лове. Добавить к этому было особо нечего. Ему размозжили череп каким-то очень тяжелым тупым предметом[9].

Чего еще Ваймс ожидал от Шельмы?

Он осмотрел тело целиком. Других явных следов насилия не было, хотя… под ногтями у старика обнаружилась засохшая кровь. Но кровь, если уж на то пошло, тут была повсюду.

Пара ногтей были содраны. Трубчек пытался защититься — или, по крайней мере, заслониться руками.

Шельма внимательнее взглянул на пальцы. Под ногтями что-то застряло — что-то лоснящееся, как густой жир. Шельма понятия не имел, что это и откуда взялось, но, возможно, именно это ему и предстояло выяснить. Он добросовестно вынул из кармана конверт, поместил туда грязь из-под ногтей, запечатал и пронумеровал.

Потом он вынул из ящика иконограф и приготовился запечатлеть труп.

И тут он кое-что заметил.

---

[9] Примечания: 9

Широко распространенный и живучий миф гласит, что люди, изобретающие орудия убийства, в конце концов от них и погибают. На деле же подтверждений этому почти нет. Полковника Шрапнеля не разорвало на части, месье Гильотин умер с головой на плечах, полковника Гатлинга не застрелили из пулемета. Если бы сэра Вильяма Тупоконечника, изобретателя дубинки и кастета, не убили в темном переулке, этот слух вообще бы не родился.

Ваймс так и не закрыл отцу Трубчеку глаз, и теперь тот лежал, подмигивая вечности.

Шельма наклонился поближе. Он был уверен, что ему показалось. Но…

Даже теперь он все еще не был уверен. Сознание порой выкидывает странные фокусы.

Он открыл дверцу иконографа и спросил у беса, сидящего внутри:

— Сидни, можешь зарисовать его глаз?

Бес выглянул в смотровое окошко.

— Только глаз? — пискнул он.

— Да. Как можно крупнее.

— Да вы умом тронулись, не иначе.

— И помалкивай, — добавил Шельма.

Он водрузил иконограф на стол и сел рядом. Из ящика донесся шорох кистей. Наконец завращалась ручка, и из щели выползла чуть влажная картинка.

Шельма посмотрел на нее. Потом постучал по ящику. Открылась дверца.

— Да?

— Надо крупнее. На весь лист. Вообще, знаешь, — Шельма, прищурившись, пригляделся к картинке, — нарисуй только зрачок. Самую серединку.

— На весь лист? А вы знаете толк в извраще-

ниях.

Шельма подвинул ящик поближе к трупу. Заскрипели шестеренки — это бес выдвигал линзы, — а потом снова деловито зашуршали кисти.

Через несколько секунд на свет вылезла новая картинка. На ней был изображен большой черный круг… вернее, почти черный.

Шельма присмотрелся. На картинке угадывался намек, всего лишь намек…

Он снова забарабанил по ящику.

— Какую дичь придумали на этот раз? — осведомился бес.

— Фрагмент по центру. Как можно крупнее.

Линзы еще сильнее выдвинулись вперед.

Шельма в нетерпении ждал. Было слышно, как в соседней комнате неспешно расхаживает Детрит.

Щель выплюнула третью бумажку, и в иконографе открылась дверца.

— Все, — сказал бес. — У меня кончилась черная краска.

Картина действительно была сплошь черная… за одним крошечным исключением.

Дверь на лестницу распахнулась, и вошел констебль Посети — вернее, его внесла в комнатушку небольшая толпа. Шельма с виноватым видом

сунул бумажку в карман.

— Это возмутительно! — сказал маленький человечек с длинной черной бородой. — Впустите нас немедленно! Кто вы такой, молодой человек?

— Шель… Капрал Задранец, — ответил Шельма. — Смотрите, вот мой значок…

— Капрал, значит? — сказал бородач. — Ну а я Венгел Рэдли, не последний человек в нашей округе, и я требую, чтобы вы сейчас же выдали нам бедного отца Трубчека!

— Мы, э-э-э, мы пытаемся понять, кто его убил… — начал Шельма.

Позади него послышалось движение, и все, кто стоял впереди, неожиданно переменились в лице. Шельма обернулся и увидел в дверях комнаты Детрита.

— Тута все в порядке? — спросил тролль.

Перемены в статусе Городской Стражи позволили Детриту заказать себе настоящие доспехи вместо куска слоновьей брони. Оружейник попытался выбить на его нагруднике стилизованную мускулатуру, обычную для доспехов сержанта. Детрит был уверен, что половину мускулов он пропустил.

— Что-то не так? — спросил он.

Толпа попятилась.

— Нет-нет, все в порядке, — сказал Рэдли. — Вы просто, э-э-э, так неожиданно нарисовались…

— Все верно, — подтвердил Детрит. — Рисовать я люблю. Кого хочешь разрисую. Так что тута у вас за шум?

— У нас все тихо, офицер.

— Вот те на, — задумчиво сказал Детрит. — Я всегда иду на шум, а когда прихожу, мне говорят, что все тихо.

Рэдли выпрямился, насколько позволял рост.

— Но мы хотим забрать отсюда отца Трубчека и похоронить, — сказал он.

Детрит повернулся к Шельме Задранцу:

— Ты все сделал, что надо?

— Думаю, да…

— Ентот умер?

— О да.

— Лучше ему уже не станет?

— После смерти-то? Сомневаюсь.

— Ну и забирайте его тогда.

Стражники отошли в сторону, и люди подняли тело и понесли вниз по лестнице.

— А зачем тебе рисовать ентого мертвеца? — спросил Детрит.

— Ну, э-э, на всякий случай. Что-то здесь нечи-

сто.

— Конечно, нечисто, — сказал Детрит. — Вон как натоптано.

Задранец вытянул из кармана рисунок и еще раз на него посмотрел. Рисунок был почти черный.

Почти…

Внизу на лестнице замаячил констебль.

— Тут есть кто-то по имени, — последовал сдавленный смешок, — Шельма Задранец?

— Да, — мрачно ответил Шельма.

— Ну тогда живо дуй во дворец патриция. Приказ командора Ваймса.

— Он тебе не просто Задранец, а *капрал* Задранец! — поправил Детрит.

— Ничего, ничего, — пробормотал Задранец. — Хуже уже не будет.

Слухи — это информация, очищенная настолько тщательно, что она просочится куда угодно. Слухам не нужны окна и двери, и порой даже публика им ни к чему. Они свободно перелетают от уха к уху, не касаясь губ.

И сейчас они уже выпорхнули на свободу. Из высокого окна в спальне патриция Сэм Ваймс видел ручейки людей, стекающиеся ко дворцу. Это была еще не толпа и даже не орава, но броунов-

ское движение улиц подталкивало все больше и больше народу в одном направлении.

Он слегка выдохнул, когда увидел, что в ворота зашла пара стражников.

Лежащий на кровати лорд Витинари открыл глаза.

— О, командор Ваймс, это ты, — пробормотал он.

— Что происходит, сэр? — спросил Ваймс.

— Насколько могу судить, я лежу в постели.

— Я нашел вас в кабинете, сэр. Без сознания.

— Ну надо же. Видимо, я… перетрудился. Что ж, спасибо, Ваймс. Не будешь ли ты так любезен… мне помочь…

Лорд Витинари попытался выпрямиться, качнулся и снова упал на подушку. Лицо у него было бледное. На лбу блестели бисеринки пота.

В дверь постучали. Ваймс слегка ее приоткрыл.

— Это я, сэр. Фред Колон. Получил ваше сообщение. Что стряслось?

— А, привет, Фред. Кто это с тобой?

— Констебль Кремень и констебль Шлеппер, сэр.

— Хорошо. Пусть кто-нибудь сходит ко мне домой и скажет Виликинсу, чтобы тот принес мои доспехи. А еще меч и арбалет. И сумку на случай

ночных дежурств. И сигары пусть захватит. А леди Сибилле передайте… передайте… в общем, просто скажите ей, что у меня тут дела, только и всего.

— Что случилось, сэр? Кто-то внизу сказал, что лорд Витинари мертв!

— Мертв? — пробормотал патриций с кровати. — Какой вздор!

Он рывком выпрямился, спустил ноги с кровати — и упал. Падение было воистину жутким и медленным. Роста Витинари был изрядного, а потому и падать пришлось долго. И делал он это поэтапно. Сперва его подвели лодыжки, и он приземлился на колени. Колени глухо ударились о пол, и он согнулся пополам в талии. И только потом он стукнулся лбом о ковер.

— Ох, — сказал он.

— Его светлость просто слегка… — начал Ваймс, а потом схватил Колона и выволок из комнаты вслед за собой. — Я думаю, его отравили, Фред, вот что случилось.

— О боги! — ужаснулся Колон. — Мне сбегать за врачом?

— Ты в своем уме? Он нам нужен живым!

Ваймс закусил губу. Он произнес слова, которые вертелись у него на языке, и теперь, без

сомнения, тонкая струйка слухов растечется по всему городу.

— Но кто-то же должен посмотреть, что с ним… — сказал он вслух.

— И то верно! — согласился Колон. — Мне сбегать за волшебником?

— А откуда нам знать, что это не волшебники его отравили?

— О боги!

Ваймс попробовал собраться с мыслями. Все городские врачи состояли на жалованьи у гильдий, а все гильдии ненавидели Витинари, так что…

— Когда соберется достаточно наших, отправь гонца в конюшни на Королевских низинах, пусть приведет Джимми Пончика, — сказал он.

Колона это вконец ошарашило.

— Пончика? Да он же ничего не смыслит в медицине! Он накачивает всякой дрянью коней на скачках!

— Просто пошли за ним, Фред.

— А если он не захочет идти?

— Тогда передайте ему, что командор Ваймс знает, почему Смеющийся Мальчик не победил в Щеботанском стодолларовом забеге. И добавьте, что тролль Хризопраз проиграл на этих скачках десять тысяч.

На Колона это явно произвело впечатление.

— А вы коварны, сэр.

— Тут скоро отбою не будет от посетителей. Пускай возле этой комнаты дежурит двое стражников, желательно тролли или гномы, и никто в нее не входит без моего ведома, ясно?

Колон мучительно скривился: за место на его лице боролись сразу несколько эмоций. Наконец он выдавил:

— Но… отравлен? У него же есть личные дегустаторы и все такое!

— Тогда, возможно, это был один из них.

— Боже правый, сэр! Вы вообще никому не доверяете, да?

— Нет, Фред. Кстати, это случаем не ты сделал? Шучу, шучу, — быстро добавил Ваймс, увидев, что Колон сейчас расплачется. — Ступай. Времени у нас в обрез.

Ваймс закрыл дверь и постоял, прислонившись к ней. Потом повернул ключ в замке и подставил под дверную ручку стул.

Наконец он поднял патриция с пола и закатил на кровать. Тот что-то проворчал и дернул веками.

«Яд, — подумал Ваймс. — Нет ничего хуже яда. Отравитель может находиться за мили отсюда,

яд не увидишь и не услышишь, зачастую у него нет ни запаха, ни вкуса, он может быть где угодно — и прямо сейчас он делает свое черное дело…»

Патриций открыл глаза.

— Я не отказался бы от стакана воды, — сказал он.

У изголовья постели стояли кувшин и стакан. Ваймс поднял кувшин и заколебался.

— Я пошлю кого-нибудь за водой, — сказал он.

Лорд Витинари моргнул — очень медленно.

— Ах, Ваймс, — сказал он. — Но кому ты можешь доверять?

Когда Ваймс наконец спустился в большой приемный зал, там уже толпились посетители. Они слонялись по залу, встревоженные и смятенные. А когда важные люди пребывают в тревоге и смятении, они становятся очень сердитыми.

Первым к Ваймсу подскочил господин Боггис из Гильдии Воров.

— Ваймс, что происходит? — напористо спросил он. Потом встретился с Ваймсом глазами, ослабил напор и поправился: — То есть сэр Сэмюэль.

— Думаю, что лорда Витинари отравили, — сказал Ваймс.

Шепот на заднем плане прекратился. И Боггис осознал, что, раз уж именно он задал этот вопрос,

все внимание теперь было привлечено к нему.

— Э-э-э… насмерть? — проговорил он.

Повисла звенящая тишина.

— Пока нет, — сказал Ваймс.

В зале повернулись головы. Все взоры теперь были устремлены на доктора Низза, главу Гильдии Убийц.

Низз кивнул.

— Мне неизвестно ни о каких договоренностях, связанных с лордом Витинари, — сказал он. — К тому же, полагаю, все отлично осведомлены, что за жизнь патриция мы назначили цену в миллион долларов.

— Разве у кого-то есть столько денег? — спросил Ваймс.

— Ну… например, у вас, сэр Сэмюэль, — ответил Низз. Послышались нервные смешки.

— Так или иначе, мы хотим видеть патриция, — сказал Боггис.

— Нет.

— Нет? А почему, позвольте узнать?

— Так решил врач.

— Серьезно? Какой врач?

За спиной у Ваймса сержант Колон закрыл глаза.

— Доктор Джеймс Фолсом, — ответил Ваймс.

Прошло несколько секунд, прежде чем кто-то догадался.

— Что? Неужели вы про… Джимми Пончика? Он же коновал!

— Насколько мне известно, да.

— Но почему именно он?

— Потому что многие из его пациентов выживают, — сказал Ваймс и поднял руки, чтобы утихомирить ропот. — А теперь, господа, я вынужден вас покинуть. Прямо сейчас где-то прячется отравитель. Я хотел бы найти его, прежде чем он станет убийцей.

Он поднялся назад по лестнице, пытаясь не обращать внимания на крики за спиной.

— Вы уверены, что стоило звать Пончика, сэр? — спросил Колон, догоняя его.

— А что, ты ему не доверяешь? — спросил Ваймс.

— Пончику-то? Нет, конечно!

— Вот и правильно. Он не заслуживает доверия, и мы ему не доверяем. Так что все сходится. Но я видел, как он выходил лошадь, про которую все говорили, что ей место на живодерне. Коновалы работают на результат, Фред.

С этим трудно было спорить. Когда человеческий лекарь видит, что его пациент скончался, не

выдержав бесконечных банок и кровопусканий, он всегда может сказать: «Что поделать, на все воля божья, тридцать долларов, пожалуйста», — и спокойно уйти. Это потому что люди формально ничего не стоят. А вот хорошая скаковая лошадь может стоить двадцать тысяч долларов. Врач, который позволит ей раньше срока сбежать в великий небесный табун, может вскоре услышать в темном переулке нечто вроде: «Господин Хризопраз очень раздосадован», и краткий остаток его жизни будет полон неприятных сюрпризов.

— Никто не знает, где капитан Моркоу и Ангва, — сказал Колон. — У них выходной. И Шнобби тоже нигде не видно.

— Ну хоть что-то хорошее…

— Дзынь-дзынь, дон-дон, — произнес голос в кармане у Ваймса.

Он вынул органайзер и поднял крышку.

— Да?

— Э-э-э… полдень. Ланч с леди Сибиллой.

Бес вгляделся в их лица.

— Гм… я же ничего такого не сказал, правда? — спросил он.

Шельма Задранец вытер пот со лба.

— Командор Ваймс прав. Это может быть мышьяк, — сказал он. — Все признаки налицо. Сами

посмотрите, какого он цвета.

— Та еще пакость, — заметил Джимми Пончик. — Он не жевал свою подстилку?

— Все простыни нетронуты, так что, думаю, ответ отрицательный.

— А как он мочится?

— Эм-м. Думаю, так же, как и всегда.

Пончик цыкнул зубом. Зубы у него были исключительные. Все, кто с ним знакомился, замечали их почти сразу. Они были цвета немытого чайника.

— Поводите его по кругу с отпущенными поводьями, — сказал он.

Патриций открыл глаза.

— Вы, получается, врач? — спросил он.

Джимми Пончик с сомнением на него покосился. Он не привык к тому, чтобы его пациенты разговаривали.

— Ну, вообще-то да… Я многих на ноги поставил.

— Нет уж, спасибо, я сам встану, — сказал патриций. Он попытался подняться и снова откинулся на постель.

— Я ему смешаю микстуру, — сказал Джимми Пончик и отошел подальше. — Дважды в день берите его за нос и заливайте лекарство ему в

глотку, ладно? И никакого овса.

Он поспешил за дверь, оставив Шельму наедине с патрицием.

Шельма Задранец обвел взглядом комнату. Ваймс не оставил ему особых инструкций. Он просто сказал: «Я уверен, что это не дегустаторы. Они же знают, что им могут приказать съесть целую тарелку. Но я все равно отправил Детрита с ними потолковать. Найди ответ на вопрос „как“, договорились? А с вопросом „кто“ я сам разберусь».

Если яд попал внутрь не с пищей и не с водой, какие еще оставались варианты? Можно нанести яд на подушку, чтобы жертва его вдохнула, или накапать яду ей в ухо, пока она спит. Можно устроить так, чтобы жертва потрогала отравленную поверхность. Еще это мог быть незаметный укол… Или укус насекомого…

Патриций поворочался в постели и обратил взгляд своих красных слезящихся глаз на Шельму:

— Скажи-ка мне, ты стражник?

— Э-э-э… я только заступил на службу, сэр.

— Если не ошибаюсь, у тебя гномье происхождение.

Шельма не стал отвечать. Отрицать это не было

смысла. Когда ты гном, это каким-то непостижимым образом можно определить с первого взгляда.

— Мышьяк — очень распространенный яд, — сказал патриций. — Его повсеместно используют в быту. Есть более модные яды — например, алмазная пыль: она столетиями была в чести, хотя и совершенно бесполезна. Та же история с гигантскими пауками. Ртуть — яд для терпеливых, азотная кислота — для тех, кому не хватает терпения. У шпанской мушки тоже есть свои поклонники. Вещества, выделяемые разными животными, вообще предоставляют много возможностей. Например, если раздобыть гусеницу квантовой погодной бабочки, можно сделать человека совершенно беспомощным. Но мы снова и снова возвращаемся к мышьяку как к старому другу.

Патриций говорил в полудреме, заплетающимся языком.

— Разве это не так, юный Витинари? Так и есть, сэр. Все верно. Но в таком случае куда нам его поместить — зная, что все будут его искать? Туда, куда посмотрят в последнюю очередь, сэр. Неверно. Это глупо. Надо поместить его туда, куда *вообще никто* не посмотрит…

Голос перетек в бормотание.

Можно нанести яд на простыни, подумал Шельма. Или даже на одежду. Чтобы он медленно впитался в кожу…

Шельма забарабанил в дверь. Стражник открыл.

— Принеси новую кровать.

— Что?

— Другую кровать. Откуда угодно. И свежее постельное белье.

Он посмотрел под ноги. Коврик на полу был совсем маленький. И все же в спальне, где зачастую ходят босиком…

— А еще заберите этот ковер и замените новым.

Что еще?..

Вошел Детрит, кивнул Шельме и внимательно оглядел комнату. Наконец он взял под мышку видавший виды табурет.

— Ентот сойдет, — сказал он. — Если что, приделаю ему спинку.

— Что? — спросил Шельма.

— Тот врач, Пончик, сказал принести ему образец стула пациента, — ответил Детрит и вышел.

Шельма открыл было рот, чтобы окликнуть его, но потом пожал плечами. Чем меньше мебели,

тем лучше…

Ну и все, пожалуй. Не отдирать же обои со стен.

Сэм Ваймс смотрел в окно.

Витинари не окружал себя телохранителями. У него, как и у многих, были дегустаторы — и на этом все. Конечно, Витинари и здесь ухитрился провернуть один из своих фирменных трюков: со всеми дегустаторами хорошо обращались, всем платили достойное жалованье, и все они были сыновьями шеф-повара. Но в первую очередь его защищало то, что всем без исключения он был полезнее живым, чем мертвым. Крупные влиятельные гильдии не любили Витинари, но предпочитали видеть в Продолговатом кабинете именно его, а не кого-нибудь из конкурентов. К тому же Витинари воплощал собой стабильность. Это была холодная и бездушная стабильность, но гений патриция, среди прочего, состоял в том, что он осознал: именно стабильности люди желают больше всего на свете.

Он как-то раз сказал Ваймсу, стоя в этой самой комнате у этого самого окна: «Они думают, что хотят равенства и справедливости, но чего они на самом деле жаждут, о чем мечтают в глубине души? Чтобы вещи шли своим чередом и завтра

было таким же, как сегодня».

Ваймс отвернулся от окна.

— Что мне теперь делать, Фред?

— Не знаю, сэр.

Ваймс уселся в кресло Витинари.

— Ты помнишь предыдущих патрициев?

— Старого лорда Капканса? И того, что был перед ним, лорда Ветруна? Как не помнить. Те еще типы. Этот хотя бы не хихикал как умалишенный и в платье не наряжался.

«А вот уже и прошедшее время, — подумал Ваймс. — Еще свежее в памяти, но неумолимо уходящее».

— Что-то внизу стало очень тихо, — заметил он.

— Заговоры обычно плетутся в тишине, сэр.

— Фред, Витинари вообще-то жив.

— Да, сэр. Но не похоже, что он сейчас за главного.

Ваймс пожал плечами.

— Не похоже, чтобы сейчас хоть кто-то был за главного.

— Может быть, сэр. И вообще, никогда не знаешь, где тебе повезет.

Колон стоял навытяжку, глядя прямо перед собой, и говорил очень ровным, подчеркнуто без-

эмоциональным тоном. Ваймсу была знакома эта поза. Он сам при необходимости ее принимал.

— О чем это ты? — спросил он.

— Ни о чем, сэр. Просто фигура речи, сэр.

Ваймс откинулся в кресле.

«Еще утром я знал, что мне готовит день, — подумал он. — Мне нужно было сходить к этим чертовым геральдистам. Потом побывать на нашей обычной встрече с Витинари. После ланча я бы пролистал несколько рапортов, может, сходил бы посмотреть, как обстоят дела в новой штаб-квартире стражи на Тряпичной улице, и лег бы спать пораньше. А теперь Фред мне предлагает… что?»

— Слушай, Фред, если у Анк-Морпорка появится новый правитель, это буду не я.

— Кто же это будет, сэр? — спросил Фред, все так же тщательно подбирая интонации.

Перед Ваймсом разверзлась бездна, и он почувствовал, как туда с хлюпаньем утекают мысли.

— Ты же сейчас на Моркоу намекаешь, да?

— Может быть, сэр. Ведь ни одна гильдия не позволит, чтобы городом правил кто-то из другой гильдии, а капитана Моркоу все любят, и, ну… ходят слухи, что он подследник престола, сэр.

— Этому нет никаких подтверждений, сер-

жант.

— Не мне судить, сэр. Я в этом ничего не смыслю. Не знаю, какие нужны подтверждения, — сказал Колон, и в голосе у него мелькнула тень неповиновения. — Но у него есть этот его меч, и родимое пятно в форме короны, и… ну, все и так знают, что он король. Это все его кризма.

«Харизма, — подумал Ваймс. — О да. У Моркоу действительно есть харизма. Он умеет влиять на людей. Он даже дикого леопарда уговорил бы сдаться, положить зубы на полку и заняться общественно полезной работой, и все старушки в округе были бы не рады».

Ваймс не доверял харизме.

— Хватит с нас королей, Фред.

— Ваша правда, сэр. Кстати, Шнобби объявился.

— Час от часу не легче.

— Вы вроде как хотели с ним поговорить про все эти похороны, сэр…

— Покушения покушениями, а служба по расписанию, да? Ладно, иди и скажи ему, чтобы поднимался.

Ваймс остался наедине с собой.

Хватит с нас королей. Ваймсу непросто было объяснить, почему он в этом уверен, почему сама

идея королевской власти противна всему его существу. В конце концов, многие патриции были не менее паршивыми, чем короли. Но они были… равны всем остальным в своей паршивости, что ли. Что бесило Ваймса до зубовного скрежета, так это идея, что короли — какие-то особенные люди. Высшая форма жизни. В чем-то даже магическая. И следы этой магии сохранялись по сей день. Анк-Морпорк до сих пор пестрел названиями, оставшимися с королевских времен, был наводнен старичками, которые получали несколько пенсов в неделю за выполнение бессмысленных задач, — например, в городе были Держатель королевских ключей и Хранитель королевских сокровищ, хотя давно уже не осталось ни ключей, ни тем более сокровищ.

Короли все равно что одуванчики. Сколько голов ни срубишь, корни все равно остаются под землей и ждут своего часа.

Монархия сродни хронической болезни. Такое ощущение, что даже у самых разумных людей где-то в голове начертали на свободном клочке: «Короли — это прекрасно!» Кто бы ни создал человечество, он допустил важный конструкторский просчет. Речь о неизбывном людском желании преклонять колени.

В дверь постучали. Казалось бы, стучать исподтишка невозможно, но этот стук был именно таким. Его обертона сообщали подсознанию: если никто не откроет дверь, тот, кто сейчас стучал, все равно бочком в нее протиснется, после чего умыкнет все плохо (и хорошо) лежащие сигареты, прочитает все письма, что попадутся ему на глаза, выдвинет несколько ящиков, отопьет из бутылок, которые при этом обнаружатся, но на серьезное преступление не пойдет, потому что преступление — это акт сознательного выбора, а он действует по наитию, как мелкий хищник, и его преступные наклонности — часть его натуры. Словом, это был очень красноречивый стук.

— Заходи, Шнобби, — устало сказал Ваймс.

Капрал Шноббс протиснулся в комнату. Еще одним его свойством было умение протискиваться даже в настежь распахнутую дверь.

Он неловко отдал честь.

Над капралом Шноббсом не властны перемены, сказал себе Ваймс. Даже Фред Колон как-то приспособился к изменившемуся статусу Городской Стражи, но натура Шноббса оставалась незыблемой. Что с ним ни делай, в основе своей он оставался все тем же Шнобби.

— Шнобби…

— Да, сэр?

— Эм… Садись, Шнобби.

Капрал Шнобби посмотрел на него с подозрением. Выволочки обычно начинались по-другому.

— Фред, э-э-э, сказал, что вы хотели меня видеть, господин Ваймс, и поговорить о соблюдении графика…

— Я? Хотел? Ах да. Шнобби, сколько раз ты на самом деле ходил на бабушкины похороны?

— М-м-м… три, — неуверенно проговорил Шнобби.

— Три?

— Оказалось, что бабуля Шноббс в первый раз не до конца умерла.

— Так зачем ты так часто отпрашивался?

— Не хочу говорить, сэр…

— Почему?

— Вы начнете метать икру.

— Икру?

— Ну, лезть в бутылку.

— Может, и так, Шнобби. — Ваймс вздохнул. — Но если ты не ответишь, я не икру начну метать, а громы и молнии.

— Это все из-за юби… юпи… в общем, из-за той трехсотлетней годовщины, которую мы будет праздновать на будущий год, господин Ваймс.

— Так?

Шнобби облизал губы.

— Я не хотел специально ради этого отпрашиваться. Фред сказал, вы на такое серчаете. Но… вы же знаете, сэр, я состою в обществе рулевиков…

Ваймс кивнул:

— Знаю, ага. Те самые клоуны, что наряжаются во всякие тряпки и разыгрывают старинные битвы на тупых мечах.

— Анк-Морпоркское общество исторической реконструкции, сэр, — поправил Шнобби с легким укором.

— Я так и сказал.

— В общем… в честь праздника мы собираемся реконструировать Битву за Анк-Морпорк. А значит, нужно много репетировать, вот.

— Так, кое-что начинает проясняться, — сказал Ваймс и устало кивнул. — Выходит, ты маршировал туда-сюда с жестяной пикой? В рабочее время?

— Эм-м… не совсем так, господин Ваймс… Я… По правде говоря, я ездил туда-сюда на белом коне.

— Да? Представлял себе генералом, что ли?

— Э-э-э… чуть больше, чем генералом, сэр…

— Ну-ка?

У Шнобби нервно дернулся кадык.

— Я… Я буду королем Лоренцо, сэр. Э… ну знаете… последним королем, тем, которого ваш… м-м-м…

Повисла мертвая тишина.

— Так, значит… ты будешь… — начал Ваймс, перекатывая слова на языке, как виноградинки, налитые гневом.

— Я же говорил, вы полезете в бутылку, — сказал Шнобби. — Фред Колон тоже сказал, что полезете.

— Но почему ты…

— Мы тянули жребий, сэр.

— И ты проиграл?

Шнобби поежился.

— Э… не то чтобы проиграл, сэр. Не совсем. Скорее выиграл. Каждый хотел стать королем. Ну, чтобы получить коня, красивый костюм и так далее, сэр. Ну и, в конце концов, он все-таки был король, сэр.

— Он был кровожадным чудовищем!

— Ну, это давно было, сэр, — сказал Шнобби, поерзав на месте.

Ваймс слегка остыл.

— А кому выпало играть Камнелица Ваймса?

— Э… э…

— Шнобби!

Шнобби понурил голову.

— Никому, сэр. Никто не хотел его играть, сэр. — Маленький капрал сглотнул, а потом выпалил с решимостью человека, желающего выложить все как на духу и покончить с этим: — Так что мы сделали чучело из соломы, сэр, чтобы оно красиво горело, когда мы вечером бросим его в костер. Будет салют, сэр! — веско добавил он.

Ваймс сидел с непроницаемым видом. Шнобби предпочитал, когда на него кричали. Он всю жизнь слушал чужие окрики. С этим он худо-бедно научился справляться.

— Никто не захотел быть Стариной Камнелицем, — сухо сказал Ваймс.

— Потому что Камнелиц проиграл, сэр.

— Проиграл? Железноголовые Ваймса победили. Он полгода управлял городом.

Шнобби снова поежился.

— Да, но… все в нашем обществе говорят, что это случайность, сэр. Что ему просто повезло. В конце концов, у противника был перевес всего-то десять к одному. А еще у Камнелица были бородавки, и вообще он мерзкий тип, если уж на то пошло. Он отрубил королю голову, сэр. Хорошие люди так не поступают. При всем уважении, сэр.

Ваймс покачал головой. Какая, в сущности,

разница? (Хотя разница была, и существенная.) Все это уже история. Неважно, что там себе возомнила кучка чокнутых романтиков. Факты есть факты.

— Ладно, я понял, — сказал он. — Знаешь, это даже забавно. Потому что мне кое-что еще надо тебе сказать.

— Да, сэр? — спросил Шнобби с явным облегчением.

— Ты помнишь своего отца?

Шнобби снова перепугался.

— С чего вдруг такие вопросы, сэр?

— Чистое любопытство.

— Старика Сконнера, сэр? Да не то чтобы. Я особо его и не видел, кроме того случая, когда пришла военная полиция и вытащила его с чердака.

— А что насчет твоей, м-м-м, генеалогии?

— Все это враки, сэр. Нет у меня никакой генеалогии, что бы вам ни наговорили.

— Ох. Ладно. Э… ты же не знаешь, что такое «генеалогия», да, Шнобби?

Шнобби поерзал на стуле. Он не любил, когда его допрашивали стражники, особенно учитывая, что он и сам был стражником.

— Я в словах не большой мастак, сэр.

— Тебе ничего не известно о твоих пращурах?

На лице Шнобби снова отразилось смятение, так что Ваймс быстро добавил:

— О твоих предках.

— Только о старике Сконнере. Сэр… если вы так подводите к тому, чтобы спросить о тех мешках с овощами, что пропали из лавки на улице Паточной Шахты, знайте, что я не…

Ваймс неопределенно махнул рукой.

— Он тебе… ничего на память не оставил?

— Парочку шрамов, сэр. И этот злосчастный локоть, что ноет на погоду. Всегда вспоминаю старика, когда ветер дует со стороны Пупа.

— Ага, ладно…

— А, ну и это еще, конечно. — Шнобби сунул руку за проржавевший нагрудник. Вот тоже чудо из чудес. Даже доспехи сержанта Колона порой поблескивали, пусть и не сияли по-настоящему. Но любой металл, вступивший в контакт с кожей Шнобби, почти мгновенно покрывался ржавчиной. Капрал вытянул кожаный шнурок, который носил на шее, и Ваймс увидел золотое кольцо. Золото не ржавеет, но кольцо все же было покрыто патиной.

— Он мне его передал, когда лежал на смертном одре, — сказал Шнобби. — Ну то есть как передал…

— А он что-то сказал?

— Сказал, а как же: «А ну отдай, паршивец!» Он его носил на шнурке, сэр, прямо как я. Но от этого кольца мало проку. Я бы его кому-нибудь загнал, но это единственное, что у меня есть на память о старике, сэр. Ну, кроме ветра с Пупа.

Ваймс взял кольцо и потер пальцем. Это был перстень с печаткой, с выгравированным гербом. Годы, патина и постоянный контакт с телом капрала Шноббса сделали гравировку почти неразличимой.

— Да у тебя небось полно титулов, Шнобби.

Шнобби кивнул:

— Но у меня от них есть специальный шампунь, сэр.

Ваймс вздохнул. Он был честным человеком. Он всегда считал, что это один из главных его недостатков.

— Когда у тебя выдастся свободная минутка, загляни в Геральдическую палату на Моллимогской улице, ладно? Захвати с собой это кольцо и скажи, что это я тебя послал.

— Э-э-э…

— Тут нет никакого подвоха, Шнобби, — сказал Ваймс. — Не бойся, в переделку не попадешь. Ну, не на этот раз.

— Как скажете, сэр.

— И не обязательно называть меня «сэр», Шнобби.

— Есть, сэр.

Когда Шнобби ушел, Ваймс вытащил на свет потрепанную копию «Книги Пэров Твурпа», или, как он сам ее называл, справочника преступного мира. Обитателям трущоб не было места на этих страницах, зато здесь можно было найти их арендодателей. И, хотя проживание в трущобах считалось весомым аргументом в пользу преступных намерений, владение целым кварталом этих трущоб почему-то всего-навсего открывало двери на светские рауты.

В последнее время чуть ли не каждую неделю выходило обновленное издание. Дракон был прав по меньшей мере в одном. Анк-Морпорк грозил превратиться в форменный гербарий.

Он поискал в списке фамилий де Шноббсов.

Проклятье, даже у них был свой герб. С одной стороны его подпирал гиппопотам — предположительно один из королевских гиппопотамов, а значит, предок Родрика и Кита. С другой — кто-то вроде быка, подозрительно похожий на Шнобби. Он держал золотой крест, который наверняка где-то умыкнул — это все-таки был герб де Шноббсов.

Герб был красно-зеленый, с белым шевроном, на котором красовались пять яблок. Их значение было для Ваймса неочевидным. Может, это был очередной потешный каламбур, от которого вся Геральдическая палата ухахатывалась и хлопала в ладоши. Хотя если Дракон, Король Гербов, слишком сильно хлопнет в ладоши, он рискует остаться без рук.

Вообразить Шнобби снобом-аристократом было легче легкого. Его ошибка состояла в том, что он недостаточно широко мыслил. Он залезал в чужие дома и прибирал к рукам всякую малозначительную ерунду. Если бы он залезал на чужие континенты и прибирал к рукам целые города, в процессе жестоко убивая их жителей, он мигом стал бы столпом общества.

Фамилия Ваймса в книге не упоминалась.

Я-Сама-Справедливость Ваймс не был столпом общества. Он собственными руками убил короля. Это нужно было сделать, но общество, что бы мы ни понимали под этим словом, не всегда в восторге от людей, которые делают или говорят то, что нужно. Он не только короля предал смерти, что верно, то верно, но город катился ко дну, постоянно вспыхивали какие-то идиотские войны, нас едва не подмяла под себя Клатчская

империя. Приятный тип уж точно не исправил бы ситуацию. История нуждалась в хирургии. И временами единственный подходящий хирургический инструмент — топор. В топоре есть что-то веское и окончательное. Но стоит убить одного дрянного королишку — и тебя уже называют цареубийцей. Как будто ты постоянно этим промышляешь…

Ваймс когда-то нашел в библиотеке Незримого Университета дневник Камнелица. Старик отличался суровым нравом, тут не поспоришь. Но и времена были суровые. В дневнике он написал: «Пускай же из горнила битвы выйдут новые люди, коих не прельстит былая ложь». Но былая ложь в конце концов победила.

Он сказал людям: «Вы свободны». И они закричали: «Ура!», а потом он показал им цену свободы, и они назвали его тираном и предали, немного потыкались в разные стороны, как цыплята, которые впервые высыпали из родного курятника во двор, и вернулись в тепло, и закрыли за собой дверь…

— Дзынь-дзынь, дон-дон.

Ваймс вздохнул и достал органайзер.

— Да?

— Напоминание: встреча с сапожником, два

часа дня, — сообщил бес.

— Сейчас еще не два, да и в любом случае, это было во вторник, — сказал Ваймс.

— Тогда я вычеркну это из списка дел, да?

Ваймс пихнул неорганизованный органайзер обратно в карман и снова выглянул в окно.

У кого был мотив отравить лорда Витинари?

Нет, это неверный подход. Наверное, если отправиться на окраины города и свести круг подозреваемых к старушкам, которые почти не выходят из дома (что немудрено, когда дверь заклеена обоями), удалось бы найти кого-то, у кого *не было* мотива. Но Витинари оставался в живых, потому что устраивал дела таким образом, что будущее без него представлялось более рискованной перспективой, чем будущее с ним.

Выходит, решиться на его убийство мог только безумец — а безумцев в Анк-Морпорке хватало, боги свидетели, — или кто-то, кто не сомневался: если город рухнет, он окажется на самом верху этой груды обломков.

Если Фред прав — а сержант обычно служил хорошим примером того, как мыслят простые горожане, поскольку и сам был простым горожанином, — таким человеком был капитан Моркоу. Но Моркоу был одним из немногих жителей го-

рода, кому, кажется, нравился Витинари.

Конечно, был еще один человек, который выиграл бы от убийства патриция.

«Вот черт, — подумал Ваймс. — Это же я».

В дверь снова постучали. Этот стук он не опознал.

Он осторожно приоткрыл дверь.

— Это я, сэр. Задранец.

— Ну заходи тогда. — Было приятно осознавать, что хоть у кого-то в мире больше проблем, чем у Ваймса. — Как там его светлость, в каком он состоянии?

— В стабильном, — ответил Задранец.

— Смерть — это тоже стабильное состояние.

— Я имею в виду, что он жив, сэр. Сидит и читает. Доктор Пончик смешал для него какую-то липкую гадость, которая отдает водорослями, а я добавил туда глубульской соли. Сэр, помните того старика из дома на мосту?

— Какого ста… ах да. Точно. — Казалось, что это было уже давным-давно. — А что такое?

— Ну… Вы меня попросили осмотреться, и я… сделал несколько картинок. Вот, например. — Он протянул Ваймсу черный прямоугольник — почти черный.

— Странно. Это что такое?

— Э… Вы слышали теорию про глаза мертвеца, сэр?

— В теории я не силен, я как-то больше по практике.

— Ну, в общем… говорят…

— Кто говорит?

— Все говорят, сэр.

— Те самые «все» из фразы «всем известно»? Те, из кого состоит «общество»?

— Да, сэр. Видимо, они.

Ваймс махнул рукой.

— А, эти. Ну, продолжай.

— Говорят, что в глазах у мертвеца отражается последнее, что он видел при жизни.

— Слышал, да. Но это все старые сказки.

— И правда старые. Но посудите сами, разве они дожили бы до наших дней, будь они неправдой? Мне показалось, я увидел красную искорку, так что я велел бесу нарисовать зрачок как можно крупнее, пока она совсем не погасла. И вот тут, прямо посередине…

— А бес не мог просто это выдумать? — спросил Ваймс, снова глядя на картинку.

— Они лишены воображения, сэр. Что видят, то и рисуют.

— Светящиеся глаза.

— Две красные точки, — педантично уточнил Задранец, — которые и вправду могут быть светящимися глазами, сэр.

— Хорошо подмечено, Задранец. — Ваймс поскреб подбородок. — Проклятье! Надеюсь, никакие боги тут не замешаны. Только этого мне сейчас не хватало. Можешь сделать копии, чтобы я отправил их во все штаб-квартиры?

— Да, сэр. У беса хорошая память.

— Тогда за дело.

Но прежде чем Задранец вышел, дверь снова открылась.

Ваймс поднял голову. На пороге стояли Моркоу и Ангва.

— Моркоу? Я думал, у тебя выходной.

— Мы обнаружили труп, сэр! В Музее гномьего хлеба. Но когда мы вернулись в штаб-квартиру, нам сказали, что лорд Витинари мертв!

«Так и сказали? — подумал Ваймс. — Вот тебе и слухи. Если бы правда могла распространяться с той же скоростью, до чего было бы хорошо…»

— Для трупа он слишком глубоко дышит, — сказал он. — Думаю, что с ним все будет в порядке. На этот раз его не устерегли, но это ничего. Я нашел для него врача — не самого известного, но хорошего. Не волнуйся.

«Не устерегли, — подумал Ваймс. — А ведь это я возглавляю Стражу».

— Не самого известного? Надеюсь, вы не зря сделали на него ставку, сэр, — сурово сказал Моркоу.

— О, не переживай. Он так хорош, что даже на его пациентов делают ставки, — ответил Ваймс.

«Я должен был его устеречь, и я оплошал».

— Если с ним что-то случится, это станет трагедией для всего города! — сказал Моркоу.

В его прямом и решительном взгляде не читалось ничего, кроме искреннего беспокойства.

— Да уж, пожалуй, — сказал Ваймс. — Так или иначе, все под контролем. Говоришь, еще кого-то убили?

— В Музее гномьего хлеба. Кто-то убил господина Хопкинсона его собственным хлебом!

— Его заставили съесть музейные экспонаты?

— Ему разбили голову, сэр, — с укором сказал Моркоу. — Боевым Батоном.

— Господин Хопкинсон — это такой старичок с белой бородой?

— Да, сэр. Если помните, я вас знакомил, когда водил вас на выставку метательных кренделей.

Ангве показалось, что Ваймс на секунду поморщился, что-то припоминая.

— Кому понадобилось убивать стариков? — бросил он в пустоту.

— Не знаю, сэр. Констебль Ангва сходила на разведку в штатском, — Моркоу заговорщически приподнял бровь, — и не нашла ничьих следов. Преступники ничего не забрали. Вот орудие убийства.

Боевой Батон был намного крупнее обычного батона. Ваймс осторожно покрутил его в руках.

— Для гномов это метательное оружие, да?

— Да, сэр. В прошлом году на чемпионате в Семигорье Снорри Щитогрыз похожим хлебом сшиб верхушки с шести крутых яиц разом, метнув его с пятидесяти ярдов, — а у него был обычный охотничий батон. Но это не просто батон — это культурная ценность. Мы утратили технологии, по которым пекся такой хлеб. Он единственный в своем роде.

— И, наверное, дорого стоит?

— Очень, сэр.

— Достаточно, чтобы его украсть?

— Его никому не удастся сбыть. Каждый честный гном тут же его узнает!

— Хм-м. Ты слышал про убийство священника на мосту Призрения?

Эти слова потрясли Моркоу.

— Отца Трубчека убили? Неужели правда?

Ваймс удержался от того, чтобы спросить: «Так ты его знал?» Ведь Моркоу знал *всех*. Забрось его в какие-нибудь густые джунгли, и он бы тут же сказал: «Приветствую, господин Бегущий-по-Джунглям! Доброе утро, господин Говорящий-с-Лесом! Что за дивная у вас духовая трубка! И в какое интересное место вы придумали воткнуть перо!»

— У него было больше одного врага? — спросил Ваймс.

— Простите, сэр? Почему больше одного?

— То, что у него был как минимум один враг, и так очевидно, правда?

— Он очень славный старичок… был, — сказал Моркоу. — Почти не выходил из дома. Всё время сидит… сидел над книгами. Очень увлекался религией. То есть религиями, самыми разными. Он их изучал. Чудаковатый, но совершенно безобидный. Зачем кому-то его убивать? И господина Хопкинсона? Кому помешали два ни в чем не повинных старика?

Ваймс вернул ему Боевой Батон.

— Это нам и нужно выяснить. Констебль Ангва, взгляни-ка на это. Поработай в паре… да, в паре с капралом Шельмой Задранцем, — сказал он. — Он уже кое в чем продвинулся. Задранец, Ангва

тоже из Убервальда. Может, у вас есть общие друзья и все такое.

Моркоу жизнерадостно кивнул. Лицо Ангвы сделалось каменным.

— О, х'драк г'хар д'Стража, Пр'хн'дей, — сказал Моркоу. — Х'х Ангва т'констебль… Ангва г'хар, б'хк баргр'а Пр'хн'дей кад'к[10]…

Ангва сосредоточилась.

— Грр'дакк д'буз'драк… — выдавила она.

Моркоу рассмеялся.

— Ты только что сказала: «Какая милая кирка, очень женственная!»

Шельма уставился на Ангву, которая в ответ пробормотала:

— Ну, тем, кто не питался с детства гравием, трудно выучить гномий…

Шельма еще несколько мгновений на нее таращился.

— Э… спасибо, — наконец произнес он. — М-м-м…

Я, пожалуй, пойду, приберусь в лаборатории.

— А что насчет лорда Витинари?

— Я поручил это своему лучшему человеку, — сказал Ваймс. — Верному, надежному, знающему

---

[10] Примечания: 10

Добро пожаловать, капрал Шельма! Это констебль Ангва… Ангва, покажи Шельме, что ты уже неплохо говоришь погномьи…

тут все ходы и выходы как свои пять пальцев. Другими словами, я сам этим займусь.

Надежда, вспыхнувшая было в глазах Моркоу, сменилась обидой и удивлением.

— Вы не хотите, чтобы я помог? Я мог бы…

— Нет. Ты уж прости старика. Я хочу, чтобы ты отправился в штаб-квартиру и занялся делом.

— Каким делом?

— Каким угодно! На месте разберешься. Можно поперекладывать бумажки. Или составить новое расписание дежурств. Поори на людей! Почитай рапорты!

Моркоу отдал честь.

— Есть, командор Ваймс.

— Вот и ладно. Ну, ступайте.

«И, если что-то случится с Витинари, — добавил про себя Ваймс, когда удрученный Моркоу вышел из комнаты, — никто не сможет сказать, что ты в это время был с ним рядом».

Решетчатое окошко в воротах Королевской геральдической палаты щелкнуло и открылось под аккомпанемент приглушенного рева и рычания.

— Да? — спросил голос. — Чего тебе надобно?

— Я капрал Шноббс, — сказал Шнобби.

К решетке прислонился глаз. Ему во всем своем блеске и нищете предстала та необъяснимая

ошибка природы, которую именовали капралом Шноббсом.

— Ты бабуин, что ли? Мы как раз посылали за бабуином, чтобы…

— Нет. Я пришел по поводу этого… как его… гербария.

— По поводу герба? Ты? — спросил голос. В его интонации слышался недвусмысленный намек на то, что существуют разные степени знатности, от короля до простолюдина, но для капрала Шноббса, возможно, потребуется ввести новую степень — чернее черни.

— Мне сказали прийти, — жалко протянул Шнобби. — Сказали, тут как-то замешано мое колечко.

— Отправляйся-ка кругом, через черный ход, — сказал голос.

Шельма возился с самодельным оборудованием, которое он расставил в уборной, когда какой-то звук заставил его обернуться. К дверному косяку прислонилась Ангва.

— Что такое? — спросил он.

— Ничего. Я просто решила сказать: не волнуйся, я никому не скажу, если ты не захочешь.

— Не понимаю, о чем ты!

— А вот и неправда.

Шельма выронил пробирку и обмяк на сиденье.

— Как ты догадалась? — спросил он. — Даже другие гномы не замечают! Я ведь так осторожничаю!

— Давай просто сойдемся на том… что у меня особое чутье, — ответила Ангва, глядя, как Шельма рассеянно протирает мензурку. — Не понимаю, почему ты так расстраиваешься. Я думала, для гномов между мужчинами и женщинами все равно нет особой разницы. Половина гномов, которых мы сюда приводим по статье номер двадцать три, женщины, я это точно знаю, и они всегда самые неуемные…

— Что за статья номер двадцать три?

— «Нападение в пьяном виде с попыткой отрубить ноги топором», — сказала Ангва. — Проще их пронумеровать, чем каждый раз записывать название. Слушай, в городе полно женщин, которые были бы рады жить по гномьим обычаям. Ну сама посуди, какой у них выбор? Стать трактирщицей, белошвейкой или чьей-то женой. В то время как вы можете делать все то же, что и мужчины…

– *Только* то же, что и мужчины, — поправила Шельма.

Ангва помолчала.

— Ох, — сказала она наконец. — Ясно. Угу. Понимаю. Знакомая песня.

— Я даже не могу удержать в руках топор! — пожаловалась Шельма. — Я боюсь влезать в драку! Мне надоели дурацкие песни про золото! И пиво я ненавижу! Я даже не умею пить по-гномьи! Когда я пытаюсь опрокинуть кружку пива, я ее опрокидываю на пол.

— Да, не так-то это просто, — согласилась Ангва.

— Недавно я видела, как какая-то девушка шла по улице, а ей вслед *свистели*! И вы можете носить платья! *Разноцветные*!

— О боги. — Ангва с трудом сдержала улыбку. — И как давно женщины-гномки из-за этого переживают? Мне казалось, они всем довольны…

— Легко быть всем довольной, когда не знаешь другой жизни, — с горечью в голосе сказала Шельма. — И кольчужные трусы сойдут, если ты никогда не слышала о кружавчатых!

— О кружавчатых… то есть о кружевных, — сказала Ангва. — Да, конечно. — Она искренне старалась проникнуться сочувствием к Шельме, и ей даже это удалось, но все равно пришлось

закусить язык, чтобы не ляпнуть: «По крайней мере, тебе не приходится выбирать белье, которое проще расстегнуть лапами!»

— Я думала, что приеду сюда и смогу подыскать себе другую работу, — простонала Шельма. — Я неплохо управляюсь с иголкой и ниткой, так что я пошла в Гильдию Белошвеек, и… — Она замолчала, и даже под бородой было видно, как она покраснела.

— Угу, — сказала Ангва. — Ты не первая, кто так ошибается. — Она выпрямилась и встряхнулась. — Как бы то ни было, ты произвела впечатление на командора Ваймса. Думаю, тебе тут понравится. В Страже у всех свои заморочки. Нормальные люди в стражники не идут. Ты отлично впишешься.

— Командор Ваймс немного… — начала Шельма.

— Когда он в хорошем настроении, он очень даже ничего. Ему просто нельзя быть трезвым, но сейчас он не осмеливается пить. Ну, сама знаешь: одной рюмки слишком много, двух слишком мало… А когда он не пьет, он становится дерганым. В дурном настроении он может отдавить тебе ногу, а потом наорать на тебя за то, что ты лезешь куда ни попадя.

— Но ты… ты нормальная, — застенчиво проговорила Шельма. — Ты мне нравишься.

Ангва потрепала ее по голове.

— Может, сейчас тебе так и кажется, — сказала она, — но погоди, пройдет немного времени, и ты увидишь, какой я иногда бываю сучкой… Что это?

— Где?

— Вот эта… картинка. С глазами…

— Или с двумя красными точками, — уточнила Шельма.

— Допустим…

— Думаю, это последнее, что отец Трубчек увидел перед смертью, — сказала гномка.

Ангва внимательно посмотрела на черный прямоугольник. Потом принюхалась.

— Вот он опять!

Шельма попятилась.

— Кто? Где?

— Чем это пахнет? — спросила Ангва.

— Это не я! — поспешно заверила Шельма.

Ангва схватила со стола маленькую плошку и понюхала.

— Это тот самый запах, что я учуяла в музее! Что это?

— Просто глина. Была на полу в той комнате,

где убили священника, — ответила Шельма. — Может, кто-то на ботинках принес.

Ангва растерла комочек глины между пальцами.

— Думаю, это просто гончарная глина, — сказала Шельма. — Мы в гильдии с ней часто имели дело. Горшки лепили, — добавила она на случай, если Ангва не сообразит. — Ну знаешь, тигли и все такое. А эту глину как будто кто-то пытался обжечь, но слишком слабо разогрел печь. Видишь, как крошится?

— Гончарная, — повторила Ангва. — Знаю я одного гончара…

Она снова взглянула на иконографию.

«Нет, пожалуйста, — подумала она. — Только не они».

Парадные ворота Королевской геральдической палаты — обе створки! — были распахнуты настежь. Два геральдиста вились вокруг капрала Шноббса, который, пошатываясь, ковылял на выход.

— Вашей светлости ничего больше не нужно?

— Мгм, — сказал Шнобби.

— Если мы хоть чем-то можем быть полезны…

— Ммм.

— Вы только скажите…

— Ммм.

— Простите, что так вышло с вашими ботинками, милорд, но нашей виверне нездоровится. Это очень легко отчистить, когда высохнет.

Шнобби проковылял за ворота.

— У него даже походка благородная, правда?

— Да, очень благородная хромота.

— Подумать только: человек с такой родословной — и простой капрал!

Тролль по имени Вулкан отступал, пока не уперся в гончарный круг.

— Я этого не делал, — сказал он.

— Чего именно? — спросила Ангва.

Вулкан замялся.

Вулкан был рослым и твердокаменным. Он плыл по улицам Анк-Морпорка, словно небольшой айсберг, и, как всякий айсберг, таил немало сюрпризов. Он поставлял… плюс-минус все на свете. И когда про Вулкана говорили, что за ним как за каменной стеной, это была не фигура речи. А многим он служил не только стеной, но и крышей. Вулкан никогда не задавал лишних вопросов — ему просто не хватало на них фантазии.

— Ничаво, — сказал он наконец. Вулкан всегда считал, что лучше отрицать вообще всё, чем

оправдываться по мелочам.

— Рада слышать, — сказала Ангва. — А теперь скажи, откуда ты берешь глину?

Вулкан сморщил лоб, пытаясь вычислить, куда его может завести этот разговор.

— У меня есть енти, чекушки… то есть чеки, — сказал он. — За каждый комок честно уплачено!

Ангва кивнула. Возможно, так оно и было. Хотя Вулкан казался человеком… то есть троллем, не способным досчитать больше чем до десяти, не оторвав у кого-то руку с недостающими пальцами, и был плотно вовлечен в сложную криминальную иерархию Анк-Морпорка, он платил по счетам. Если хочешь преуспеть в преступном мире, тебе нужна репутация честного дельца.

— Такое тебе попадалось? — спросила она, протягивая Вулкану образец.

— Ета глина, — сказал Вулкан, немного успокоившись. — Я каждый день ее вижу. У ней нету серийного номера. Глина — ета глина. У меня на заднем дворе ее целые кучи. Из нее делают кирпичи, горшки и всякое такое. У нас тута куча гончаров, и у всех полно глины. А что тебе до нее?

— А можешь определить, откуда она?

Вулкан взял кусочек глины, понюхал его и по-

мял в пальцах.

— Чудная какая-то глина, — сказал он, явно обрадованный, что разговор ушел в сторону от более личных тем. — Похоже, довольно дрянная. Из такой всякие дамочки с длинными серьгами лепят огромные кружки — их потом обеими руками не подымешь. — Он снова покатал кусочек в пальцах. — А еще в ней есть ента, шамотная крошка. Кусочки старых горшков, мелко-мелко растолченных. Чтобы, значит, была покрепче. У любого гончара такого добра навалом. — Он еще раз помял кусочек. — Ее как будто бросали в печь, но так и не обожгли толком.

— Но ты можешь определить, откуда она?

— Из земли. Точнее не скажу. — Поняв, что его сейчас не будут расспрашивать о недавней партии полых статуй и о схожих материях, Вулкан слегка выдохнул. И, как иногда бывало в таких случаях, решил помочь следствию. — Пойдемте со мной, сами посмотрите.

Он куда-то направился размашистым шагом. Стражники последовали за ним, провожаемые настороженными взглядами пары дюжин троллей. Никому не нравилось присутствие Стражи, особенно тем, кто устроился работать к Вулкану, потому что у него в мастерской было тихо, спокой-

но и можно было на пару недель залечь на дно. Анк-Морпорк не зря называли городом возможностей — он многим предоставлял возможность избежать ямы, плахи или петли за преступления, совершенные где-то высоко в горах.

— Просто не смотри на них, — сказала Ангва.

— Почему? — спросила Шельма.

— Потому что нас двое, а их по меньшей мере пара дюжин, — ответила Ангва. — А вся наша одежда рассчитана на людей с полным комплектом рук и ног.

Вулкан открыл дверь и вышел во двор за мастерской. Там высились башни горшков. Сушились ряды кирпичей. А под грубо сколоченной крышей лежали груды глины.

— Вот она, тута, — сказал Вулкан и обвел эти груды рукой. — Глина.

— А когда она вот так вот свалена, у этого есть специальное название? — робко спросила Шельма и ткнула глину носком ботинка.

— Есть, — ответил Вулкан. — Мы ета называем кучей.

Ангва грустно покачала головой. Вот тебе и улики. Глина — это просто глина. Ангва надеялась, что она бывает разных сортов, а оказалось, что это что-то вроде грязи.

И тут Вулкан оказал Городской Страже помощь в расследовании.

— Ничего, если я вас выведу через заднюю дверь? — пробормотал он. — Помощники волнуются и портят горшки, а мне их потом продавать.

Он указал на широкие ворота в задней стене, сквозь которые заезжали повозки. Потом порылся в кармане фартука и извлек на свет крупную связку ключей.

На воротах висел новенький блестящий замок.

— Неужели *ты* боишься воров? — спросила Ангва.

— С чего бы мне их не бояться? — ответил Вулкан. — Старый замок кто-то сломал, когда забрался сюда пошерудить. Четыре месяца назад это было.

— Вот ужас-то, — заметила Ангва. — Ты, наверное, думаешь: и за что я только плачу налоги!

В некоторых вопросах Вулкан был куда смекалистее, чем, скажем, господин Ломозуб. Он просто проигнорировал эти слова.

— Ну, пошерудили и пошерудили, — сказал он, подталкивая их к открытым воротам со всей настойчивостью, на которую хватало духу.

— А что они украли? Не глину случайно? —

спросила Шельма.

— Она стоит гроши, но тут уж дело принципа, — сказал Вулкан. — Ума не приложу, зачем столько возиться ради глины. Целых полтонны — ета вам не шутки, она же не могла просто так встать и уйти!

Ангва снова покосилась на замок.

— Да уж, это точно, — задумчиво согласилась она.

Ворота за ними захлопнулись. Они оказались в узком переулке.

— Подумать только, кто-то взял и украл кучу глины, — сказала Шельма. — Интересно, Вулкан сообщил Страже?

— Не думаю, — ответила Ангва. — Осы обычно не жалуются, когда их жалят. В любом случае Детрит думает, что Вулкан замешан в контрабанде Шлака, так что ему только дай повод, чтобы сюда заглянуть… Вообще-то формально у меня до сих пор выходной. — Она сделала шаг назад и оглядела высокую остроконечную ограду, защищающую двор. — А можно обжигать глину в той же печи, где пекут хлеб?

— Нет, ничего не выйдет.

— Жара не хватит?

— Да нет, просто форма не та. Одни горшки

пережарятся, другие останутся сырыми. А что?

«И действительно, а что? — подумала Ангва. — Ай, черт с ним…»

— Может, сходим выпить?

— Только не пива, — быстро ответила Шельма. — И не туда, где за столом надо петь. И хлопать себя по коленям.

Ангва понимающе кивнула:

— В общем, куда-то, где нет гномов.

— Э-э… да…

— Тогда можешь не беспокоиться, — сказала Ангва. — Там, куда мы направляемся, гномами и не пахнет.

Туман быстро сгущался. Весь день он прятался по переулкам и подвалам. Теперь же, к вечеру, он снова выползал наружу. Он стелился над землей, поднимался над водой, спускался с неба — омерзительно желтое колючее одеяло, река Анк в воздушно-капельной форме. Он пробирался во все щели и, вопреки всякому здравому смыслу, умудрялся выживать даже в освещенных комнатах, где в его присутствии свечи потрескивали, а глаза слезились. В тумане каждый незнакомец выглядел таинственным, каждая тень казалась зловещей…

Ангва свернула с жалкой невзрачной улицы в

жалкий невзрачный переулок, расправила плечи и толкнула дверь.

Стоило ей войти в зал — длинный, темный, с низким потолком, — как атмосфера в нем переменилась. Мгновение застыло и зазвенело, как хрустальный бокал. А потом все люди в зале как будто выдохнули и повернули головы обратно.

Не факт, что все они были людьми. Но голова, по крайней мере, была у каждого.

Шельма придвинулась поближе к Ангве.

— Как называется это место? — прошептала она.

— В сущности, никак, — ответила Ангва. — Но мы иногда называем его «Заупокоем».

— Снаружи оно совсем не похоже на трактир. Как же люди его находят?

— Никак. Оно… само их притягивает.

Шельма настороженно огляделась. Она не знала, куда они пришли, — понимала только, что они забрались в лабиринт переулков где-то в районе скотобоен.

Ангва подошла к барной стойке.

Из полумрака выплыла еще более темная тень.

— Привет, Ангва, — сказала она глубоким раскатистым голосом. — Тебе, как обычно, фруктовый сок?

— Да. Охлажденный.

— А что насчет гнома?

— А гнома она съест сырым, — сказал кто-то из темноты. Послышались раскаты смеха — совершенно непривычного гномьему уху. Шельма не могла себе представить, с каких губ может срываться такой смех.

— Мне тоже фруктовый сок, — дрожащим голосом попросила она.

Ангва покосилась на гномку. Она ощутила странное облегчение, поняв, что колкая ремарка из темноты прошла мимо ее шлема, задев лишь по касательной. Ангва сняла значок и положила его на стойку — дзыньк. Потом наклонилась к человеку за баром и показала ему иконографию.

…к человеку ли? Шельма не была уверена. Вывеска над баром гласила: «Просто будь собой!»

— Игорь, ты всегда в курсе новостей, — обратилась Ангва к тени. — Вчера убили двух стариков. А недавно у тролля Вулкана украли кучу глины. Ты об этом что-нибудь слышал?

— А тебе что до этого?

— Убивать людей противозаконно, — сказала Ангва. — Конечно, есть и много других противозаконных вещей, так что мы, стражники, всегда очень заняты. А заниматься мы любим важными

вещами. Иначе придется заняться неважными. Смекаешь?

Тень обдумала эти слова.

— Присаживайтесь, — сказала она. — Я вам принесу напитки.

Ангва прошла к столику в укромном уголке. Посетители потеряли к ним интерес. В зале снова загудели голоса.

— Что это за место? — прошептала Шельма.

— Это… место, где все могут быть самими собой, — протянула Ангва. — Даже те, кто обычно осторожничает. Ну, понимаешь?

— Нет…

Ангва вздохнула.

— Вампиры, зомби, страшилы, гули. В общем, всякая неж… — она запнулась и поправилась: — Альтернативно живые. Те, кто большую часть времени только и следит, как бы кого не напугать, и пытается вписаться в общество. Так уж заведено в этом городе. Не высовывайся, найди работу, не причиняй никому беспокойства, и, возможно, к твоему порогу не заявится толпа с вилами и факелами. Но иногда здорово бывает зайти туда, где можно побыть не в форме. Точнее, в естественной форме.

Теперь, когда глаза Шельмы привыкли к по-

лумраку, она видела, что посетители здесь и правда были очень разношерстными — порой в буквальном смысле. Кто-то был намного крупнее обычных людей. У кого-то были острые уши и длинные морды.

— А это что за девушка? — спросила она. — На вид совершенно… нормальная.

— Это Фиалка, зубная фея. А рядом с ней — Шлеппель, страшила.

В дальнем углу дремал какой-то старик в высокой широкополой шляпе, закутавшись в безразмерное пальто.

— А это кто?

— Его зовут Лихо, — сказала Ангва. — Тише, не разбуди его.

— Э-э-э… а верфольфы тут есть?

— Есть парочка, — ответила Ангва.

— Ненавижу вервольфов.

— Да?

Самая странная посетительница в одиночестве сидела за круглым столиком. Это была древняя старушка с шалью на плечах, в соломенной шляпке с цветами. Она с равнодушно-доброжелательным видом смотрела перед собой и на контрасте с обстановкой казалась более пугающей, чем любые сумрачные фигуры в тенях.

— Кто это такая? — прошептала Шельма.

— Это? А, это миссис Шамкинг.

— А она чем занимается?

— Чем занимается? Ну, она приходит сюда почти каждый день — выпить и поболтать с кем-нибудь. Иногда поет с нами хором… то есть с ними. Старые песни, других она не помнит. Она почти слепая. Если ты о том, нежить она или нет, — то нет. Она не вампир, не вервольф, не зомби и не страшила. Просто старушка.

Кто-то огромный и косматый прошаркал к столику миссис Шамкинг и поставил перед ней стакан.

— Пожалуйста, миссис Шамкинг, ваш портвейн с лимоном, — пророкотал он.

— Спасибо, Чарли! — проскрипела старушка. — Как на работе? Все чинишь трубы?

— Чиню, дорогая миссис Шамкинг, чиню, — ответил страшила и исчез во мраке.

— Он что, водопроводчик? — изумилась Шельма.

— Нет, конечно. Понятия не имею, кто такой Чарли. Скорее всего, он уже много лет как умер. Но она думает, что страшила — это Чарли и есть, и кто мы такие, чтобы ее разубеждать?

— Хочешь сказать, она не знает, что это ме-

сто…

— Слушай, она приходит сюда с тех самых пор, когда тут был трактир «Топор и корона», — сказала Ангва. — Никто не хочет ее расстраивать. Все любят миссис Шамкинг. За ней тут… присматривают. Помогают ей понемножку.

— Как, например?

— Ну, я слышала, что в прошлом месяце кто-то вломился к ней и обнес ее домишко…

— Хорошенькая помощь!

— …а на следующий день ей все вернули, и в Тенях нашли пару воров, выпитых досуха — ни единой капли крови не осталось. — Ангва улыбнулась и язвительно добавила: — Нежить каждый норовит обругать, но никто почему-то не вспоминает о ее ценном вкладе в общество!

К ним подошел бармен по имени Игорь. Он более-менее походил на человека, не считая шерсти на тыльной стороне руки и сросшейся брови, пересекающей лоб. Игорь шлепнул на стол пару картонных кругляшков и водрузил на них стаканы.

— Ты, наверное, жалеешь, что мы не пошли в гномий трактир, — сказала Ангва. Она осторожно подняла свою картонку и посмотрела, что у нее на обороте.

Шельма снова огляделась. Будь это гномий трактир, пол бы уже был липким от пива, воздух — густым от рыгания, и все посетители распевали бы песни. Скорее всего, они затянули бы свежий хит — «Золото, золото, золото». Или всеми любимый мотив — «Золото, золото, золото». А может, выбрали бы проверенную временем классику — «Золото, золото, золото». Еще несколько минут, и над головой просвистел бы первый топор.

— Нет, — сказала она. — До гномьего трактира этому месту далеко.

— Пей давай, — сказала Ангва. — Нам потом надо зайти кое-куда и посмотреть… кое на что.

Чья-то волосатая лапища схватила ее запястье. Ангва подняла глаза и увидела жуткую морду — над ней нависало глазастое косматое чудище.

— Привет, Шлитцен, — сказала она как ни в чем не бывало.

— Слыхал я, там один барон очень тобой недоволен, — произнес Шлитцен, дохнув на нее алкогольными парами.

— Не твое дело, — ответила Ангва. — Почему бы тебе просто не залезть обратно под кровать, как всякому приличному страшиле?

— Говорит, ты всю страну позоришь…

— Отпусти, — попросила Ангва. Рука в том ме-

сте, где ее сжимал Шлитцен, побелела.

Шельма перевела взгляд с ее запястья на плечо страшилы. Хоть он был и сухощавый, мускулы унизывали его руку, словно бусины.

— Ты гляди, значок нацепила, — издевательски протянул он. — Разве это дело для ве…

Ангва среагировала так быстро, что Шальма даже моргнуть не успела. Свободной рукой она сорвала что-то с пояса и накинула Шлитцену на голову. Тот встал столбом, а потом начал тихонько покачиваться туда-сюда, слегка постанывая. На голове у него болтался кусок какой-то плотной ткани — с ним Шлитцен напоминал одного из тех пляжников с отшибленным чувством стиля, что прикрывают темечко носовым платком, завязанным на манер чепчика.

Ангва отставила стул и сгребла со стола подставку под стакан. Из тени у стен слышался ропот.

— Уходим отсюда, — сказала она. — Игорь, дай нам полминутки, а потом можешь снять с него одеяло. Давай, пошли.

Она поспешили наружу. Солнце уже едва угадывалось сквозь туман, но по сравнению с полумраком, царившим в «Заупокое», на улице стоял ясный погожий денек.

— Что с ним случилось? — спросила на бегу Шельма, пытаясь приноровиться к широкому шагу Ангвы.

— Экзистенциальная неопределенность, — ответила Ангва. — Он не может понять, существует он или нет. Да, знаю, жестоко, но мы пока что не нашли другого способа сладить со страшилами. Синее пушистое одеяло подходит лучше всего. — Она заметила недоуменный взгляд Шельмы и добавила: — Ну, знаешь ведь, что страшила исчезнет, если спрятать голову под одеяло. Это с детства всем известно. Так что, если спрятать под одеяло *его собственную* голову…

— О-о-о, поняла. Жуть какая.

— Ничего, придет в себя минут через десять. — Ангва метнула подставку из-под стакана на другую сторону улицы.

— Он говорил о каком-то бароне…

— Я как-то мимо ушей пропустила, — осторожно ответила Ангва.

Шельма поежилась — но дело было не только в холодном тумане.

— По говору показалось, что он тоже из Убервальда, как мы с тобой. Там с нами по соседству жил один барон, и он очень, очень не любил, когда кто-то уезжал из страны.

— Так…

— Он и вся его семейка были вервольфами. Кто-то из них съел моего троюродного брата.

Ангва судорожно начала копошиться в памяти. Перед внутренним взором с укоризной промелькнули все те яства, которыми она лакомилась до тех пор, пока не решила, что так жить нельзя. Гном, гном… Нет, она была уверена, что никогда бы не… Вся семья вечно потешалась над ее вкусовыми пристрастиями…

— Вот поэтому я их и не выношу, — сказала Шельма. — Говорят, конечно, будто их можно приручить, но я считаю, что волк — он и есть волк. Им нельзя доверять. Они по самой своей природе злые, согласна? Чуть что — они мигом перекинутся в диких зверей.

— Да. Может, ты и права.

— А что хуже всего — они ходят среди нас и выглядят прямо как настоящие люди.

Ангва моргнула, радуясь двойному прикрытию, которое ей обеспечивали туман и непробиваемая уверенность Шельмы.

— Давай скорее. Мы почти пришли.

— Куда?

— Либо к убийце, либо к тому, кто знает его имя.

Шельма замерла.

— Но у тебя с собой ничего, кроме меча, а у меня и того нет!

— Не волнуйся, оружие нам не понадобится.

— А, хорошо.

— Оно все равно не поможет.

— Ой.

Ваймс выглянул из кабинета — посмотреть, что за крики стоят в штабе. Дежурный капрал из последних сил пытался проявить человечность… вернее, гномность.

— Опять?! Сколько раз за неделю вас уже убивали?

— Я просто делал свою работу! — пожаловался невидимый посетитель.

— Грузили чеснок? Вы вампир или кто? Сами посмотрите, какие вы себе выбираете занятия… Точите колья для оград, тестируете солнечные очки для «Аргус-оптики»… Мне кажется или тут прослеживается некая тенденция?

— Командор Ваймс, можно вас на минутку?

Ваймс обернулся и увидел улыбающееся лицо, которое стремилось нести в мир только добро — даже если мир хотел, чтобы в него принесли еще что-нибудь.

— А… констебль Посети, конечно, — спешно

сказал Ваймс. — Боюсь, прямо сейчас я занят, и я даже не уверен, что у меня есть бессмертная душа, ха-ха, так что, возможно, ты зайдешь как-нибудь в другой раз, когда…

— Я по поводу тех слов, о которых вы меня спрашивали, — с укоризной произнес Посети.

— Каких слов?

— Тех, которые отец Трубчек написал собственной кровью, помните? Вы мне велели выяснить, что они значат.

— А. Точно. Заходи. — Ваймс расслабился. Констебль пришел не для очередного мучительного разговора о состоянии его души и необходимости как следует ее помыть и почистить, пока ее не поглотили вечные муки. Он в кои веки пришел поговорить о чем-то важном.

— Это древний кенотинский язык, сэр. Отрывок из их священной книги, хотя, конечно, говоря «священная», я подразумеваю, что они глубоко заблуждались в…

— Да, да, не сомневаюсь, — сказал Ваймс, усаживаясь за стол. — Там случайно не написано «Это сделал господин такой-то, ааа, ааа, а-а-а»?

— Нет, сэр. Такой фразы нет ни в одной известной священной книге, сэр.

— Жаль, — сказал Ваймс.

— К тому же я просмотрел другие бумаги в комнате, и, судя по всему, эта запись была сделана не рукой покойного, сэр.

Ваймс оживился.

— Ага! Ее оставил кто-то другой? Может быть, там написано что-то вроде «Получи, ублюдок, мы тебя годами искали, чтобы отомстить»?

— Нет, сэр. Такой фразы тоже нет ни в одной из священных книг, — сказал констебль Посети и заколебался. — Разве что в апокрифе к Неблагому Завету от Оффлера, — добросовестно добавил он. — Но эти слова взяты из Кенотинской Книги Истины. — Он фыркнул. — Так называемой истины. Их ложный божок…

— Давай ты просто зачитаешь, что там написано, и избавишь меня от лекции по сравнительному религиоведению? — предложил Ваймс.

— Хорошо, сэр. — Посети явно уязвили его слова, но он все же развернул листок бумаги и презрительно хмыкнул. — Это несколько заповедей, которые их бог якобы оставил первым людям, когда вылепил их из глины, сэр. Правила вроде «Трудись не покладая рук до конца дней своих», и «Не убий», и «Не возгордись». Вроде того.

— И все? — спросил Ваймс.

— Да, сэр, — ответил Посети.

— Просто духовные наставления?

— Да, сэр.

— Но в рот-то их зачем засовывать? Бедолага как будто последнюю сигарету пытался выкурить. Есть соображения?

— Нет, сэр.

— Я бы еще понял, если там было что-то вроде «сокруши врагов своих», — сказал Ваймс. — Но там просто сказано «работай себе и не высовывайся».

— Кено был довольно либеральным богом, сэр. Не большой мастер по части заповедей.

— По меркам богов он кажется почти приличным.

Посети посмотрел на него с укоризной.

— Кенотины пятьсот лет вели одну из самых кровавых войн на континенте и все в ней полегли, сэр.

— Пожалеешь кар небесных — испортишь паству, да?

— Простите, сэр, вы о чем?

— Да так, ни о чем. Ну что ж, спасибо, констебль. Я, э, прослежу за тем, чтобы капитану Моркоу обо всем доложили, и еще раз спасибо, не смею вас заде…

К концу фразы Ваймс сбился на скороговорку,

но все равно не успел: Посети вытянул из-под нагрудника свернутые в трубочку журналы.

— Сэр, я вам принес свежий номер «Всепоглощающего огня», а еще последний выпуск «Извечного зова». Там много статей, которые вас наверняка заинтересуют, например, запись проповеди пастора Суй Носа, в которой он призывает встать с колен и откровенно обращаться к людям через почтовые ящики, сэр.

— Э-э-э… спасибо.

— Не могу не обратить внимание, что брошюры и журналы, которые я принес вам на той неделе, до сих пор лежат там же, где я их оставил, сэр.

— Ах да, слушай, извини, ты же сам знаешь, сколько сейчас работы, еле выкраиваешь время на…

— Не стоит откладывать на потом размышления о вечных муках, сэр.

— Они у меня и так из головы не выходят, констебль. Спасибо.

«Так нечестно, — подумал Ваймс, когда Посети ушел. — Во вверенном мне городе на месте преступления остается записка, и хватает ли ей совести для того, чтобы оказаться угрозой расправы? Нет. Отчаянной предсмертной попыткой записать имя убийцы? Нет. Это просто какие-то

душеспасительные вирши. Какой прок от улик, если они еще таинственнее, чем сама тайна?»

Он что-то черкнул на переводе, сделанном констеблем, и кинул бумажку в лоток для писем.

Ангва слишком поздно вспомнила, почему в *эти дни* старалась держаться подальше от боен.

Она в любой момент могла перекинуться в волка, стоило только захотеть. Люди обычно забывали об этой особенности вервольфов. Зато помнили другую важную вещь. Сопротивляться полной луне было невозможно: ее лучи проникали внутрь и ударяли по всем рычагам, даже если сама Ангва предпочла бы их не трогать. До полнолуния оставалась всего пара дней, и божественный запах животных в загонах и крови с боен бросал нешуточный вызов ее вегетарианству. Ангва чувствовала, как ею овладевает предлунный синдром.

Она зыркнула на здание, маячившее впереди мрачной тенью.

— Давай зайдем через задний вход, — сказала она. — И на этот раз сама постучи.

— Сама? Но на меня даже внимания не обратят! — возразила Шельма.

— Покажешь значок и скажешь, что ты из Стражи.

— Меня не послушают! Надо мной посмеются!

— С чего-то же надо начинать. Давай, вперед.

Дверь открыл тучный мужчина в окровавленном фартуке. Он был порядком ошарашен, когда одна гномья рука ухватила его за пояс, другая сунула ему в лицо значок, а гномий голос где-то в районе пупа произнес:

— Мы из Стражи, ясно тебе? А ну впусти нас, иначе выпустим тебе кишки!

— Неплохо для начала, — пробормотала Ангва. Она приподняла Шельму, отставила в сторону и лучезарно улыбнулась мяснику.

— Господин Крюк, мы бы хотели поговорить с вашим работником. Господином Дорфлом.

Мясник еще не вполне оправился после нападения Шельмы, но сумел взять себя в руки.

— С *господином* Дорфлом? Что он на этот раз натворил?

— Мы просто хотим с ним побеседовать. Могли бы мы войти?

Крюк покосился на Шельму, которая вся дрожала от перевозбуждения.

— А что, у меня есть выбор? — спросил он.

— Ну, в известных пределах, — ответила Ангва.

Она пыталась дышать ртом, чтобы не чуять

соблазнительные миазмы крови. Здесь был даже колбасный цех, где в ход шли такие части животных, на какие в ином случае никто и смотреть бы не стал, не то что есть. Человеческий желудок Ангвы скручивало от запахов с бойни, но другая ее часть, спрятанная глубоко внутри, сделала стойку и пускала слюни, вдыхая смесь ароматов: тут и свинина, и говядина, и ягнятина, и баранина, и…

— Крысы? — спросила она и принюхалась. — Не знала, что вы и гномам поставляете мясо, господин Крюк.

Крюк неожиданно превратился в человека, всем своим видом выражающего готовность помочь следствию.

— Дорфл! А ну иди сюда!

Послышались шаги, и из-за подвешенных на крюки туш вышла крупная фигура.

Многие недолюбливали нежить. Командор Ваймс, например, чувствовал себя не в своей тарелке рядом с умертвиями, хотя в последнее время попривык. И все-таки всем существам нужно хоть перед кем-то ощущать свое превосходство. Живые ненавидели нежить, а те, в свою очередь, — Ангва почувствовала, как у нее сжимаются кулаки, — терпеть не могли неживших.

Голем по имени Дорфл при ходьбе слегка кренился: одна нога у него была немного короче другой. Одежды он не носил, потому что прятать под ней было нечего, и Ангва могла разглядеть все заплатки из глины, испещрившие его тело за долгие годы. Этих пятен было так много, что она задумалась, сколько же голему лет. Изначально его создатели кое-как попытались сымитировать человеческую мускулатуру, но бесчисленные починки свели эти усилия на нет. Голем походил на те самые горшки, о которых так презрительно отзывался Вулкан: люди, которые их лепят, убеждены, что ручная работа непременно должна выглядеть ручной, и считают отпечатки пальцев на стенках признаком аутентичности.

Ручная работа, вот именно. Этот голем тоже был ручной работы. Правда, по прошествии лет можно было уже сказать, что он вылепил себя сам из того, что было, заплатка за заплаткой. Треугольные глаза слабо светились. Зрачков в них не было — только приглушенный красный огонь.

В руке он держал длинный тяжелый тесак. Шельма уставилась на лезвие с ужасом и восхищением.

Другая рука сжимала веревку, на которой голем вел крупного, лохматого и очень вонючего

козла.

— Чем ты там занят, Дорфл?

Голем кивнул на козла.

— Кормишь нашего провокатора?

Голем снова кивнул.

— Вас, наверное, ждут дела, господин Крюк? — спросила Ангва.

— Нет, я…

— Вас *наверняка* ждут дела, господин Крюк, — повторила она с нажимом.

— Э? А. Гм. Да. Хорошо. Пойду проверю, как там котлы с требухой…

Уходя, мясник задержался, чтобы помахать пальцем у Дорфла перед носом — вернее, там, где у него мог бы быть нос.

— Если ты где-то набедокурил… — начал он.

— Кажется, эти котлы действительно стоит проверить, — резко сказала Ангва.

Мясник спешно ретировался.

Во дворе было тихо. Только из-за забора доносились отголоски городского шума, да с другого конца бойни иногда долетало до них тревожное овечье блеянье. Дорфл стоял как вкопанный, сжимая в руке тесак и опустив глаза.

— Это что, тролль, которого пытались превратить в человека? — прошептала Шельма. — Ты

только посмотри на его глаза!

— Это не тролль, — сказала Ангва. — Это голем. Машина из глины.

— А выглядит как человек!

— Потому что это машина, которую сделали, чтобы она выглядела как человек.

Она зашла голему за спину.

— Я хочу прочитать твою шхему, Дорфл, — сказала она.

Голем отпустил козла, поднял тесак и с размаху вогнал его в колоду для рубки мяса, что стояла рядом с Шельмой. Гномка отскочила. Потом голем взял табличку, которая свисала у него с плеча на веревочке, отцепил карандаш и написал:

ДА.

Ангва потянулась к его голове, и Шельма заметила, что лоб голема пересекает тонкая линия. К ее ужасу, в следующий миг его макушка откинулась, словно крышка. Ангва невозмутимо запустила руку внутрь и вытащила пожелтевший свиток.

Голем застыл. Глаза у него погасли.

Ангва развернула бумажку.

— Какие-то священные тексты, — сказала она. — Как всегда. Что-то из старой мертвой религии.

— Ты его убила?

— Нет. Нельзя отнять то, чего нет.

Она положила свиток назад и со щелчком водворила полголовы на место.

Голем снова зашевелился. Его глаза зажглись.

Шельма, которая все это время стояла не дыша, шумно выдохнула.

— Что ты сделала? — выдавила она.

— Скажи ей, Дорфл, — велела Ангва.

Карандаш в толстых пальцах голема заплясал по табличке.

Я ГОЛЕМ. МЕНЯ СЛЕПИЛИ ИЗ ГЛИНЫ. МОЯ ЖИЗНЬ ЗАКЛЮЧЕНА В СЛОВАХ. ЧЕРЕЗ УКАЗАНИЯ, ЧТО ВЛОЖЕНЫ МНЕ В ГОЛОВУ, Я ОБРЕТАЮ ЖИЗНЬ. МОЯ ЖИЗНЬ — РАБОТА. Я ПОВИНУЮСЬ ВСЕМ ПРИКАЗАМ. Я НЕ ЗНАЮ УСТАЛОСТИ.

— Что за указания?

ОСОБЫЕ ТЕКСТЫ. СРЕДОТОЧИЕ ВЕРЫ. ГОЛЕМ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ. ГОЛЕМУ НУЖЕН ХОЗЯИН.

Козел улегся рядом с големом и принялся жевать жвачку.

— Произошло два убийства, — сказала Ангва. — Я почти уверена, что одно из них совершил голем, а может, и два. Можешь что-нибудь нам об этом рассказать?

— Слушай, погоди, — вмешалась Шельма. — Ты хочешь сказать, что эта… эта штука приводится в действие словами? То есть… он сам только что это сказал.

— А что такого? У слов есть власть. Это всем известно, — ответила Ангва. — На свете больше големов, чем кажется. Они теперь вышли из моды, но сами никуда не делись. Они могут работать под водой, или в полной темноте, или по колено в ядовитой жиже. Годами. Они не нуждаются в еде и отдыхе. Они…

— Но это же рабство! — воскликнула Шельма.

— Нет, конечно. С таким же успехом можно поработить дверную ручку. Так что, Дорфл, тебе есть что сказать?

Шельма то и дело посматривала на тесак, торчащий из колоды. Слова вроде «длинный», «тяжелый» и «острый» не выходили у нее из головы — они засели там не менее крепко, чем слова в глиняном черепе голема.

Дорфл молчал.

— Как долго ты тут работаешь?

ВОТ УЖЕ ТРИСТА ДНЕЙ.

— А у тебя бывают выходные?

СМЕЕШЬСЯ,
ЧТО ЛИ? ЗАЧЕМ МНЕ ВЫХОДНЫЕ?

— Ну, я хочу сказать, ты же не все время проводишь на бойне?

ИНОГДА Я ДОСТАВЛЯЮ ЗАКАЗЫ.

— И встречаешься с другими големами? Слушай, Дорфл, я знаю, что вы как-то между собой общаетесь. И, если какой-то голем убивает людей, я за вашу судьбу и горшка ломаного не дам. Сюда сразу же прибежит толпа с факелами. И кувалдами. Понимаешь, к чему я клоню?

Голем пожал плечами.

НЕЛЬЗЯ ОТНЯТЬ ТО, ЧЕГО НЕТ, написал он.

Ангва вскинула руки.

— Ну я же пытаюсь по-хорошему, — сказала она. — А могла бы прямо сейчас тебя конфисковать. По статье «Создание помех следствию в конце долгого утомительного дня». Тебе знаком отец Трубчек?

ЭТО СТАРЫЙ СВЯЩЕННИК, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА МОСТУ.

— Когда это вы успели познакомиться?

Я ДОСТАВЛЯЛ ТУДА ЗАКАЗЫ.

— Его убили. Где ты был в тот момент, когда это случилось?

НА БОЙНЕ.

— Откуда ты знаешь?

Дорфл секунду колебался. Следующие слова он

написал очень медленно, как будто тщательно взвешивал каждое из них, прежде чем перенести на табличку.

ТЫ ОЧЕНЬ ЭТИМ ВЗВОЛНОВАНА, А ЗНАЧИТ, ЭТО СЛУЧИЛОСЬ НЕДАВНО. ПОСЛЕДНИЕ ТРИ ДНЯ Я РАБОТАЛ ЗДЕСЬ.

— Без перерыва?

ДА.

— Двадцать четыре часа в сутки?

ДА. В КАЖДОЙ СМЕНЕ ЕСТЬ ЛЮДИ И ТРОЛЛИ, ОНИ ПОДТВЕРДЯТ. ДНЕМ Я ДОЛЖЕН ЗАБИВАТЬ, СВЕЖЕВАТЬ И РАСЧЛЕНЯТЬ ТУШИ, А НОЧЬЮ ДОЛЖЕН БЕЗ УСТАЛИ КРУТИТЬ СОСИСКИ И ВАРИТЬ ПЕЧЕНКИ, СЕРДЦА, ПОЧКИ, КИШКИ И ЖЕЛУДКИ.

— Гадость какая, — сказала Шельма.

Карандаш чиркнул по доске.

В ЦЕЛОМ СОГЛАСЕН.

Дорфл медленно повернул голову к Ангве и написал:

Я ВАМ ЕЩЕ ПОНАДОБЛЮСЬ?

— Если что, мы знаем, где тебя найти.

МНЕ ЖАЛЬ, ЧТО СТАРИКА НЕ СТАЛО.

— Хорошо. Пойдем, Шельма.

Они чувствовали на себе взгляд голема, когда уходили со двора.

— Он соврал, — сказала Шельма.

— С чего ты взяла?

— Просто посмотрела на него и поняла.

— Может, ты и права, — заметила Ангва. — Но сама видишь, какая она огромная, эта бойня. Бьюсь об заклад, что, даже если он на полчаса отсюда выходил, мы это никак не докажем. Думаю, что предложу установить за ним, как выражается командор Ваймс, слежку под прикрытием.

— То есть в штатском?

— Вроде того, — осторожно ответила Ангва.

— Удивительно все-таки, что на бойне есть ручной козел. Не знала, что у мясников бывают питомцы, — сказала Шельма, пока они шагали сквозь туман.

— Что? А, ты про козла-провокатора. Такой есть почти на всех бойнях. Только он не питомец. Скорее уж сотрудник.

— Сотрудник? Что же у него за работа такая?

— Ха. Каждый день приходить на бойню, вот и вся работа. Там ведь полный загон перепуганных животных, верно? Все они там толпятся без вожака, посматривают на непонятный спуск в никуда, тревожатся… А тут этот козел, бодрый и бесстрашный, и стадо следует за ним, но… — Ангва чиркнула пальцем по горлу, — наружу

выходит только козел.

— Какой ужас!

— Думаю, с точки зрения козла это осмысленно. По крайней мере, он и вправду выходит наружу, — сказала Ангва.

— Откуда ты это знаешь?

— Ой, в Страже поработаешь — еще и не такого нахватаешься.

— Да, я уже вижу, что мне многому предстоит научиться, — сказала Шельма. — Например, никогда не думала, что надо носить с собой кусок одеяла!

— Это спецсредство на случай, если надо иметь дело с нежитью.

— Я знаю про вампиров и чеснок. Против вампиров еще помогает святая вода и вообще что угодно святое. А против вервольфов какие еще есть средства?

— Что, прости? — спросила Ангва, все еще погруженная в мысли о големе.

— У меня есть серебряная кольчужная сорочка — я обещала родным, что буду ее носить, но что еще стоит иметь при себе на случай встречи с вервольфом?

— Джин и тоник никогда не помешают, — рассеянно пробормотала Ангва.

— Ангва, слушай…

— Ммм… Да? Что?

— Мне кто-то сказал, что в Страже есть вервольф. Я ушам не поверила!

Ангва остановилась и посмотрела на нее.

— Волк все равно даст о себе знать, рано или поздно, — добавила Шельма. — Даже удивительно, что командор Ваймс такое разрешает.

— Да, в Страже есть вервольф, — сказала Ангва.

— Мне сразу показалось, что с констеблем Посети что-то не так.

Ангва разинула рот.

— Он всегда выглядит голодным, — продолжила Шельма. — И улыбка у него странная. Я вервольфа сразу узнаю.

— Он и правда иногда кажется голодным, что верно, то верно, — подтвердила Ангва. Она не знала, что еще сказать.

— Ну что ж, буду держаться от него подальше!

— Хорошо, — сказала Ангва.

— Ангва…

— Да?

— Почему ты носишь значок на ошейнике?

— Что? А. Ну… чтобы он всегда был под рукой. В любых обстоятельствах. Ну ты поняла.

— Мне тоже надо его так носить?

— Не думаю.

Господин Крюк подпрыгнул.

— Дорфл, тупой ты кусок глины! Я тебе сколько раз говорил: не надо ко мне подкрадываться, когда я стою за беконорезкой! Чтоб тебя с твоей беззвучной походкой!

Голем поднял табличку, на которой значилось: **ВЕЧЕРОМ Я НЕ СМОГУ РАБОТАТЬ.**

— Что такое? Беконорезка вот никогда не просит отгул!

СЕГОДНЯ СВЯТОЙ ДЕНЬ.

Крюк посмотрел в его глаза-угольки. Кажется, старик Рыбнокост что-то насчет этого говорил, когда продавал Дорфла. Так и сказал: «Бывает, что он отлучается на несколько часов по случаю святого дня. Это все слова у него в голове. Если он не потопает в свой храм или где они там собираются, слова перестанут работать, и даже не спрашивай почему. Останавливать его нет смысла».

Пятьсот тридцать долларов — вот во сколько ему обошелся голем. Крюк думал, что это выгодная сделка, и в общем-то правильно думал. Этот истукан прекращал работу только тогда, когда работы больше не оставалось. А если верить россказням, то и это не всегда было преградой.

Поговаривали, что големы затапливали дома — если им велели принести воды из колодца и вовремя не остановили, что они намывали посуду до тех пор, пока тарелки не становились тонкими, как лист бумаги… Болваны, что с них взять. Но полезные, если за ними присматривать.

И все же… все же… он мог понять, почему големы ни у кого надолго не задерживались. Эти длиннорукие махины все время околачивались рядом, смотрели, слушали и думали себе… а что они себе думали? Неизвестно. Они никогда ни на что не жаловались. И вообще ни слова не говорили. Сделка сделкой, но многие хозяева големов с огромным облегчением выдыхали, когда ставили подпись на договоре и передавали их новому владельцу.

— Что-то многовато стало святых дней в последнее время, — сказал Крюк.

ИНЫЕ ВРЕМЕНА СВЯТЕЕ ДРУГИХ.

Не может же он просто отлынивать от обязанностей? Вся жизнь голема — работа.

— Даже не знаю, как мы тут справимся… — начал Крюк.

У МЕНЯ СВЯТОЙ ДЕНЬ.

— Ладно, ладно. Завтра можешь взять отгул.

СЕГОДНЯ. СВЯТОЙ ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ НА

ЗАКАТЕ.

— Ну тогда возвращайся поскорее, — обессиленно проговорил Крюк. — А не то я… Возвращайся поскорее, ясно тебе?

И вот что ещё: на големов никак не надавишь.

Им нельзя задержать жалованье, потому что они его и не получают. И запугать их нельзя. Рыбнокост говорил, один ткач с Сонного холма приказал своему голему, чтобы тот разбил себя молотом на кусочки, — и он разбил.

ДА. ЯСНО.

В каком-то смысле было неважно, кто они такие. По сути дела, им как раз и надо было оставаться неизвестными. Они считали себя частью хода истории, течения времени и волны прогресса. Это были те самые люди, которые рассудили, что Час Пробил. Режим может выстоять под натиском диких варваров, одержимых террористов и закутанных в плащи членов тайных обществ, но когда преуспевающие люди, желающие остаться неизвестными, садятся вокруг стола и начинают вести подобные разговоры, это значит, что у государственного строя большие проблемы.

Один из них сказал:

— По крайней мере, все прошло чисто. Ни у

кого нет крови на руках.

— И, конечно, городу это на пользу.

Все серьезно кивнули. Каждый собравшийся понимал без слов: то, что полезно для них, полезно и для Анк-Морпорка.

— А он не умрет?

— Судя по всему, можно просто поддерживать в нем… недомогание. Как мне сказали, дозу можно варьировать.

— Хорошо. Лучше недомогание, чем смерть. Подозреваю, что Витинари не стал бы задерживаться в могиле.

— Вообще говоря, он как-то сказал, что предпочел бы кремацию.

— Тогда надеюсь, что пепел после этого развеют. В разных частях света.

— А что насчет Стражи?

— А что Стража?

— О.

Лорд Витинари открыл глаза. Вопреки всякому здравому смыслу у него болели даже волосы.

Он сосредоточился, и мутное пятно возле кровати приобрело очертания Сэмюэля Ваймса.

— А, Ваймс, — слабым голосом сказал Витинари.

— Сэр, как вы себя чувствуете?

— Поистине отвратительно. Что это был за человечек с невероятно кривыми ногами?

— Джимми Пончик, сэр. Он когда-то был жокеем и ездил на очень толстой лошади.

— На скаковой?

— По всей видимости, сэр.

— На толстой скаковой лошади? Разве такая может победить на скачках?

— Не думаю, что ей это когда-то удавалось, сэр. Но Джимми поднял немало денег на том, что проигрывал скачки.

— Вот как. Он меня поил молоком и каким-то противным вязким зельем. — Витинари помолчал. — Я этим сыт по горло.

— Понимаю, сэр.

— Интересное выражение — «сыт по горло». И почему его употребляют в дурном смысле? Лучше уж быть сытым, чем голодным.

— Да, сэр.

— Такое чувство, будто я сильно простыл. Все мысли путаются.

— Правда, сэр?

Патриций снова замолчал. Он явно над чем-то размышлял.

— Ваймс, а почему от него до сих пор пахнет лошадьми? — наконец спросил он.

— Он коновал, сэр. Но отменный. Я слышал, в прошлом месяце он что-то вколол Дурному Знаку, и тот свалился только на последнем фурлонге.

— Судя по всему, укол ему не сильно помог.

— Как сказать, сэр. Конь-то был мертв еще на подходе к старту.

— Вот оно как. Ладно-ладно. Ты до ужаса мнителен, Ваймс.

— Спасибо, сэр.

Патриций приподнялся на локтях.

— Это нормально — когда дрожат пальцы ног?

— Не знаю точно, сэр.

— Что ж, думаю, мне стоит полежать и почитать. Жизнь идет своим чередом, верно?

Ваймс подошел к окну. На перилах балкона скрючилась жуткая фигура. Она вглядывалась в густеющий туман.

— Констебль Водослей, все спокойно?

— Так тофно, фэр.

— Я закрою окно. Чтобы туману внутрь не напустить.

— Ферное рефение, фэр.

Ваймс захлопнул створки, прищемив туману несколько щупалец. Но они тут же растаяли в воздухе.

— Что это было? — спросил лорд Витинари.

— Констебль Водослей — горгулья, сэр. На параде от него никакого толка, на улице — тем более, но если нужно сидеть и не двигаться — ему нет равных. Он чемпион мира по неподвижности. Устрой кто гонки на месте, у него была бы золотая медаль. Он три дня проторчал на крыше под дождем, когда мы ловили Пырялу из Паркового переулка. Мимо него и муха не пролетит. Коридор патрулирует констебль Буравчикссон, на нижнем этаже — констебль Золтплемянникссон, в комнатах по соседству с вашей — констебли Кремень и Морена, а на случай, если кто-то из них начнет клевать носом, сержант Детрит постоянно начеку — он так врежет этому соне, что вы об этом сразу узнаете, сэр, потому что бедолага влетит через стену прямо в вашу комнату.

— Похвально, Ваймс. Верно ли я предполагаю, что среди моих стражей нет ни одного человека? Кажется, это только гномы и тролли.

— Так безопаснее всего, сэр.

— Похоже, ты все продумал.

— Надеюсь, сэр.

— Спасибо, Ваймс. — Витинари сел и взял стопку бумаг с прикроватного столика. — А теперь не смею больше тебя задерживать.

Ваймс разинул рот от удивления.

Витинари поднял глаза.

— Что-то еще, командор?

— Ну… наверное, нет, сэр. Я тогда пойду по своим делам, да?

— Если ты не против. И еще: у меня в кабинете наверняка скопилась целая кипа бумаг, так что буду очень признателен, если ты кого-то за ней пошлешь.

Ваймс вышел, хлопнув дверью чуть сильнее, чем нужно. Он был в ярости от того, что Витинари крутит им как хочет, а благодарности у него не больше, чем у крокодила. Патриций полагался на Ваймса, не сомневаясь, что тот знает свое дело и сработает на совесть, и не утруждал себя дополнительными размышлениями на сей счет. Ну ничего, однажды… однажды… однажды Ваймс снова сработает на совесть, что же еще ему остается. Но от осознания этого он закипал еще сильнее.

Туман за стенами дворца стал еще желтее и гуще. Ваймс кивнул стражникам у ворот и вгляделся в клубящуюся мглу.

До штаб-квартиры Стражи в Псевдополис-Ярде отсюда было почти по прямой. Из-за тумана ночь опустилась на город раньше срока. На улицах было почти безлюдно: все сидели по домам, за-

крывшись ставнями от влажных желтоватых щупалец, которые, казалось, проникали в любую щель.

О да… Пустые улицы, промозглая ночь, холод и сырость…

Для полного счастья не хватало только одного. Ваймс сказал носильщикам, чтобы отправлялись по домам, и подошел к одному из стражников.

— Ты констебль Везунчик, да?

— Так точно, сэр Сэмюэль.

— Какого размера у тебя ботинки?

Во взгляде у Везунчика промелькнула паника.

— Что, сэр?

— Это же простой вопрос! Отвечай.

— Семь с половиной, сэр.

— От старого Каблуччи с улицы Новых Сапожников? Те, что подешевле?

— Так точно, сэр.

— Не могу допустить, чтобы дворец охранял человек в башмаках с картонными подметками! — с притворным возмущением воскликнул Ваймс. — А ну скидывай их, констебль. Взамен можешь надеть мои. Правда, виверна на них… не знаю уж, что там делают виверны, но они тебе по размеру. Чего ты рот разинул? Давай сюда ботинки. Мои можешь оставить себе. — И добавил: — У

меня их полно.

Констебль в изумлении и страхе смотрел, как Ваймс натягивает его дешевые башмаки и, закрыв глаза, переминается с ноги на ногу.

— Ага! — сказал он. — Я стою перед дворцом, верно?

— Э… да, сэр. Вы только что из него вышли, сэр. Вон то здоровенное здание — это дворец и есть.

— Да, да, — весело сказал Ваймс, — но я бы это понял, даже если бы оттуда не вышел!

— Э-э-э…

— Это все брусчатка. Она тут необычного размера и слегка вдавлена посередине. Ты не замечал? Учись думать ногами, дружок! Пригодится!

И он на глазах у озадаченного констебля удалился в туман, радостно притопывая на ходу.

Достопочтенный граф Анк-Морпорка, капрал Шнобби Шноббс, толкнул дверь штаб-квартиры и ввалился внутрь.

Сержант Колон поднял глаза от стола и ахнул.

— Шнобби, ты цел? — спросил он и подбежал к шатающемуся сослуживцу.

— Это ужасно, Фред. Просто ужасно!

— Давай-ка садись. На тебе лица нет.

— Фред, я теперь большая шишка! — простонал Шнобби.

— Шишка? Чего? Тебя побили, что ли?

Шнобби молча протянул ему свиток, который сунул ему Дракон, Король Гербов, и обмяк на стуле. Вытянул из-за уха крошечную самокрутку и зажег ее дрожащей рукой.

— Не знаю, честное слово, — сказал он. — Всю жизнь осторожничаешь, не высовываешься, сидишь тише воды, ниже травы, а потом хоп — и пожалуйста.

Колон медленно прочитал свиток, шевеля губами, когда доходил до сложных слов вроде «он» или «не».

— Шнобби, ты это читал? Тут написано, что ты лорд!

— Тот старик сказал, что надо еще проверить и перепроверить, но сомнений почти нет, раз у меня есть кольцо и все такое. Фред, что мне делать?

— Как что делать? Наряжаться в фарфор и есть с горностая!

— Так у меня ничего нет, кроме этого проклятого титула! Ни денег, ни земли, ни дома. Ни одного жалкого фартинга!

— Что, вообще ничего?

— Ни единой хлебной крошки.

— Я думал, у больших шишек всегда полно денег.

— У них, может, и полно, а у меня одни шишки. Я же ничего не смыслю во всех этих аристократических штучках! Не хочу, чтобы мне пришлось носить всякие расфуфыренные наряды и ездить на охотничьи балы, ничего этого не хочу!

Сержант Колон сел рядом с ним.

— Ты никогда не подозревал, что связан с высшим светом?

— Ну… моему двоюродному братцу Винсенту однажды влетело за то, что он грязно приставал к служанке герцогини Щеботанской…

— К горничной или к судомойке?

— Кажется, к судомойке.

— Тогда, наверное, не считается. А еще кто-то об этом знает?

— Ну, она пошла и рассказала…

— Я про твой титул.

— Только господин Ваймс.

— А, ну и все тогда, — сказал сержант Колон и вернул Шнобби свиток. — Можешь просто никому не говорить. И тогда не надо будет ходить в золотых штанах и ездить на эти самые бальные охоты. Посиди-ка тут, а я тебе чайку налью, годится? Я тебе помогу со всем этим разобраться, не боись.

— Ох, Фред, это очень благородно!

— От благородного слышу! — ответил Колон и подмигнул. — Да, ваше сиятельство?

— Фред, не надо, — устало попросил Шнобби.

Дверь штаб-квартиры распахнулась.

Внутрь полился туман, клубясь, как дым. Из-за его завесы сверкали два красных глаза. Завеса разошлась, и взглядам предстала массивная фигура голема.

— Умгм, — сказал сержант Колон.

Голем поднял табличку.

Я ПРИШЕЛ К ВАМ.

— Да. Да. Ага. Я, э, я вижу, — сказал Колон.

Дорфл развернул табличку. На обратной стороне было написано:

Я ПРИЗНАЮСЬ В ПРЕСТУПЛЕНИИ. ЭТО Я УБИЛ СТАРОГО СВЯЩЕННИКА. ДЕЛО ЗАКРЫТО.

Какое-то время Колон шевелил губами, глядя на табличку. Потом поспешил под защиту стола, которая вдруг показалась ему очень ненадежной, и начал рыться в бумагах.

— Пригляди за ним, Шнобби, — сказал он. — Чтобы он не сбежал.

— С чего бы ему сбегать? — спросил Шнобби.

Сержант Колон нашел относительно чистый лист.

— Ну, э, ну, я, наверное, лучше… Как тебя зо-

вут?

Голем написал:

ДОРФЛ.

К тому времени, когда Ваймс добрался до Бронзового моста (округлые булыжники среднего размера, которые в народе прозвали «кошачьими головами»; многих не хватало), он уже засомневался, верное ли принял решение.

Осенью всегда стояли густые туманы, но такого плотного Ваймс не припоминал. Его пелена приглушала звуки города и превращала самые яркие огни в мутное свечение, хотя даже солнце, по идее, еще не закатилось.

Он пошел вдоль парапета. Впереди в тумане замаячила приземистая лоснящаяся фигура. Это был деревянный гиппопотам, какой-то дальний предок Родрика или Кита. Их было по четыре с каждой стороны моста, и все смотрели в сторону моря.

Ваймс проходил мимо них тысячу раз. Они были его старинными друзьями. В промозглые ночи он часто коротал время в тени кого-то из этих гиппопотамов, когда ему нужно было укромное местечко.

Подумать только, так оно и было. Кажется, еще совсем недавно вся Стража состояла из горстки

людей, которые прятались по укромным уголкам и старались не искать неприятностей на свою голову. А потом явился Моркоу, и их привычный тесный мирок вдруг разросся, и вот уже в страже было тридцать человек (включая, конечно, троллей, гномов и прочая, и прочая), которые не прятались от неприятностей — они их искали и непременно находили. Чудные дела. Как в своей привычной манере заметил Витинари, такое ощущение, что чем больше в городе стражников, тем больше в нем преступлений. Но, как бы то ни было, Стража вернулась на улицы, и пускай многим из стражников было далеко до Детрита в умении надирать задницы, уши они могли надрать кому угодно.

Он чиркнул спичкой о копытце гиппопотама и прикрыл рукой сигару, чтобы защитить ее от сырого тумана.

Взять хоть эти убийства. Если бы не Стража — никто бы по этому поводу даже не почесался. Два старика убиты в один день. Ничего не украдено… *По всей видимости,* ничего не украдено, поправился он. Неприятная штука, связанная с украденными штуками, — отсутствие этих самых штук на месте преступления. Почти наверняка эти двое не волочились за чужими женами. Они

небось уже забыли, что это значит — за кем-то волочиться. Один проводил время среди старинных религиозных текстов; другой, да простят его боги, был специалистом по боевой выпечке.

Кто-то мог бы сказать, что они прожили безгрешную жизнь.

Но Ваймс был стражем порядка. Он знал, что безгрешных людей не бывает. Если целый день пролежать без движения в каком-нибудь заброшенном подвале, может быть, и дотянешь до вечера, ни разу не преступив закон. Но только если повезет. И даже при таком раскладе тебя могут обвинить в бродяжничестве.

Так или иначе, Ангва, кажется, приняла это дело близко к сердцу. У нее был особый нюх на неудачников — и она всегда становилась на их сторону.

Как и Ваймс. Он чувствовал, что это его долг. Не потому, что они отличались душевной чистотой или благородством — вовсе нет. На сторону неудачников надо было становиться просто потому, что им не везло.

В городе каждый сам о себе заботился. Для того и существовали гильдии. Люди сбивались в стаи, чтобы противостоять другим людям. Гильдия приглядывала за тобой на всем пути от колыбели

до могилы — до чужой могилы, если речь шла о Гильдии Убийц. Они даже соблюдали закон — ну, на свой лад. Воровство без лицензии, даже совершенное впервые, каралось смертью[11]. За этим следила Гильдия Воров. Такая система казалась невозможной, и все же она работала.

Она работала как машина. И все были довольны — кроме тех, кто случайно попадал в шестеренки.

Ощущение влажных булыжников под подошвой успокаивало.

О боги, как он по этому скучал! В былые времена он патрулировал улицы один. В три часа ночи, когда вокруг никого не было — только он и поблескивающие камни мостовой, — даже казалось, что во всем этом есть какой-то смысл…

Он замер.

Вокруг него сгустился страх — не тот страх, который испытываешь при виде острых клыков, гниющих язв и зловещих призраков, а тот, который тебя охватывает, когда знакомые вещи вдруг оказываются незнакомыми.

Что-то было не так. Что-то важное и основополагающее.

---

[11] Примечания: 11

В Анк-Морпорке считалось, что хорошее наказание — то, которое предотвращает возможность рецидива.

Прошло несколько жутких секунд, пока сознание Ваймса обрабатывало то, что уже заметило подсознание. На его стороне моста стояло пять статуй.

А должно быть четыре.

Ваймс очень медленно развернулся и подошел к первой статуе. Это, как и полагается, был гиппопотам.

Следующая статуя тоже оказалась гиппопотамом. На ней кто-то нацарапал несколько слов. Не бывает сверхъестественных чудовищ с надписью «Заз — дубина».

Путь до третьей статуи показался ему короче обычного, и, когда он поднял глаза…

В тумане над Ваймсом горели две красные точки.

Что-то большое и темное спрыгнуло с парапета, сбило Ваймса с ног и растворилось во мгле.

Ваймс с трудом поднялся на ноги, потряс головой и кинулся в погоню. Он даже не успел задуматься. Это древний инстинкт терьеров и стражников — преследовать все, что убегает.

На бегу он машинально потянулся за колокольчиком, чтобы призвать остальных стражников, но командору Стражи колокольчик не полагался. Командоры Стражи были предоставлены сами

себе.

Капитан Моркоу сидел в зачуханном кабинете Ваймса и таращился на листок бумаги:

Ремонт водопровода в штаб-квартире Стражи, Псевдополис-Ярд. Новая водосточная труба, колено 35°, четыре прямоугольные фермы. Итого за работу и материалы 16,35 долл.

Тут было еще много таких бумажек, включая счет за голубей для констебля Водослея. Насколько Моркоу было известно, сержанту Колону не нравилось, что кому-то из Стражи платят жалованье голубями; но констебль Водослей был горгульей, а для горгулий деньги — пустой звук. Зато жирный голубь — это жирный голубь.

И все же вещи менялись к лучшему. Когда Моркоу только заступил на службу, все средства, которые имелись в распоряжении у Стражи, хранились на полке в жестяной банке с этикеткой «Полироль Рукисилы для Рыцарей в Сверкающих Доспехах», и если кому-то требовались деньги, достаточно было найти Шнобби и заставить его положить их обратно в банку.

Кроме того, на столе нашлось письмо от жителя Паркового переулка, одного из самых респектабельных местечек во всем городе.

Командор Ваймс!

Насколько я могу судить, ночные патрули Стражи на моей улице состоят сплошь из гномов. Я ничего не имею против гномов в естественной среде обитания – они, по крайней мере, не тролли, – но до меня доходят разные слухи, а я, к вашему сведению, воспитываю дочерей. Я требую, чтобы вы незамедлительно приняли меры; в противном случае мне ничего не остается, кроме как обратиться к лорду Витинари, коему я прихожусь другом.

Ваш покорный слуга,

Джошуа Г. Коттераль

И что, это работа стражника? Может быть, господин Ваймс что-то пытался ему таким образом сообщить? Были и другие письма. Глава Комитета Равного Роста требовал, чтобы гномам-стражникам разрешили вооружаться топорами вместо традиционных мечей и чтобы им поручали расследовать только преступления, совершенные высокими людьми. Гильдия Воров жаловалась на то, что командор Ваймс публично заявил, будто большая часть краж в городе совершается

ворами.

Чтобы разгрести всю эту корреспонденцию, требовалась мудрость царя Изиадану, а ведь это были только сегодняшние письма.

Моркоу поднял следующую записку и прочитал: «Перевод текста изо рта о. Трубчека. Почему? СВ».

Он добросовестно ознакомился с переводом.

— Изо рта? В буквальном смысле? — вслух спросил Моркоу, обращаясь к пустой комнате.

Он поежился, но не от страха. У Ваймса в кабинете всегда было холодно. Он не привык сидеть в четырех стенах. В открытом окне извивался туман, шевеля на свету тонкими пальцами.

Следующей бумажкой в кипе оказалась копия иконографии, сделанной Шельмой. Моркоу посмотрел на два расплывчатых красных глаза.

— Капитан Моркоу?

Он слегка повернул голову, не отводя взгляда от картинки.

— Что такое, Фред?

— Мы поймали убийцу! Он здесь!

— Это голем?

— А вы откуда знаете?

Тинктура ночи уже начала примешиваться к вареву дня.

Лорд Витинари перечитал предложение и решил, что это хорошо. В особенности ему нравилось слово «тинктура». Тинктура. Тинктура. Это было изысканное слово, особенно удачное в паре с безыскусным «варевом». Варево дня. Да. В котором плавают сухарики сумерек.

Витинари понимал, что он слегка не в себе. В здравом уме он ни за что бы не сочинил такую фразу.

В тумане за окном угадывалась — насколько позволяло пламя свечей — сгорбленная тень констебля Водослея.

Горгулья, получается. А он еще гадал, зачем Страже вдобавок к жалованью понадобилось пять голубей в неделю. Горгулья в Страже, призванная на службу, чтобы сидеть и наблюдать. Это наверняка придумал капитан Моркоу.

Лорд Витинари осторожно поднялся с кровати и закрыл ставни. Потом медленно подошел к письменному столу, достал из ящика свой дневник, следом вытащил толстую стопку исписанных страниц и откупорил пузырек с чернилами.

Итак, где он остановился?

— Глава восемь, — неуверенно прочитал он. — Право человека…

Ах да…

«Что до истины, — написал он, — ее надлежит предавать огласке, когда того требует случай, но выслушивать стоит при первой же возможности…»

Он задумался, как бы ввернуть в свой трактат «варево дня» или хотя бы «тинктуру ночи».

Перо скрипело по бумаге.

На полу стоял нетронутый поднос с миской, полной питательной каши, по поводу которой Витинари твердо решил поговорить с поваром, не стесняясь в выражениях, — когда поправится. Ее попробовали три дегустатора, включая сержанта Детрита — его вряд ли взяло бы хоть что-то из ядов, которыми травили людей, или даже из большинства тех, которыми травили троллей… но это не точно.

Дверь была заперта. Время от времени он слышал ободряющий скрип половиц — это Детрит совершал очередной обход. За окном туман оседал на констебле Водослее.

Витинари обмакнул перо в чернильницу и начал новую страницу. Он то и дело сверялся с дневником в кожаном переплете, аккуратно касаясь языком пальца, прежде чем перевернуть тонкие листы.

Завитки тумана просачивались сквозь ставни

и льнули к стенам, пока их не прогоняло пламя свечей.

Ваймс, тяжело ступая, гнался сквозь туман за беглецом. Тот уступал ему в скорости, даже несмотря на то что ноги у Ваймса уже болели, а в левом колене предательски постреливало, но стоило им сблизиться, как путь преграждали неожиданный прохожий или невесть откуда взявшаяся телега[12].

Подошвы подсказывали Ваймсу, что он пробежал по Брод-авеню и свернул налево, на Ничегоподобную улицу (мелкая квадратная плитка). Туман, стиснутый деревьями парка, был здесь ещё гуще.

Но Ваймс торжествовал. «Если ты направляешься в Тени, дружочек, ты пропустил поворот! Прямо по курсу — Анкский мост, а там как раз стоит патрульный…»

Подошвы сказали ему ещё кое-что. Они сообщили: «Осенью на Ничегоподобной улицы полно опавшей листвы. Мелкая квадратная плитка с

---

[12] Примечания: 12

Обычное дело во время всякой погони. В самый ее разгар с боковой улицы обязательно выедет тяжело груженная повозка.

Если поблизости нет транспорта, обязательно появится человек с вешалкой в руках. Или двое людей с огромным куском стекла.

Возможно, за всем этим стоит какое-то тайное общество.

опасными вкраплениями мокрых листьев».

Но они сообщили об этом слишком поздно.

Ваймс приземлился в канаву, ударился подбородком, сумел кое-как подняться на ноги, снова упал, когда окружающая вселенная закрутилась вихрем, опять поднялся, шатаясь, сделал несколько шагов не в том направлении, еще раз упал и решил до поры до времени подчиниться воле обстоятельств.

Дорфл молча стоял посреди комнаты, сложив перед собой тяжелые руки. На голема был направлен арбалет сержанта Детрита, переделанный из старинного осадного орудия. Он был заряжен шестифутовой стальной стрелой. Рядом с ним сидел Шнобби, держа палец на крючке.

— Шнобби, убери это! Нельзя тут из такого стрелять! — сказал Моркоу. — Мы же так и не выяснили, сколько стен может пробить эта стрела!

— Мы выбили из него признание, — сказал сержант Колон, от возбуждения подскакивая на месте. — Он со всем соглашался, но в конце концов мы заставили его не просто согласиться, а признаться! И не только в этих убийствах, но и в других преступлениях тоже — вот, у меня тут целый список.

Дорфл поднял табличку.

Я ВИНОВЕН.

Что-то выпало у него из рук.

Что-то короткое и белое. Похожее с виду на обломок спички. Моркоу поднял его и изучил. Потом посмотрел на список, который составил Колон. Он был довольно внушительный и включал в себя все нераскрытые преступления за последние пару месяцев.

— И он во всем этом признался?

— Пока не во всем, — сказал Шнобби.

— Мы просто не все дочитали, — добавил Колон.

Дорфл написал:

ЭТО ВСЕ Я СДЕЛАЛ.

— Представьте, как сэр Ваймс будет нами доволен! — сказал Колон.

Моркоу подошел к голему. Его глаза горели слабым оранжевым светом.

— Ты убил отца Трубчека? — спросил он.

ДА.

— Видишь? — сказал сержант Колон. — Тут и думать нечего!

— Зачем ты это сделал? — спросил Моркоу.

Нет ответа.

— А господина Хопкинсона в Музее хлеба?

ДА.

— Ты забил его до смерти железным ломом? — спросил Моркоу.

ДА.

— Погоди-ка, — вмешался Колон. — Ты же вроде говорил, что его…

— Не надо, Фред, — сказал Моркоу. — Дорфл, почему ты убил этого пожилого господина?

Нет ответа.

— А разве должна быть какая-то причина? Папаша мой всегда говорил: не доверяй големам, — сказал Колон. — В два счета обернутся против тебя.

— Они кого-нибудь убивали? — спросил Моркоу.

— Если и не убивали — это не значит, что они об этом не задумывались, — хмуро ответил Колон. — Папаша говорил, что он как-то работал с одним големом, и тот все время на него таращился. Стоит повернуться, а он тут как тут… все смотрит и смотрит.

Дорфл глядел прямо перед собой.

— Посвети ему свечой в глаза! — предложил Шнобби.

Моркоу вытащил на середину комнаты стул и уселся напротив Дорфла, задумчиво катая между пальцами сломанную спичку.

— Я знаю, что ты не убивал господина Хопкинсона, и не думаю, что ты убил отца Трубчека, — сказал он. — Думаю, он уже умирал, когда ты его нашел. Думаю, ты пытался его спасти. На самом деле я почти уверен, что смогу это доказать, если посмотрю на твою шхе…

Сияние из вспыхнувших глаз голема озарило всю комнату. Он шагнул вперед, воздев кулаки.

Шнобби выстрелил из арбалета.

Дорфл поймал стрелу на лету. Протяжно застонал металл, и стрела превратилась в раскаленный стальной штырь с утолщением в том месте, где за нее схватился голем. Но Моркоу уже зашел ему за спину и откинул ему макушку.

Голем повернулся, размахнулся штырем, словно дубинкой, и тут у него в глазах угас свет.

— Вот она, — сказал Моркоу и поднял вверх пожелтевший свиток.

В конце Ничегоподобной улицы стояла виселица, где правонарушители — или, по крайней мере, люди, признанные таковыми, — некогда покачивались на ветру, воплощая собой торжество правосудия, а спустя некоторое время еще и превращаясь в наглядные пособия по базовой анатомии.

Когда-то родители приводили сюда своих дети-

шек — чтобы наглядно показать им ужасающую и трагичную судьбу, которая ждет всех, кто осмелится преступить закон или просто окажется не в том месте не в то время. Дети смотрели на обезображенный остов, висящий на цепи, выслушивали суровые наставления, а потом (поскольку дело все-таки происходило в Анк-Морпорке) обычно восклицали: «Ух ты! Здорово!» — и приспосабливали труп под качели.

За минувшие годы город выработал менее зрелищные и более эффективные способы расправляться с теми, кого считал лишним, но ради соблюдения традиций на цепь повесили довольно правдоподобный деревянный манекен. Иногда какой-нибудь недалекий ворон пытался выклевать ему глаза и улетал с укороченным клювом.

Ваймс похромал к этому манекену, с трудом переводя дыхание.

Беглец мог к этому времени быть где угодно. Угасли даже те жалкие крохи дневного света, что просачивались сквозь туман.

Ваймс встал около виселицы, слушая ее скрип.

Ее специально соорудили так, чтобы она скрипела. И верно: какой толк от публичной демонстрации возмездия без зловещего скрипа?

В более тучные годы даже нанимали старика, чтобы он с помощью веревки заставлял виселицу поскрипывать, но теперь за это отвечал механизм, который надо было заводить всего раз в месяц.

С искусственного тела капала вода.

— Ну ладно, не очень-то и хотелось, — проворчал Ваймс и развернулся, чтобы вернуться тем же путем, которым пришел.

Спустя десять секунд блужданий он обо что-то споткнулся.

Это был деревянный манекен, торчащий из канавы.

Когда Ваймс вернулся к виселице, на ней раскачивалась пустая цепь, позвякивая в тумане.

Сержант Колон постучал голему по груди. Раздался гулкий звук.

— Все равно что цветочный горшок, — сказал Шнобби. — Как же они ходят, если они, по сути, горшки горшками? Почему они не трескаются?

— И мозгов у них, как у горшков, — сказал Колон. — Слыхал я, был один голем в Щеботане, которому велели вырыть туннель, а потом забыли об этом и вспомнили только тогда, когда все вокруг залило, потому что он докопался до самой реки…

Моркоу развернул на столе свиток и положил рядом с ним бумажку, которую вынули изо рта у отца Трубчека.

— Он же теперь мертв? — спросил сержант Колон.

— Обезврежен, — ответил Моркоу, переводя взгляд с одного листка на другой.

— А, хорошо. У меня где-то в задней комнате была кувалда. Сейчас сбегаю…

— Не надо, — сказал Моркоу.

— Ты же видел, что он творил!

— Не думаю, что он мог бы взаправду меня ударить. Кажется, он просто хотел нас припугнуть.

— Ну, у него получилось!

— Посмотри-ка сюда, Фред.

Сержант Колон взглянул на стол.

— Письмена какие-то на чужом языке, — ответил он с таким видом, как будто эти строчки и в сравнение не шли со старыми добрыми письменами на родном языке, да еще и чесноком воняли.

— Ничего необычного не замечаешь?

— Ну… они как будто одинаковые, — предположил Колон.

— Вот этот свиток, что пожелтее, был в голове у Дорфла. Вот этот — во рту у отца Трубчека, — ска-

зал Моркоу. — Совпадают до буквы.

— Но почему?

— Думаю, Дорфл написал эти слова и вложил их в рот отцу Трубчеку, когда бедный старик был уже мертв, — медленно ответил Моркоу, по-прежнему переводя взгляд с одного листка бумаги на другой.

— Тьфу ты. — Шнобби сплюнул. — Гадость-то какая…

— Нет, вы не понимаете, — сказал Моркоу. — Он их написал, потому что думал, что они сработают…

— В каком смысле сработают?

— Ну… вы же знаете, как делать искусственное дыхание? — спросил Моркоу. — Чтобы оказать первую помощь? Ты точно знаешь, Шнобби. Мы же с тобой вместе ходили на курсы в Языческую Ассоциацию Молодежи.

— Я пошел, только потому что ты сказал, что там бесплатно наливают чай и дают печенье, — угрюмо ответил Шнобби. — И вообще, манекен удрал, когда подошла моя очередь.

— В общем, так первая помощь и работает, — сказал Моркоу. — Мы хотим, чтобы люди задышали, и пытаемся вдохнуть в них немного воздуха…

Все они повернулись и посмотрели на голема.

— Но големы не дышат, — сказал Колон.

— Нет. Големы знают, что для жизни нужна одна-единственная вещь, — сказал Моркоу. — Слова в голове.

Все снова повернулись и уставились на слова.

Потом опять повернулись и посмотрели на недвижную статую, в которую превратился Дорфл.

— Аж мороз по коже. — Шнобби поежился. — Я так и почувствовал, как холодом потянуло! Как будто кто-то…

— Что тут творится? — спросил Ваймс, отряхивая камзол.

— …открыл дверь, — закончил Шнобби.

Прошло десять минут.

У сержанта Колона и Шнобби, ко всеобщему облегчению, закончилось дежурство. Колону было особенно трудно смириться с мыслью, что надо продолжать расследование, после того как подозреваемый уже признался. Это грубо противоречило всему его жизненному опыту. Получил признание — и дело с концом. Колон и помыслить не мог, что признанию можно *не верить*. Не верить стоило тем, кто утверждал, что они невиновны. А виновные заслуживали доверия. Иначе

сами принципы правоохранительной системы трещали по швам.

— Белая глина, — сказал Моркоу. — Мы нашли белую глину. Почти сырую. А Дорфл сделан из темно-красной, да к тому же он твердый, как камень.

— Лицо голема — последнее, что священник видел перед смертью, — заметил Ваймс.

— И я уверен, что это был Дорфл, — сказал Моркоу. — Но это не значит, что Дорфл — убийца. Думаю, что он пришел к старику, когда тот умирал, только и всего.

— Да? Но зачем?

— Я… я пока не понял. Но я знаю Дорфла. Он мне всегда казался очень кротким и добродушным.

— Он же на бойне работает!

— Возможно, не худшее место для кого-то кроткого и добродушного, сэр, — сказал Моркоу. — Так или иначе, я проглядел все архивы, какие мне только удалось найти, и непохоже, чтобы големы хоть раз на кого-то нападали. Такое ощущение, что они вообще никогда не совершали преступлений.

— Ой, да ладно тебе, — сказал Ваймс. — Всем известно… — Он уловил своим циничным слухом скепсис в собственном голосе и осекся. — Неуже-

ли и вправду никогда?

— Ну, люди обычно говорят, что у их приятеля есть друг, а у друга дедушка, так вот этот дедушка слышал, будто голем кого-то убил. Этим все и ограничивается, сэр. Големам *не позволено* вредить людям. Это прописано в их шхемах.

— У меня от них мурашки по коже, если начистоту, — сказал Ваймс.

— Не только у вас, сэр.

— Постоянно рассказывают, как голем учинил какую-нибудь ерунду, например, сделал тысячу чайников или выкопал яму в пять метров глубиной.

— Да, сэр, но разве это можно назвать преступной деятельностью? Это обычная забастовка.

— Забастовка? В каком смысле?

— В таком, что они бездумно выполняют распоряжения. Ну, знаете… кто-то кричит: «А ну иди делай чайники!», и голем идет делать чайники. Нельзя же его винить за то, что он слушается приказов? Но сколько именно сделать, никто не говорит. Никто не хочет, чтобы големы думали. Они и не думают — и тем самым добиваются своего.

— Они бастуют… подчиняясь?

— Это просто мои соображения сэр. Голему,

наверное, они бы показались более осмысленными.

Оба инстинктивно обернулись и посмотрели на немую фигуру голема.

— Он нас слышит? — спросил Ваймс.

— Не думаю, сэр.

— Вся эта история со словами…

— Ну… мне кажется, что им кажется, будто мертвый человек просто потерял свою шхему. Вряд ли они понимают, как мы устроены, сэр.

— Я, капитан, тоже этого не понимаю.

Ваймс заглянул в пустые глаза голема. Голова Дорфла все еще была раскрыта, и свет проходил сквозь глазницы. Ваймс навидался на улице всяких ужасов, но недвижный голем нагонял на него страх. Легче легкого было представить, как его глаза вспыхивают, он встает и бросается вперед, размахивая кулаками, словно молотами. И это не просто игра воображения. Это как будто заложено в саму суть големов. Как будто внутри у них свернутая пружина, которая ждет часа, чтобы распрямиться.

«Вот поэтому мы их так ненавидим, — подумал Ваймс. — Они глядят на нас своими пустыми глазами, поворачивают нам вслед свои огромные лица, и кажется, будто они каждого из нас берут

на заметку. А потом слышишь, что где-нибудь в Щеботане голем проломил кому-то голову, и в это сразу хочется поверить».

Внутренний голос, который обычно давал о себе знать глубокой ночью или, в былые дни, на полпути к донышку бутылки, добавил: «*Учитывая, как мы к ним относимся, может, мы боимся, потому что понимаем: мы это заслужили…*»

Нет… за этими глазницами ничего не прячется. Глина и волшебные слова, только и всего.

Ваймс пожал плечами.

— Я сегодня гнался за големом, — сказал он. — Он стоял на Бронзовом мосту. Проклятый истукан. Слушай, у нас есть признание и есть отражение в глазах покойного. Если ты не можешь этому противопоставить что-то более весомое, чем… чем чувство, нам придется…

— Что, сэр? — спросил Моркоу. — Мы с ним ничего уже не сможем сделать. Он мертв.

— Ты хочешь сказать, неподвижен.

— Да, сэр. Можно и так это назвать.

— Но если стариков убил не Дорфл, то кто?

— Не знаю, сэр. Но думаю, что Дорфл знает. Возможно, он шел по следам убийцы.

— Может быть, ему приказали кого-то выгородить?

— Не исключено, сэр. Или он сам решил.

— Эдак мы дойдем до того, что у них есть чувства. Кстати, куда подевалась Ангва?

— Сказала, что ей надо кое-что проверить, сэр, — ответил Моркоу. — Меня тут кое-что… озадачило. Вот это выпало у него из рук. — Он поднял какой-то крошечный предмет.

— Обломок спички?

— Големы не курят, сэр, и огонь им не к чему. Как-то это… странно, что у него при себе была такая вещь.

— О, — саркастически сказал Ваймс. — Улика.

След Дорфла она бы узнала из тысячи других. Запах бойни, который он за собой оставлял, так и щекотал ноздри.

Дорога петляла, но в ее изгибах была система. Как будто голем прочертил свой путь по линейке и сворачивал в первую же улицу, которая вела в нужном направлении.

След завел Ангву в небольшой переулок, который оканчивался тупиком, упираясь в ворота склада. Она принюхалась. В воздухе стояло множество запахов. Тесто. Краска. Жир. Сосновая смола. Резкие, громкие, свежие ароматы. Она снова принюхалась. Ткань? Шерсть?

В грязи, перекрывая друг друга, виднелось мно-

жество отпечатков ног. Довольно внушительных ног.

Та небольшая часть Ангвы, что ходила вертикально, заметила, что следы, ведущие наружу, были оставлены поверх следов, ведущих внутрь. Она опустила нос к земле. Целая дюжина существ, каждое со своим ярко выраженным запахом — правда, судя по нему, это были скорее не существа, а *изделия*, — недавно спустились по лестнице. И все двенадцать поднялись обратно.

Ангва сбежала по ступенькам и столкнулась с непреодолимым препятствием.

С дверью.

Лапы были плохо приспособлены к дверным ручкам.

Она выглянула в переулок. Там никого не было. Только туман висел между домами.

Ангва сосредоточилась и перекинулась в человека. Она постояла спиной к стене, пока мир не перестал ходить ходуном, и дернула за ручку.

За дверью оказался просторный подвал. Даже острый глаз верфольфа мало что мог бы тут разглядеть.

Надо было оставаться в человеческом обличье. Так у нее лучше работала голова. К несчастью, сейчас в голове у Ангвы в первую очередь крути-

лась мысль, что она голая. Любой, обнаружив у себя в подвале голую женщину, начнет задавать вопросы. Или вовсе обойдется без вопросов, даже совсем коротких вроде «Можно?..». Ангва бы с этим справилась, без сомнений, но предпочла бы обойтись без этого. А то потом умаешься объяснять, почему у ран такая странная форма.

Значит, не надо терять времени даром.

Все стены были покрыты письменами: одни буквы крупнее, другие помельче, но шрифт везде одинаковый — тот самый, которым пользуются големы. Фразы были написаны мелом, краской, углем, а кое-где просто выцарапаны на камне. Они поднимались от пола до потолка, столько раз пересекая друг друга, что разобрать их было почти невозможно. Тут и там в мешанине букв проглядывали отдельные слова:

...**НЕ ДОЛЖЕН... ТО, ЧТО ОН ДЕЛАЕТ, НЕ... ПРОТИВ СВОЕГО СОЗДАТЕЛЯ... ГОРЕ БЕСХОЗНОМУ... СЛОВА В... ГЛИНА ОТ ГЛИНЫ... ОТПУСТИ МОЙ... ПРИВЕДИ НАС К СВО**...

Пыльный пол склада был весь истоптан. Ангва присела, поскребла его ногтем и принюхалась. Запахи. Промышленные запахи. Их можно было различить и без обостренного нюха. Големы пахли только глиной и тем, с чем они сейчас

работали…

Ее пальцы вдруг на что-то наткнулись. Это была палочка длиной в пару дюймов. Спичка без серной головки.

Через несколько минут Ангва обнаружила еще десять спичек, разбросанных тут и там, как будто кто-то крутил их в руках и уронил.

Чуть поодаль от остальных нашлась отломанная половинка спички.

Ее ночное зрение уже угасало. Но волчье чутье держалось дольше. Все те запахи, смесь которых ручьем вливалась в здание склада, остались и на спичках. Но запах боен — запах Дорфла — исходил только от сломанной.

Ангва села на корточки и посмотрела на крошечную горстку спичек. Сюда пришли двенадцать… работников, занятых тяжелым трудом. Они пробыли тут недолго. Они… спорили: отсюда и надписи на стенах. Они что-то делали, для чего понадобились одиннадцать целых спичек (вернее, заготовок для спичек, без серы, — может, тот голем, от которого пахло сосной, работал на спичечной фабрике?) и одна сломанная.

Потом они вышли наружу, и каждый отправился своим путем.

Путь Дорфла привел его прямиком в штаб-квар-

тиру Стражи, где он сдался дежурным.

Зачем?

Ангва снова понюхала обломок спички. Этот запах крови и мяса она бы ни с чем не спутала.

Дорфл признался в убийстве…

Она подняла взгляд на исписанные стены и поежилась.

— За тебя, Фред! — провозгласил Шнобби и поднял кружку.

— Завтра все вернем в копилку. Никто даже и не заметит, — сказал сержант Колон. — И вообще, это проходит по графе «чрезвычайные обстоятельства»!

Капрал Шноббс мрачно уставился в кружку. Посетители «Залатанного Барабана» часто так делали, когда первоначальная жажда отступала и появлялась возможность разобраться, что они, собственно, пьют.

— Как мне быть? — простонал он. — Родовитым особам, им же надо носить всякие диадемы, длинные одеяния и все такое. И стоит все это добро прорву денег. А еще приходится делать кучу всяких вещей. — Он отхлебнул пива. — Как г'рится, «*шноблесс оближешь*».

— Ноблес оближ[13], — поправил Колон. — Ну да. Попал в высший свет — изволь крутиться. Деньги там на благотворительность жертвовать. Заботиться о сирых и убогих. Старую одежку садовнику отдавать, хотя на ней еще есть место для заплаток. Я все эти штуки знаю. Мой дядя когда-то был дворецким у леди Силачии.

— Нет у меня никакого садовника, — угрюмо сказал Шнобби. — И сада нет. И старой одежды, кроме той, что на мне сейчас. — Он сделал еще глоток. — А что, леди Силачии отдавала свою одежду садовнику?

Колон кивнул:

— Ага. Странный он был тип, этот садовник. — Он встретился взглядом с трактирщиком и крикнул: — Еще две пинты «Ухмельного»! — Потом покосился на Шнобби. Его старый приятель выглядел еще пришибленнее обычного. Надо было подставить ему дружеское плечо. — И Шнобби плесни две пинты, — добавил он.

— За тебя, Фред.

Сержант Колон приподнял брови, когда Шнобби едва ли не одним глотком осушил всю кружку

---

[13] Примечания: 13

Noblesse oblige — французский фразеологизм, буквально означающий «благородное происхождение обязывает». Русскоязычный аналог — поговорка «положение обязывает» (*прим. редактора*).

и не очень уверенным движением вернул ее на стол.

— Лучше бы к этому титулу прилагался мешок с деньгами, — сказал Шнобби и потянулся за второй кружкой. — Я думал, всякий высокородный хлыщ — богатей, каких мало. И, когда ты становишься аристократом, тебе одной рукой протягивают толстенькую пачку банкнот, а другой водружают на башку корону. Какой толк быть благородным нищим? Тут даже не знаешь, что хуже. — Он опрокинул в себя пиво и со стуком поставил кружку. — Вот богатенький простолюдин — эт' да, эт' я п'нимаю.

Трактирщик склонился к сержанту Колону:

— Что стряслось с капралом? Он же никогда не берет больше полпинты. А сейчас выпил уже восемь.

Фред придвинулся к нему и украдкой сообщил:

— Ты только никому не говори, но все дело в том, что наш Шнобби оказался большой шишкой.

— Шишка у него, говоришь, большая? Ну главное, чтобы он ею по пьяни тут не размахивал.

В штаб-квартире Стражи Сэм Ваймс крутил в руках спички. Он не стал спрашивать у Ангвы, уверена ли она. Агнва могла по запаху опреде-

лить, среда сегодня или четверг.

— Кто же там еще был? — спросил он. — Другие големы?

— По следам точно не скажешь, — ответила Ангва. — Но я думаю, что да. Я хотела выяснить, куда они ушли, но решила, что лучше сразу отправиться сюда.

— Почему ты думаешь, что это были големы?

— Видела отпечатки ног. А еще големы не оставляют запаха. Они пахнут тем, что они делают, и больше ничем… — Она вспомнила стену, испещренную словами. — А еще у них был какой-то долгий спор. Письменный. Судя по всему, довольно жаркий.

Она снова представила себе стену.

— Некоторые из них были очень красноречивы, — добавила она, вспомнив размер некоторых букв. — Будь они людьми, орали бы во всю глотку…

Ваймс угрюмо окинул взглядом разложенные на столе спички. Одиннадцать кусочков дерева, а двенадцатый разломан пополам. Не нужно быть гением, чтобы понять, что к чему.

— Они тянули жребий, — сказал Ваймс. — И Дорфл проиграл.

Он вздохнул.

— Час от часу не легче, — сказал он. — Кто-нибудь знает, сколько всего в городе големов?

— Нет, — ответил Моркоу. — Это сложно выяснить. Их уже веками никто не производит, но они не изнашиваются.

— Никто не производит?

— Это запрещено, сэр. Священники очень строго за этим следят, сэр. По их словам, это все равно что творить жизнь, а такое позволено только богам. Но на тех, которые уже слеплены, они закрывают глаза, потому что, ну, от них много пользы. Кого-то замуровали в стену, кого-то отправили в шахту или на мельницу, крутить жернова. Они занимаются всякими опасными делами там, куда человек и не сунется. Работа у них грязная, у всех до единого. Думаю, их могут быть сотни…

— Сотни? — переспросил Ваймс. — А теперь они втайне встречаются и плетут заговоры? Ну и дела! Что ж. Придется их уничтожить.

— Но почему?

— А тебе нравится, что они секретничают у тебя за спиной? Слушай, ну в конце концов, к троллям и гномам у меня нет вопросов, даже нежить в каком-то смысле живая, хотя я бы не называл это жизнью… — Он поймал взгляд Ангвы и до-

бавил: — За редким исключением. Но эти?.. Это же просто машины, созданные для работы. Все равно что несколько веников и совков решили бы встретиться и поболтать!

— Э… Там еще кое-что было, сэр, — медленно произнесла Ангва.

— Где? В подвале?

— Да. Но… это сложно объяснить. Просто, знаете… ощущение.

Ваймс неопределенно пожал плечами. Он уже научился не сбрасывать со счетов ощущения Ангвы. Она, например, всегда знала, где находится Моркоу. Если она сидела в штаб-квартире, можно было заранее узнать о его приближении, видя, как Ангва смотрит на дверь.

— Ну?

— Что-то вроде… глубокой печали, сэр. Неизбывной горькой тоски. Вот.

Ваймс кивнул и потер переносицу. Это был чертовски длинный день, и он даже не близился к завершению.

Очень, очень сильно хотелось выпить. Мир был слишком смутным и ненадежным местом. При взгляде сквозь дно стакана он хотя бы обретал четкость.

— Вы сегодня что-нибудь ели, сэр? — спросила

Ангва.

— Ну… я вроде позавтракал, — пробормотал Ваймс.

— Помните словечко, которое так любит Колон?

— Какое? «Паскудный»?

— Вот так вы сейчас выглядите. Если не хотите идти домой, выпейте хотя бы кофе и отправьте кого-нибудь за фиггинсами.

Ваймс задумался. Паскудным он называл привкус во рту, если в нем три дня не было ничего, кроме отрыжки. Это он сейчас так выглядит? Страшно представить.

Ангва потянулась к старой жестянке из-под кофе, которая служила Страже копилкой. Та оказалась неожиданно легкой.

— Что за дела? Тут должно быть по меньшей мере двадцать пять долларов, — сказала она. — Шнобби только вчера взносы собирал…

Она перевернула банку. Оттуда выпал крошечный замусоленный окурок.

— Даже расписку не оставил? — грустно спросил Моркоу.

— Какую еще расписку? Это же Шнобби.

— Ах да. Точно.

В «Залатанном барабане» было очень тихо.

Счастливый Час прошел почти без единой драки. Теперь все наблюдали наступление Несчастливого Часа.

Перед Шнобби высился частокол из кружек.

— Ну вот что… что… что толку-то мне с него? — вопросил он.

— Можешь его загнать кому-нибудь, — предложил Рон.

— И то верно, — согласился Колон. — Вокруг полным-полно богатеев, которые не пожалеют деньжат за титул. Ну те, у кого уже есть здоровенный особняк и все такое. Они бы все отдали за то, чтобы стать такими, как ты! Ну, благородными то есть.

Девятая пинта остановилась на полпути ко рту Шнобби.

— Да за это несколько тысяч долларов можно выручить, — живо подхватил Рон.

— А то и больше, — поддакнул Колон. — Вот увидишь, за твой титул еще передерутся.

— Если все как следует обстряпать, сможешь вообще тут же уйти на пенсию, — сказал Рон.

Кружка не двинулась с места. На бугристой равнине, которую представляло собой лицо Шнобби, развернулась настоящая битва между разными чувствами, и это намекало на то, что внутри

кипели не менее ожесточенные бои.

— Обстряпать, говоришь? — наконец произнес он.

Сержант Колон качнулся в сторону. В голосе Шнобби прорезалось что-то такое, чего он раньше не слышал.

— И тогда ты станешь богатым простолюдином, как и хотел, — продолжил Рон, у которого было не так развито чутье на перемену атмосферы. — А эти чванливые болваны пускай себе грызутся за твой титул.

— Продать, значит, свое первородство за черепичную похлебку? К этому клонишь? — спросил Шнобби.

— За черевичную, — сказал сержант Колон.

— За чечевичную, — осторожно поправил какой-то зевака.

— Ха! Ну так вот что я тебе скажу, — раскачиваясь, произнес Шнобби. — Некоторые вещи не продаются. Ха-ха! Кто тащит… ик… деньги — похищает тлен…

— И то верно. Кошелек у тебя так истлел, что вот-вот развалится, — сказал кто-то.

– Да что такого особенного в этой чечевичной похлебке?

— Что деньги? Были деньги, сп… сп… сплыли

деньги…

Посетители обменялись недоуменными взглядами. Слышать такие рассуждения было непривычно — как если бы кто-то спросил: «Какой толк от спиртного?» или «Эй, подкинуть еще работы, да потяжелее?»

— *Ячменная намного вкуснее!*

— Ну как что… — нерешительно произнес какой-то смельчак. — На деньги можно купить большой дом, наесться от пуза… и напиться… женщины, опять же…

— И что, это и нужно человеку для щ… для щ… для счастья? — спросил Шнобби, осоловело глядя перед собой.

Его собутыльники молча моргали. Шнобби завел их в метафизический лабиринт.

— Ну так я вам сам отвечу, — сказал Шнобби. Теперь он раскачивался так размеренно, что походил на перевернутый маятник. — Все это ничто, пустышка! По сравнению с гордостью за свою гиену… гинею…

— Гигиену? — подсказал Колон.

— Ну за дерево это! — выкрикнул Шнобби. — У меня есть это… гинелогическое дерево, предки и все такое, не то что у вас!

Сержант Колон поперхнулся пивом.

— У нас у всех есть предки, — негромко сказал трактирщик. — Иначе бы нас тут не было.

Шнобби перевел на него свой мутный взгляд и безуспешно попытался его сфокусировать.

— Так! — сказал он наконец. — Верно! Только… только у меня их больше, ясно вам? У меня в венах течет кровь самых что ни на есть королей, чтоб им пусто было!

— Это ненадолго, — произнес кто-то. Послышался смех, но в нем звучали угрожающие нотки, которые Колон давно научился различать и уважать. Этот смех напомнил ему о двух вещах: 1) ему оставалось всего шесть недель до отставки, 2) он уже давно не отлучался в уборную.

Шнобби порылся в карманах и извлек наружу потрепанный свиток.

— Видите? — спросил он и не без труда развернул его на стойке. — Видите? У меня и справка есть. Вот сюда смотрите! Тут написано «граф». Это я! Да вы бы могли меня прямо тут повесить!

— Могли бы, — сказал трактирщик, обводя взглядом толпу.

— В смысле, мой портрет! Переименовали бы это место в «Графа Анкского», а я б сюда приходил и каждый день надирался, как вам мыслишка? — спросил Шнобби. — Пробежит слушок, что тут

выпивает граф, и посетители валом повалят. А за это ни пенса с вас ни возьму, ни самого малюсенького пенса! Народ будет говорить: «Вот это место — высший класс, а не какая-то рыгаловка, тут бывает сам лорд де Шноббс!»

Чья-то рука схватила Шнобби за горло. Колон не смог опознать ее владельца. Это был один из тех небритых, исполосованных шрамами выпивох, которые ближе к ночи начинают открывать бутылки зубами — чужими, если вечер особенно удался.

— Так что мы, недостаточно для тебя хороши, к этому ты клонишь? — спросил выпивоха.

Шнобби помахал свитком и открыл рот, из которого — Колон вдруг с ужасающей ясностью это понял — вот-вот должны было вырваться нечто вроде: «Убери от меня руки, презренный смерд!»

И тогда сержант Колон, проявив недюжинное самообладание и поразительное отсутствие здравого смысла, объявил:

— Давайте выпьем! Его сиятельство угощает!

По сравнению с «Залатанным барабаном» «Ведро» на Тусклой улице было оазисом спокойствия. Стража облюбовала это место и превратила его в храм, где можно было в тишине предаться высокому искусству алкоголизма. Не то чтобы

там продавали особенно хорошее пиво — пиво было довольно дрянное. Но его подавали быстро, без лишних вопросов и в кредит. Это было единственное место, где Страже не приходилось быть настороже. В умении молча потягивать спиртное никто не сравнится со стражниками после восьмичасовой смены. Алкоголь служил им такой же надежной защитой, как шлемы и нагрудники. С ним было легче сносить удары судьбы.

А владелец, господин Сыр, был очень чутким слушателем. Он всегда прислушивался к фразам вроде «Нам еще по одной» и «Подливай, не останавливайся». И умел вовремя сказать нужные слова («В кредит? Не вопрос!»). Стражники всегда платили по счетам, иначе им грозил выговор от капитана Моркоу.

Ваймс угрюмо сидел над стаканом лимонада. Он хотел всего-то одну рюмку — и отлично понимал, что даже эта одна ему не светит. Ведь где одна, там и дюжина. Но знание не прибавляло ему радости.

В трактире собралась уже почти вся дневная смена, да еще пара стражников, у которых был выходной.

Каким бы замызганным ни было это местечко, Ваймсу оно нравилось. Под гул голосов он мог

отдаться собственным мыслям, не путаясь сам у себя под ногами.

Господин Сыр разрешил сделать из своего трактира, по сути, пятую штаб-квартиру Стражи в том числе из соображений безопасности. Стражники в общем и целом были довольно мирными посетителями. Они переходили из вертикального положения в горизонтальное без особого шума, не затевая крупных драк и почти не громя мебель. К тому же за все это время трактир ни разу не грабили. Стражники очень, очень трепетно относились к тому, чтобы их возлияниям никто не мешал.

Потому-то господин Сыр был порядком удивлен, когда дверь распахнулась и внутрь ворвались трое мужчин, размахивая арбалетами.

— Всем сидеть на месте! Шелохнетесь — и вы трупы!

Грабители остановились у стойки. К их удивлению, приход их не вызвал всеобщего ажиотажа.

— Да закройте кто-нибудь эту проклятую дверь! — прорычал Ваймс.

Стражник, что стоял у двери, последовал его приказу.

— И заприте на засов, — добавил Ваймс.

Троица грабителей огляделась. Когда их гла-

за привыкли к полумраку, они осознали, что обстановка в трактире была весьма… шлемоблещущей. Но все эти шлемы не двигались. Они наблюдали.

— Вы, ребята, недавно в городе? — спросил господин Сыр, протирая стакан.

Самый храбрый из троицы наставил на него арбалет.

— А ну гони деньги, живо! — завопил он. — Иначе, — добавил он, обращаясь ко всему залу, — можете попрощаться с трактирщиком.

— Да и пускай. В городе трактиров хватает, — сказал кто-то.

Господин Сыр продолжал невозмутимо протирать стакан.

— Спасибо, констебль Бедрокус, — сказал он. — У тебя на счету два доллара тридцать пенсов, и не думай, что я забуду.

Грабители прижались друг к дружке. Что-то в этом трактире было не так. Им померещился очень характерный звук — с таким звуком из ножен достают всевозможное оружие.

— Кажется, я вас уже где-то видел, — сказал Моркоу.

— О боги, это же он, — простонал один из грабителей. — Хлебомет!

— Я думал, господин Ломозуб вас отвел в Гильдию Воров, — продолжил Моркоу.

— Там у нас случилась перепалка насчет налогов…

— Не говори ему!

Моркоу хлопнул себя по лбу.

— Точно! — сказал он. — Налоговые декларации! Наверное, господин Ломозуб волнуется, что я о них забыл.

Грабители так вжались друг в друга, что походили на шестирукого толстяка, которому приходится очень много платить за шляпы.

— Э… Стражникам ведь нельзя убивать людей, правда? — спросил один.

— На дежурстве нельзя, — ответил Ваймс.

Тот, что похрабрее, вдруг дернулся и рывком вытащил Ангву из-за стола.

— Не троньте нас, а то девчонке не поздоровится! Ясно? — ухмыльнулся он.

В зале кто-то прыснул.

— Надеюсь, обойдется без смертоубийства, — сказал Моркоу.

— Это мы еще посмотрим!

— Простите, я разве к вам обращаюсь? — спросил Моркоу.

— За меня не беспокойся, — сказала Ангва. Она

огляделась, убедилась, что Шельмы рядом нет, и вздохнула. — Пойдемте, господа, пора с этим покончить.

— С едой играть нехорошо! — заметил кто-то из толпы.

Послышалась еще пара смешков. Потом Моркоу сел на место, и все сделали вид, что их очень интересует содержимое кружек.

— Все в порядке, — тихо сказала Ангва.

Грабители чувствовали, что здесь есть какой-то подвох, но не могли разобрать, какой. Никто в трактире не шелохнулся, пока они пятились к двери, снимали засов и, увлекая за собой Ангву, выходили за порог, в туман.

— Может, надо помочь? — спросил какой-то констебль-новобранец, когда дверь за ними захлопнулась.

— Они не заслужили помощи, — ответил Ваймс.

С улицы донесся звон железа, а следом — низкий протяжный вой.

И вопль. И другой вопль. И третий вопль, перемежаемый выкриками: «НЕТНЕТНЕТнетнетНЕЕЕЕЕЕТ! Аааааа… Агрх…» Что-то тяжело ударилось в дверь.

Ваймс повернулся к Моркоу.

— Вы с констеблем Ангвой, — спросил он, — э-э… хорошо ладите?

— Хорошо, сэр, — ответил Моркоу.

— А то мало ли, вдруг у вас есть какие-то… м-м-м… трудности…

Послышался грохот, а потом за дверью что-то забулькало.

— Мы с ними справляемся, сэр, — сказал Моркоу, чуть повысив голос.

— Я слышал, ее отец не очень-то рад, что она тут работает…

— В Убервальде нет закона как такового, сэр. Там считают, что сильному обществу законы не нужны. Я бы не назвал барона сторонником прогрессивных взглядов, сэр.

— Говорят, он кровожадный, каких мало…

— Она хочет остаться в Страже, сэр. Ей нравится общаться с людьми.

Снаружи снова что-то заклокотало. В окне мелькнула мужская рука, отчаянно царапавшая ногтями стекло, а потом резко пропала из виду.

— Ну, не мне судить, — сказал Ваймс.

— Все так, сэр.

На несколько мгновений повисла тишина, а потом дверь медленно открылась. Ангва вошла, поправила одежду и уселась за стол. Все стражни-

ки в зале снова уставились в кружки — на случай, если не рассмотрели что-то в прошлый раз.

— Э… — начал Моркоу.

— Ничего такого, просто царапины, — ответила Ангва. — Но один из них случайно выстрелил другому в ногу.

— Занеси в рапорт, что они сами себя поранили, сопротивляясь аресту, — сказал Ваймс.

— Да, сэр, — сказала Ангва.

— Но это не совсем верно, — заметил Моркоу.

— Они попытались ограбить наш трактир и взять вер… Ангву в заложники, — сказал Ваймс.

— О, теперь понятно, сэр, — сказал Моркоу. — Сами себя поранили. Да. Несомненно.

В «Залатанном Барабане» царило безмолвие. Ведь трудно шуметь, когда лежишь в отключке.

Сержант Колон не мог нарадоваться своей находчивости. Как известно, чтобы прекратить драку, надо хорошенько вдарить, но в этом случае оказалось достаточно вдарить по пиву и джину.

Кое-кто, правда, все еще держался на ногах. Это были самые прожженные забулдыги, которые пили так, будто завтра не наступит, и втайне на это надеялись.

Фред Колон дошел до той стадии опьянения, когда его тянуло на разговоры. Он повернулся к

одному из собутыльников.

— Х-хорошо тут, — выдавил он.

— Ох, что же я скажу жене… — простонал его собеседник.

— Без понятия. Ну скажи, что задержался на работе, — предложил Колон. — И мятную конфетку съешь перед приходом, обычно помогает…

— Задержался на работе? Ха! Да меня с этой работы выкинули пинком под зад! Меня, мастера своего дела! Пятнадцать лет горбатился на Спаджера и Вильямса, потом Мастерс их разорил, я перешел к Мастерсу, и нате вам, оттуда меня тоже выперли! «В ваших услугах больше не нуждаемся!» А все эти проклятые големы! Лишают людей работы! Да зачем им вообще работать? Им же не надо кормить семью, они ни в семье не нуждаются, ни в еде! Но шевелятся при этом так проворно, что только ручищи мелькают.

— Беда.

— Расколотить бы их, и дело с концом. У Спаджера и Вильямса тоже был голем, старина Жлоб, но он едва ноги переставлял, а не носился повсюду как ужаленный. Ты подожди, они и твою работу под себя подгребут!

— Камнелиц этого не допустит, — сказал Колон, слегка покачиваясь.

— Может, тогда меня к себе возьмете?

— Ну не знаю, — сказал Колон. Там, где только что сидел один человек, внезапно оказалось двое. — А что вы умеете?

— Крутить фитили и обрубать концы, — ответили они хором.

— Вот оно как! Полезные навыки.

— Вот, держи, Фред, — сказал трактирщик. Он постучал Колона по плечу и положил перед ним бумажку. Колон с любопытством наблюдал, как цифры ползают по листу туда-обратно. Он попытался сосредоточиться на той, что стояла в самом низу, но не смог: слишком она была большая.

— А это что еще такое?

— Счет за выпивку для его императорского величества.

— Что ты мне голову морочишь, никто не может столько выпить… Не буду я за это платить!

— Ты не кипятись. Спасибо скажи, что ничего не сломано.

— А что тут такого ценного можно сломать?

Трактирщик вынул из потайного места под стойкой крепкую ореховую палку.

— Руки? Ноги? На твой вкус.

— Рон, да ты чего, ты же сто лет меня знаешь!

— Да, Фред. Ты всегда был хорошим клиентом,

так что я разрешу тебе зажмуриться.

— Но это же все мои деньги, до гроша!

Трактирщик хмыкнул:

— Вот видишь, как удачно совпало.

Шельма Задранец прислонилась к стене возле уборной и перевела дух.

Умение вовремя сбежать алхимики обретали на самой заре своей карьеры. Как говорили ее наставники, хорошие алхимики бывают двух типов: атлеты и интеллектуалы. Первые могут за три секунды перепрыгнуть через стол и спрятаться за толстой стенкой, а вторые знают, когда именно это нужно сделать.

От оборудования было мало толку. Шельма утащила из гильдии что могла, но настоящая алхимическая лаборатория должна ломиться от посуды, сделанной как будто на конкурсе икающих стеклодувов. Порядочные алхимики, когда занимаются опытами, не используют вместо мензурки кружку с медвежонком — надо, кстати, будет вернуть ее на место, а не то капрал Шноббс расстроится.

Рассудив, что дым уже рассеялся, Шельма собралась с силами и шагнула обратно в уборную.

И еще кое-что. Ее книги по алхимии были настоящими произведениями искусства, каждая

страница сделала бы честь любому граверу, но нигде на этих страницах не было сказано: «Не забудьте открыть окно». Там были указания вроде «дабавляйте к цинку щеботанскую воду, пака газ ни вырвится наружу», но никто не потрудился добавить: «Ни павтаряйте это дома» или «С бравями можите папращаться».

Так, ладно…

На посуде не было и следа того черно-бурого налета, который, согласно «Саставу алхимии», указывал на наличие в образце мышьяка. Шельма исследовала уже всю еду и питье из дворцовой кладовой и приспособила к делу каждую склянку и бутылку, какие ей удалось найти в штаб-квартире Стражи.

Она решила еще раз попытать удачи с чем-то, что было обозначено как «Образец № 2». На вид он напоминал кусочек сыра. А это точно сыр? Из-за паров, поднимавшихся над колбами, она уже плохо соображала. Она определенно брала образцы сыра. Ланкрский сыр с синей плесенью («Образец № 17»), например, неожиданно бурно прореагировал с кислотой, прожег дыру в потолке и залил половину стола какой-то темно-зеленой жижей, вязкой, как смола.

Тем не менее Шельма решила проверить об-

разец.

Несколько минут спустя она лихорадочно листала записную книжку. Первый образец, взятый из кладовой (порция утиного паштета), значился здесь под номером три. А что насчет первого и второго? Так, первый образец — белая глина с моста Призрения, а второй…

Она наконец нашла то, что искала.

Но этого не может быть!

Шельма посмотрела на стеклянный сосуд. Со стенок усмехался характерный металлический налет.

Кусочек образца она оставила на потом. Она могла бы перепроверить, но… может быть, лучше доложить о результатах?

Она поспешила в холл, где сидел дежурный тролль.

— Где командор Ваймс?

Тролль осклабился.

— В «Ведре»… капрал Задранец.

— Спасибо.

Тролль повернулся обратно к посетителю — встревоженному монаху в коричневой сутане.

— И что? — спросил он.

— Лучше пусть сам расскажет, — сказал монах. — Я просто стоял за соседним прилавком.

Он поставил перед троллем кувшинчик с прахом. Его горлышко украшал галстук-бабочка.

— Это совершенно возмутительно, — донесся из кувшинчика пронзительный голосок. — Я проработал всего пять минут, и тут на меня как плеснут! Знаете, сколько мне времени нужно, чтобы восстать из праха?

— Где проработал? — уточнил тролль.

— В лавке церковных товаров на Ничегоподобной улице, — с готовностью подсказал монах.

— В отделе святой воды, — добавил вампир.

— Тебе удалось найти мышьяк? — спросил Ваймс.

— Да, сэр. И очень много. В образце его полным-полно. Но…

— Что такое?

Шельма опустила взгляд.

— Образец дважды проверен, сэр. Ошибки быть не может…

— Ну хорошо. В чем же он обнаружился?

— В том-то и дело, сэр. Ни в одном образце из дворца мышьяка нет. Зато он нашелся под ногтями у отца Трубчека.

— Что?

— У него под ногтями был какой-то жир, сэр, и мне подумалось: может быть, это убийца с собой

принес? На фартуке или вроде того… У меня еще немного осталось, если хотите сами проверить, сэр. Отлично вас пойму.

— Откуда в доме у старика взяться яду? — спросил Моркоу.

— Может, он вцепился ногтями в убийцу, — сказала Шельма. — Ну, знаете… пытался с ним бороться…

— С кем, с Мышьяковым монстром? — спросила Ангва.

— Ох, боги, — сказал Ваймс. — Который час?

— Динь-дон, дзинь-дзинь-дон!

— Да чтоб тебя…

— Сейчас девять вечера, — сказал бес-органайзер, высунувшись у Ваймса из кармана. — «Я грустил о том, что не имел сапог, пока не встретил человека без ног».

Стражники переглянулись.

— Что-что? — настороженно спросил Ваймс.

— Людям нравится, когда я с ними делюсь афоризмами и мудрыми мыслями, — ответил бес.

— И где ты встретил этого безногого? — спросил Ваймс.

— Я его на самом деле не встречал, — объяснил бес. — Это в метафорическом смысле.

— Ну, если когда-нибудь встретишь — можешь

поинтересоваться, не осталось ли у него ненужной обуви, — сказал Ваймс.

Послышался писк: это Ваймс затолкнул беса обратно в шкатулку.

— Это не все, сэр, — сказала Шельма.

— Выкладывай, — устало произнес Ваймс.

— Помните глину, которую мы нашли на месте убийства? — спросила Шельма. — Вулкан сказал, что в ней полно шамотной крошки… то есть битых черепков. Ну… мне удалось отколоть кусочек от Дорфла, чтобы сравнить, и полной уверенности нет, но бес в иконографе зарисовал этот кусочек в мельчайших деталях… В общем, я думаю, что это такая же глина. В ней очень много окиси железа.

Ваймс вздохнул. Куда ни кинь взгляд, везде кто-нибудь выпивал. Одна рюмка — и все бы мигом прояснилось.

— Кто-нибудь понимает, что все это значит? — спросил он.

Моркоу и Ангва помотали головами.

— Но если мы поймем, как сложить кусочки, мы соберем из них цельную картину, так, что ли? — спросил Ваймс, повышая голос.

— Да, сэр! Это как с мозаикой! — подхватила Шельма.

— Именно! — сказал Ваймс так громко, что все в зале притихли. — Теперь осталось найти угловой кусочек с листиком и клочком неба, и все, картинка сложится?

— У нас у всех был непростой день, сэр, — сказал Моркоу.

Ваймс обмяк на стуле.

— Ладно, — сказал он. — Завтра… Ты, Моркоу, обойди городских големов. Если они что-то замышляют, я хочу знать, что именно. А ты, Задранец… обыщи как следует дом священника, вдруг найдешь еще мышьяк. Хотел бы я верить, что тебе это удастся.

Ангва вызвалась проводить Шельму домой. Гномка удивилась, что никто этому не воспротивился. Ведь Ангве потом придется возвращаться к себе в одиночку!

— Тебе не страшно? — спросила Шельма, пока они пробирались сквозь влажные клубы тумана.

— Не-а.

— Но ведь в тумане наверняка скрываются воры и бандиты. А ты говорила, что живешь в Тенях.

— Да, верно. Но меня в последнее время никто не беспокоит.

— Может, формы боятся?

— Не исключено, — сказала Ангва.

— Неужели они научились уважать закон!

— Может, и так.

— М-м-м… прости, что я спрашиваю… но вы с капитаном Моркоу…

Ангва вежливо ждала, пока она закончит фразу.

— Э-э-э…

— Да, — смилостивилась Ангва. — Мы э-э-э. Но я снимаю комнату у госпожи Торт, потому что в таком городе очень важно иметь собственный уголок. — «И понимающую хозяйку, которая учитывает потребности своих постояльцев, — добавила она про себя. — Например, прикручивает к дверям такие ручки, какие легко открыть лапой, и в лунные ночи оставляет открытым окно». — Нужно место, где можно побыть самой собой. Ну и вообще, в штаб-квартире воняет носками.

— Я живу у своего дяди Рукохвата, — сказала Шельма. — Так себе местечко. Все вечно горное дело обсуждают.

— А ты нет?

— Да там и обсуждать особо нечего. «Кто мы? Гномы! В шахте как дома!» — пропела она. — А потом переходят на золото, и, честное слово, это совсем не такая захватывающая тема, как может

показаться.

— Я думала, гномы любят золото, — сказала Ангва.

— Они просто так говорят, чтобы затащить его в постель.

— Ты вообще уверена, что ты гномка? Прости, прости, глупая шутка.

— Есть же куда более интересные темы. Прически. Наряды. Люди.

— О боги. Тебе не хватает девчачьих разговоров?

— Не знаю, я же никогда их не вела, — сказала Шельма. — У гномов все разговоры — гномьи.

— В Страже та же история, — призналась Ангва. — Можешь быть какого угодно пола при условии, что ведешь себя по-мужски. В Страже нет мужчин и женщин — только свои парни. Ты скоро привыкнешь. В основном все рассказывают, сколько они вчера выпили, чем закусили и где их стошнило. Никто не видит дальше своего… носа. Но освоиться можно. Да, и будь готова к сальным шуточкам.

Шельма покраснела.

— Правда, их я уже давно не слышала, — добавила Ангва.

— Почему? Ты пожаловалась Ваймсу?

— Нет, просто после того, как я присоединилась к Страже, они как-то сошли на нет. Я и сама пробовала шутить — но никто не смеялся! Даже когда я показывала неприличные жесты! По-моему, это нечестно. Жесты у меня были ого-го!

— Кажется, мне и здесь не найдется места, — вздохнула Шельма. — Я как будто… везде чужая.

Ангва посмотрела на маленькую фигурку, которая семенила рядом с ней. Знакомые мысли. Свой уголок нужен всем, не только Ангве, и порой такой уголок можно найти только у себя в голове. К тому же ей на удивление нравилась Шельма. Может, из-за своей серьезности. Или из-за того, что она была единственной, не считая Моркоу, кто разговаривал с Ангвой без тени испуга. Все потому, что она не знала. Ангва дорожила этим незнанием и хотела его сохранить, но помимо этого, она видела, что Шельме пора что-то менять в жизни.

— Мы как раз идем мимо улицы Вязов, — осторожно сказала она. — Заскочишь ко мне на минутку? Я бы с тобой кое-чем поделилась…

«Мне это все равно не пригодится, — сказала она себе. — Когда я отсюда сбегу, мне вряд ли удастся много взять с собой».

Констебль Водослей смотрел в туман. Смотреть

он умел отлично — почти так же хорошо, как сидеть на одном месте. А еще он был настоящим мастером в том, чтобы не издавать ни звука. Молчаливость была среди его самых сильных качеств. Когда дело доходило до ничегонеделанья, его тоже было трудно превзойти. Но способность замирать и не шевелиться оставалась его главным достоинством. Если бы его позвали на мировое первенство по неподвижности, он бы даже не шелохнулся.

Теперь он сидел, подперев голову руками, и смотрел в туман.

Белая пелена укутала весь город, и отсюда, с высоты шестого этажа, могло показаться, что внизу плещется холодное море, залитое лунным светом. То тут, то там из этого моря высовывались башни и шпили, но все звуки были приглушены и едва доносились до верха. Полночь пришла и ушла.

Констебль Водослей смотрел в туман и думал о голубях.

У констебля Водослея было довольно мало жизненных стремлений, и почти все они касались голубей.

Несколько человек ковыляли — а один даже катился — сквозь туман, как Четыре Всадника какого-то местечкового Апокалипсиса. У одного

на голове сидела утка, и, поскольку за вычетом этого удивительной особенности он был почти в здравом уме, его прозвали Человеком-Уткой. Другой, который беспрестанно кашлял и отплевывался, был известен как Генри-Гроб. Третьего, безногого мужчину на маленькой тележке, без всякой видимой причины называли Арнольдом Косым. А четвертого звали Старикашка Рон, и он повсюду носил свой Запах.

Рон вел на веревке серо-бурого терьера с изодранными ушами. Но, по правде говоря, со стороны было трудно судить, кто кого ведет на самом деле и кто из этих двоих, если что, опустится на землю, повинуясь хозяйскому приказу: «Сидеть!» Потому что, хотя собаки-поводыри для тех, кто обделен зрением или слухом, — привычное явление во многих мирах, Старикашка Рон был первым, чей пес взял на себя мыслительные функции.

Пес, а вслед за ним и нищие направлялись к темной арке моста Призрения, который по меньшей мере один из них называл домом. Другие называли его соответственно «Кххррр-тьфу!», «Ха-ха-ха! Ой!» и «Разрази меня гром, десница тысячелетия и моллюск!»

Они брели вдоль реки и передавали из рук в

руки жестяную банку, из которой по очереди отпивали, рыгая и причмокивая.

Пес остановился. Нищие за его спиной чуть не налетели друг на друга.

Кто-то шел им навстречу по набережной.

— О боги!

— Тьфу!

— Ой!

— Разрази его гром!

Нищие прижались к стене, и мимо них проковыляла бледная фигура. Она хваталась за голову, как будто пыталась за уши поднять себя над землей, и время от времени билась лбом о близлежащие здания.

На глазах у нищих она выдернула из земли причальную тумбу и начала колотить себя по голове. Наконец чугун не выдержал и треснул.

Фигура бросила тумбу, запрокинула голову, разинула рот, из которого полился красный свет, и заревела раненым быком. А потом, шатаясь, пошла дальше в темноту.

— Опять этот голем, — сказал Человек-Утка. — Белый который.

— Хе-хе, у меня, бывает, по утрам так же башка трещит, — сказал Арнольд Косой.

— Я в големах кое-что смыслю, — сказал Генри-

Гроб и тщательно выверенным плевком сбил со стены жука в двадцати футах от себя. — Они так не орут. Нет у них голоса.

— Разрази меня гром, — сказал Старикашка Рон. — Хрусь-хрясь — и в топку вместе с моллюском! А червячок-то в другом сапоге. Попробуй проверь!

— Он говорит, это тот самый, которого мы недавно видели, — сказал пес. — Помните, когда кто-то прихлопнул старого священника.

— Думаешь, надо кому-то доложить? — спросил Человек-Утка.

Пес покачал головой.

— Не надо, — сказал он. — У нас тут теплое местечко, незачем его светить.

И они впятером похромали дальше в сырую тень.

— Чтоб им пусто было, этим големам! Отбирают у нас работу…

— Но у нас же нет работы.

— Вот видишь, а я о чем!

— Что сегодня на ужин?

— Грязь и подметки от ботинок. Хррр-тьфу!

— Тысячелетняя десница и моллюск, вот что.

— Здорово все-таки, что у меня есть голос. Могу сам за себя говорить.

— А тебе утку не пора кормить?
— Какую утку?

Туман вокруг Пяти-Семидворья мерцал и шипел. Языки пламени лизали его клубы, едва их не поджигая. В формах остывало жидкое железо. Из цехов раздавался грохот молотов. Не время подгоняло кузнецов — их подстегивал куда более требовательный голос расплавленного металла. Хотя уже близилась полночь, в «Плавильнях, Цехах и Кузнях Рукисилы» вовсю кипела работа.

В Анк-Морпорке было много Рукисил. Это очень распространенная гномья фамилия. Именно этим соображением руководствовался Томас Смит, когда решил сменить имя. Хмурый гном с молотом, украшавший собой его вывеску, был не более чем фантазией художника. Люди привыкли, что лучшие мастера по железу — гномы, и Томас Смит счел за благо не спорить.

Разумеется, Комитет Равного Роста выступил с возражением, но дело как-то замялось, потому что, во-первых, сам комитет по большей части состоял из людей, ибо гномам было некогда хло-

потать о своих правах[14], а во-вторых, основные претензии сводились к тому, что господин Рукисила, урожденный Смит, слишком высокий, что являло собой очевидный пример дискриминации по росту и противоречило самим правилам комитета.

Тем временем Томас отращивал бороду, нахлобучивал железный шлем, когда приходила проверка от комитета, и на каждый доллар накидывал двадцать пенсов.

Молоты ритмично падали на наковальни, приводимые в движение огромным колесом, которое тянули быки. Здесь ковались мечи и отбивались до нужной формы железные пластины. Во все стороны летели искры.

Рукисила снял шлем (комитет снова ошивался где-то неподалеку) и вытер пот со лба.

— Диббук! Где тебя носит?

Он резко обернулся, почувствовав, что пустота за спиной вдруг заполнилась. Голем из литейного цеха стоял к нему почти вплотную, и пламя печей бросало отблески на темно-красную глину.

---

[14] Примечания: 14

А еще они были мало озабочены вопросами роста. Есть даже гномья пословица: «Все деревья рубят у корней» — хотя говорят, что это донельзя выхолощенный перевод и буквальный смысл пословицы сводится к следующему: «Не достаешь до рук — укуси между ног!»

— Я же говорил тебе не подкрадываться! — заорал Рукисила, перекрикивая грохот.

Голем поднял табличку.

ДА.

— Как там твой святой день, закончился наконец? Я уже заждался.

СОЖАЛЕЮ.

— Ну ладно, раз ты снова с нами, становись-ка за молот номер три. И скажи Винсенту, чтобы он поднялся ко мне в кабинет, понял?

ДА.

Рукисила взбежал по лестнице в кабинет. На самом верху он обернулся и посмотрел на литейный цех, озаренный красным пламенем. Он увидел, как Диббук подошел к молоту и показал мастеру табличку. Как Винсент, мастер, посмотрел на табличку и отошел в сторону. Как Диббук взял заготовку для меча, подождал, пока молот несколько раз по ней ударит, а затем отшвырнул ее прочь.

Рукисила бросился назад.

Когда он был на полпути, Диббук положил голову на наковальню.

Когда Рукисила добрался до нижней ступеньки, молот опустился в первый раз.

Когда он мчался по полу, засыпанному пеплом,

а другие рабочие спешили за ним, молот опустился во второй раз.

Когда он наконец добежал до Диббука, молот опустился в третий раз.

В глазах голема погас свет. Бесстрастное лицо пересекла трещина.

Молот поднялся, чтобы опуститься в четвертый раз…

— Всем пригнуться! — завопил Рукисила.

…и от голема остались одни черепки.

Когда грохот затих, хозяин кузни встал и отряхнулся. Пол был усеян кусками глины и мелким крошевом. Молот сорвало с креплений, и теперь он лежал на наковальне в груде того, что осталось от голема.

Рукисила с опаской поднял обломок ноги, откинул в сторону, снова наклонился и извлек из-под осколков табличку.

Он прочитал:

СТАРИКИ ПОМОГЛИ НАМ!
НЕ УБИЙ!
ГЛИНА ОТ ГЛИНЫ МОЕЙ!
СТЫД.
ПОЗОР.

Мастер заглянул Рукисиле через плечо.

— Зачем он это сделал?

— А мне почем знать? — огрызнулся Рукисила.

— Ну просто он сегодня днем принес чай, как ни в чем не бывало. Потом отошел куда-то на пару часов, а теперь вот…

Рукисила пожал плечами. Голем — это голем, тут и добавить нечего, но он вспомнил безучастное выражение, с которым Диббук ложился под молот, и его передернуло.

— Я слыхал, хозяин лесопилки на Колиглазной улице думает продать своего голема, — сказал старший по цеху. — Он пустил все запасы красного дерева на спички или еще что-то такое учинил. Хотите, я разузнаю подробности?

Рукисила вновь посмотрел на табличку.

Диббук всегда был немногословен. Он руками хватал докрасна раскаленное железо, кулаками отбивал мечи, чистил плавильную печь, к которой человек и приблизиться не мог… и не говорил ни единого слова. То есть, конечно, говорить он не умел, но у Диббука всегда был такой вид, как будто ему не очень-то и надо. Он просто работал, и все. Столько слов одновременно он не писал еще ни разу.

Эти слова дышали черной тоской. Они звучали бы как отчаянный крик — если бы тот, кто их писал, был бы способен его исторгнуть. Нет,

ну что за ерунда! Эти истуканы не способны на самоубийство.

— Хозяин! — позвал старший по цеху. — Так что, мне узнать насчет нового голема?

Рукисила отбросил табличку и с облегчением увидел, что она разбилась о стену.

— Не надо, — сказал он. — Просто прибери здесь все. И почините скорее этот проклятый молот.

Сержант Колон, совершив над собой недюжинное усилие, все-таки смог высунуть голову из сточной канавы.

— Ты… ты как там, ваше капральшество? — пробормотал он.

— Ох, не знаю, Фред. Чья это рожа?

— Моя, Шнобби.

— Слава богам! А я уж испугался, что моя.

Колон завалился обратно.

— Мы лежим в канаве, Шнобби, — простонал он. — В грязи. О-о-о…

— Все мы барахтаемся в грязи, Фред. Но иные из нас глядят на звезды…

— Не знаю, что до других, Шнобби, а я гляжу только на твою физиономию. Уж поверь, лучше бы это были звезды. Поднимайся давай…

После нескольких неудачных попыток они все-таки смогли принять вертикальное положение

— в основном благодаря тому, что хватались друг за друга.

— Где-де-де-де-де мы, Шнобби?

— Ну, из «Барабана» мы точно ушли… Что это за тряпка у меня на голове?

— Это туман, Шнобби.

— А что это за ноги там внизу?

— Думаю, это твои ноги. Мои при мне.

— Ладно. Ладно. Ох… Сержант, я, кажется, страшно напился.

— Напился по-королевски, да?

Шнобби осторожно ощупал свой шлем. Кто-то нацепил на него бумажную корону. Наконец поиски увенчались успехом: Шнобби нашарил за ухом окурок.

Они были на той неприятной стадии опьянения, когда, всласть повалявшись в канаве, уже чувствуешь, как к тебе неумолимо подступает трезвость, но ты до сих пор пьян, и это все только усугубляет.

— Сержант, как мы сюда попали?

Колон почесал было в затылке, но прервался, не выдержав грохота.

— Я думаю… — сказал он, перебирая лохмотья своей кратковременной памяти, — думаю… кажется, мы собирались штурмовать дворец и

требовать того, что принадлежит тебе по праву…

Шнобби поперхнулся и выплюнул окурок.

— Но мы же не стали этого делать, правда?

— Ты кричал, что обязательно надо туда пойти…

— О боги… — простонал Шнобби.

— Но, кажется, тебя в следующий миг вывернуло наизнанку.

— Ну хоть что-то хорошее.

— Вырвало тебя, правда, на Хапугу Хоскинса. Но он об кого-то споткнулся, когда пытался нам врезать.

Колон вдруг похлопал по карманам.

— И у меня все еще остались деньги из копилки, — сказал он. Тут очередное облачко воспоминаний заволокло сияющий небосвод забвения. — Где-то три пенса осталось…

От таких новостей Шнобби чуть не протрезвел.

— Три пенса?

— Ну слушай… когда ты начал заказывать всем дорогущее пойло за свой счет… в общем, у тебя не было денег, так что мне оставалось либо платить самому, либо… — Колон провел пальцем по горлу и прохрипел: — Кхххх!

— Ты хочешь сказать, что мы устроили в «Барабане» Счастливый Час?

— Не то чтобы счастливый и не то чтобы час, — с тоской в голосе проговорил Колон. — Скорее уж Сто Пятьдесят Минут Экстаза. Я даже не знал, что джин продается пинтами.

Шнобби попытался сфокусировать взгляд на тумане.

— Сержант, никто не пьет джин пинтами.

— Я тебе весь вечер это талдычил, а толку?

Шнобби втянул носом воздух.

— Мы где-то возле реки, — сказал он. — Я думаю, нам надо…

Неподалеку заревели. Низко и протяжно, как воет очень встревоженная серена. Такой рев можно услышать на скотном дворе в беспокойную ночь. Он все тянулся и тянулся, а потом оборвался так внезапно, что саму тишину застал врасплох.

— …убраться отсюда подобру-поздорову, — закончил Шнобби. Этот звук сделал то, чего можно было бы добиться разве что ледяным душем и двумя пинтами черного кофе.

Колон огляделся. Прямо сейчас он отчаянно нуждался в прачечной.

— Где это кричали? — спросил он.

— Вроде вон там, разве нет?

— Мне показалось, что *там*!

В тумане все направления были неотличимы

друг от друга.

— Думаю… — медленно произнес Колон, — думаю, что нам надо немедленно пойти и написать об этом рапорт.

— Согласен, — сказал Шнобби. — В какую сторону?

— Да неважно. Побежали отсюда, в общем.

Огромные заостренные уши констебля Водослея дрогнули, когда над городом прокатился рев. Он слегка наклонил голову, вычисляя, в какой стороне и как далеко находится его источник. А потом запомнил то, что слышал.

Рев донесся и до штаб-квартиры Стражи, хотя по пути частично увяз в тумане.

Он влился в настежь открытую голову голема Дорфла и заплясал там, эхом отражаясь от глиняных стенок, проникая в трещинки, пока крошечные, почти незаметные глазу крупинки не пришли в движение.

Пустые глазницы таращились в стену. Никто не услышал ответного вопля, который вырвался из мертвого черепа, потому что не было ни рта, способного его произвести, ни сознания, способного его породить. И все же в ночь унесся отчаянный крик:

ГЛИНА ОТ ГЛИНЫ МОЕЙ, НЕ УБИЙ! НЕ УМРИ!

Сэмюэлю Ваймсу снились улики.

Он скептически относился к уликам. Инстинктивно им не доверял. Улики только сбивали с мысли.

Не доверял он и людям, которые могли взглянуть на случайного прохожего и с важным видом заметить, обращаясь к своему спутнику: «Ах, мой дорогой друг, мне нечего сказать об этом господине, кроме того, что он каменщик, левша, несколько лет провел на торговом флоте, а теперь находится в стесненных обстоятельствах», а потом пуститься в высокомерные рассуждения о мозолях, походке и пыли на ботинках, в то время как совершенно не исключено, что прохожий одет в старую одежду, потому что возился на заднем дворе и собственными руками строил площадку для барбекю, татуировки он набил, потому что был семнадцатилетним и пьяным[15], и его укачивает даже на мокрой мостовой. Что за надменность! Что за презрение к человеческому опыту во всем его хаосе и многообразии!

С уликами та же история. Следы на клумбе? Их запросто мог оставить мойщик окон. Леденящий

---

[15] Примечания: 15

Очень часто это взаимозаменяемые термины.

душу крик среди ночи? Кто-то спустил ноги с кровати и напоролся на расческу.

Реальный мир слишком реален, чтобы заботливо разбрасывать подсказки. В нем слишком много всего происходит. Чтобы докопаться до истины, какой бы невероятной она ни была, недостаточно отбросить все невозможное; задача куда сложнее — отбросить все *возможное*. В этом и заключается работа стражника: набраться терпения, задавать вопросы и смотреть в оба. Ходить по улицам, разговаривать с людьми и в глубине души отчаянно надеяться, что преступник не выдержит и сам явится с повинной.

События минувшего дня теснились в голове у Ваймса. Тяжело топали големы, сумрачные и печальные. Отец Трубчек помахал ему, а потом у него взорвалась голова, и Ваймса обдало словами. Господин Хопкинсон лежал в собственной печи, и изо рта у него торчал кусочек гномьего хлеба. А големы все шли и шли в гробовом молчании. Шел и Дорфл, подволакивая ногу, и слова вились возле его распахнутой головы, как пчелиный рой. А посреди всего этого плясал мышьяк, маленький зеленый человечек, который что-то бормотал и противно хихикал.

В какой-то момент Ваймсу показалось, что один

из големов закричал.

После этого сон начал таять, слой за слоем. Големы. Печь. Слова. Священник. Дорфл. Големы идут, и весь сон сотрясается от грохота их шагов…

Ваймс открыл глаза.

— Взз-ффф, — сказала леди Сибилла и перевернулась на другой бок.

Кто-то барабанил в дверь. Ваймс, у которого в голове до сих пор стоял туман, приподнялся на локтях и вопросил в сумрак ночи:

— Сколько сейчас, по-вашему, времени?

— Дзинь-дзинь-дон! — раздался жизнерадостный голосок со стороны туалетного столика.

— Ох, только не это…

— В Анк-Морпорке пять часов, двадцать девять минут и тридцать одна секунда. Чужие деньги считать — не разбогатеть. Хотите, я прочитаю вам расписание на сегодня? А пока я это делаю, почему бы не потратить пару минут на то, чтобы заполнить документы?

— Что? Какие документы? Ты о чем вообще?

В дверь продолжали стучать.

Ваймс вывалился из кровати и зашарил по комнате в поисках спичек. Наконец ему удалось зажечь свечу, и он то ли сбежал, то ли скатился по длинной лестнице в холл.

Ночным гостем оказался констебль Посети.

— Сэр, с лордом Витинари беда! Ему совсем худо!

— За Джимми Пончиком уже послали?

— Так точно, сэр!

На улице туман держал героическую оборону против рассвета, и казалось, что весь город поместили в шарик для пинг-понга.

— Я к нему заглянул сразу же, как заступил на смену, смотрю — а он лежит в отключке!

— Может, он просто спал?

— На полу, сэр? В одежде?

К тому времени, когда Ваймс, запыхавшийся и с отчаянно ноющими коленями, ввалился в комнату к патрицию, стражники уже уложили его на кровать. «Да уж, — думал Ваймс, взбираясь по лестнице, — это не то что в славные времена патрульной службы. Тогда мы с бандитами могли полгорода пробежать в горячке погони».

И добавил про себя со смесью гордости и стыда:

«И ведь ни один шельмец так меня и не догнал».

Патриций еще дышал, но лицо у него было такого цвета, что, казалось, сейчас даже смерть пойдет ему на пользу.

Ваймс оглядел комнату. В воздухе висела знакомая дымка.

— Кто открыл окно? — строго спросил он.

— Я, сэр, — ответил констебль Посети. — Перед тем как за вами отправиться. Подумал, что ему нужен свежий воздух…

— Он был бы свежее, если бы ты оставил окно закрытым, — сказал Ваймс. — Так, ладно. Пусть все — все до единого, ясно? — кто сегодня был во дворце, через две минуты соберутся в зале. И сбегайте за капралом Задранцем. И капитану Моркоу сообщите.

«Я встревожен и растерян, — подумал он. — А в такой ситуации главное — встревожить всех остальных».

Он принялся расхаживать по комнате. Не нужно было большого ума, чтобы догадаться: Витинари встал и направился к письменному столу, за которым, судя по всему, какое-то время работал. Свеча на столе догорела. Чернильница перевернулась — видимо, он ее задел, когда рухнул со стула.

Ваймс макнул палец в чернила и понюхал. Потянулся к перу, заколебался, достал кинжал и осторожно подцепил перо лезвием. Никаких подозрительных зазубрин не было видно, но

Ваймс аккуратно отложил перо в сторону. Пусть Задранец изучит.

Он взглянул на бумаги, лежавшие на столе у патриция.

К удивлению Ваймса, он увидел не строчки текста, а тщательно выполненный рисунок. На нем был изображен шагающий человек, составленный из множества маленьких шагающих фигурок. В итоге получалось что-то вроде соломенного чучела — такие каждый год плетут дикие племена, живущие возле Пупа, когда празднуют единение с природой и во имя торжества жизни сжигают эту самую жизнь на костре.

На голове у составного человечка была корона.

Ваймс отложил лист и сосредоточился на столешнице. Он осторожно провел по ней рукой — быть может, Витинари занозился? Потом присел на корточки и осмотрел стол снизу.

Снаружи мало-помалу светало. Ваймс зашел в обе комнаты по соседству и убедился, что там отдернуты шторы, потом вернулся в комнату Витинари, задвинул шторы, закрыл дверь и боком пошел вдоль стен, высматривая проблески света, которые могли бы указать на украдкой проверченную дырочку.

Что еще? Отравленная щепка в половице? Ядо-

витые дротики сквозь замочную скважину?

Он снова раздвинул шторы.

Вчера Витинари пошел на поправку. А сегодня выглядел хуже прежнего. Кто-то добрался до него ночью. Но как? Медленнодействующий яд — очень хитрое орудие убийства. Если хочешь кого-то отравить, надо найти способ давать ему дозу каждый день.

Да нет, не надо, вдруг понял Ваймс. *Куда изящнее найти способ, чтобы жертва каждый день принимала яд* сама.

Ваймс порылся в бумагах. Витинари явно полегчало, раз он встал и дошел до стола, но именно здесь он снова потерял сознание.

Мазать ядом щепку или гвоздь нет смысла. Он же не будет напарываться на них снова и снова…

Из-под горы бумаг выглядывала книга. Из нее торчало множество закладок, в основном из обрывков старых писем.

Есть что-то, что он делает каждый день?

Ваймс открыл книгу. Каждая страница была испещрена рукописными символами.

Мышьяк должен как-то попасть в организм. Дотронуться до него недостаточно. Или достаточно? Бывает такой мышьяк, который проникает через кожу?

Внутрь точно никто не входил. Ваймс был в этом почти уверен. С едой и питьем, скорее всего, тоже все было в порядке, но пускай Детрит еще раз сходит на кухню и побеседует с поварами, у него это хорошо получается.

Может быть, он вдохнул яд? Но как можно день за днем поставлять в комнату новые порции отравы, не вызывая подозрений?

Может, яд уже был в комнате? По распоряжению Шельмы тут постелили новый ковер и поставили новую кровать. Что еще можно было предпринять? Содрать краску с потолка?

Витинари что-то говорил Шельме про яды. «Надо поместить его туда, куда вообще никто не посмотрит…»

Ваймс осознал, что все еще смотрит на книгу. Смысл этих символов был для него загадкой. Наверное, какой-то код. Зная Витинари, можно не надеяться, что кому-то в здравом уме удастся его разгадать.

А книгу можно отравить? Но… зачем? В кабинете много книг. Надо было заранее знать, что он будет снова и снова открывать именно эту. И позаботиться о том, чтобы он каждый раз получал новую дозу яда. Если однажды уколоть палец, впредь будешь осторожнее.

Мнительность Ваймса даже его самого иногда тревожила. Вот он уже размышляет, можно ли отравить человека словами. Что дальше — обвинять обои в том, что они сводят людей с ума? Хотя от этого жуткого зеленого цвета у кого угодно крыша поедет…

— Динь-дон, дзынь-подзынь!

— О нет…

— Это ваш будильник на шесть часов! Доброе утро! Вот список ваших дел на сегодня, впишите сюда имя! Десять утра…

— А ну тихо! Слушай, что бы ни было записано у меня в дневнике, это определенно…

Ваймс осекся и опустил шкатулку.

Он вернулся к столу. Допустим, по странице в день…

У лорда Витинари была отличная память. Но заметки все делают, верно? Невозможно держать в голове каждую мелочь. Среда, три часа: вселять ужас, три пятнадцать: расчистить яму со скорпионами…

Он поднес к губам органайзер и сказал:

— Сделай заметку.

— Ура! Конечно, диктуйте. Только не забудьте сказать «заметка»!

— Поговорить с… ах ты ж… Заметка: подумать

про дневник Витинари.

— Это все?

— Да.

Кто-то вежливо постучал в дверь. Ваймс осторожно ее открыл.

— А, это ты, Задранец.

Ваймс заморгал. С гномом что-то было не так.

— Я сейчас смешаю лекарство, которое выписал господин Пончик, сэр. — Взгляд гнома упал на кровать. — О-о-о… Ему, кажется, нездоровится…

— Пусть его перенесут в другую спальню, — сказал Ваймс. — Скажи слугам, чтобы приготовили комнату, хорошо?

— Да, сэр.

— А когда они это сделают, выбери наугад любую другую комнату и перемести его туда. И замени там все, ясно? Каждый стул, каждую вазу, каждый коврик…

— Э… да, сэр.

Ваймс помедлил. Он вдруг понял, что не давало ему покоя последние двадцать секунд.

— Задранец…

— Да, сэр?

— У тебя… э-э-э… в ушах…

— Это серьги, сэр, — голос Шельмы зазвенел от напряжения. — Мне их дала констебль Ангва.

— Да? А. Ну ладно. Я просто… не знал, что гномы носят украшения.

— Мы славимся своими кольцами, сэр.

— Да, конечно.

Кольцами — бесспорно. Хочешь выковать волшебное кольцо — позови гнома. Но… волшебные серьги? Ох, ладно. В некоторые дебри лучше не лезть.

Сержант Детрит был прирожденным стражником. Он выстроил перед собой всю дворцовую прислугу и орал на них во всю глотку.

«Видел бы сейчас кто-нибудь нашего Детрита, — думал Ваймс, спускаясь по лестнице. — Несколько лет назад — обычный тупоголовый тролль, сейчас — ценный сотрудник Стражи. Главное — убедиться, что он понял приказ с первого раза. Броня сияет еще ярче, чем у Моркоу, потому что Детриту не надоедает ее полировать. И он в совершенстве научился поддерживать порядок теми методами, которыми действуют почти все на свете, кто облечен властью: кричит на людей, пока те во всем не признаются. Он до сих пор не затиранил весь город только потому, что его очень легко сбить с толку. Конечно, для этого нужно проявить недюжинную хитрость и коварство. Например, можно все отрицать».

— Я знаю, что вы все ета сделали! — орал Детрит. — Если тот, кто ета сделал, тут же всех не сдаст, мы вас всех запрем в тюрьме, а ключ выбросим! — Он указал на пухленькую судомойку. — Ета ты сделала! Признавайся!

— Нет.

Детрит немного помолчал.

— Где ты была ентой ночью? Признавайся!

— В постели, где же еще?

— Красиво врешь! Ты каждую ночь тама? Признавайся!

— Конечно.

— А свидетели есть?

— Ах ты нахал!

— Ага! Нет свидетелей, значит, ета ты сделала! Признавайся!

— Нет!

— Ох…

— Ладно, ладно. Спасибо, сержант. На сегодня хватит, — сказал Ваймс и похлопал его по плечу. — Здесь вся прислуга собралась?

Детрит обвел глазами шеренги.

— Ну? Вы все тута?

В строю замялись и зашаркали, а потом кто-то неуверенно поднял руку.

— Милдред Ветерок, горничной, со вчерашнего

дня не видно, — сказал этот смельчак. — К ней прибежал мальчишка с запиской, и ей пришлось срочно отправиться к родным.

По спине у Ваймса пробежал едва уловимый холодок.

— Что у них там стряслось? — спросил он.

— Не знаю, сэр. Все вещи она тут оставила.

— Ясно. Сержант, прежде чем уйдешь со смены, пошли за ней кого-нибудь. И ступай-ка отдохни. Все остальные — идите занимайтесь тем, чем вы там обычно занимаетесь. Ах да… господин Стукпостук!

Личный секретарь патриция, с ужасом наблюдавший за допросом в исполнении Детрита, поднял голову.

— Да, командор?

— Что это за книга? Дневник его сиятельства?

Стукпостук взял книгу.

— Да, похоже на то.

— Вам случайно не удалось разгадать шифр?

— А дневник зашифрован? Я не знал.

— Как так? Вы что же, никогда его не открывали?

— Но зачем, сэр? Это же не мой дневник.

— Вам известно, что ваш предшественник пытался убить патриция?

— Да, сэр. Вынужден заметить, сэр, что ваши люди меня уже допрашивали, и довольно усердно. — Он открыл дневник и приподнял брови.

— А что именно они спрашивали? — поинтересовался Ваймс.

Стукпостук в задумчивости посмотрел вверх.

— Дайте-ка вспомнить… «Ета ты сделал, признавайся, все тебя видели, все говорят, что ета ты, ета же ты был, ну давай, признавайся уже». Примерно в таком ключе. А потом я сказал, что это не я, и, похоже, немало этим озадачил офицера.

Стукпостук аккуратно лизнул палец и перевернул страницу.

Ваймс уставился на него во все глаза.

В утреннем воздухе звонко жужжали пилы. Капитан Моркоу постучал в ворота лесопилки, и спустя какое-то время они отворились.

— Доброе утро, сэр! — поздоровался Моркоу. — Я так понимаю, у вас тут есть голем?

— Был, — ответил торговец деревом.

— О боги, еще один! — сказала Ангва.

Это был уже четвертый. Голем в кузнице положил голову на наковальню, от голема, что служил у каменотеса, осталось только десять глиняных пальцев, торчащих из-под двухтонной глыбы известняка, голема из доков последний раз видели

в реке — он шагал к морю, а теперь этот…

— Не знаю, что на него нашло, — сказал торговец и стукнул голема кулаком в грудь. — Сидни говорит, он стоял себе спокойно и пилил бревна, а потом вдруг отпилил себе голову. От меня сегодня ждут большую партию ясеня. И кто его распилит, спрашивается?

Ангва подняла с земли голову голема. Если на его лице и можно было прочитать какое-то выражение, то это была напряженная сосредоточенность.

— Слушайте, — продолжил торговец, — а мне тут Альф сказал, что в «Залатанном барабане» накануне поговаривали, будто големы людей убивать начали…

— Мы ведем следствие, — сказал Моркоу. — А теперь, господин… Древ Глотт, верно? Ваш брат торгует лампадным маслом на Цепной улице? А дочка служит горничной в Университете?

Торговец в изумлении на него воззрился. Моркоу и правда знал всех в городе.

— Ага…

— Ваш голем вчера вечером куда-нибудь отлучался?

— Да, было дело… Сказал, что у него святой день или вроде того. — Он тревожно перевел взгляд с

Моркоу на Ангву. — Приходится их отпускать, а не то слова у них в голове…

— А потом он вернулся и всю ночь работал?

— Ага. Что же ему еще делать? А утром Альф заступил на смену и увидел, как тот отошел от бревна, постоял немного, а потом…

— А он вчера пилил сосновые бревна? — спросила Ангва.

— Было дело. Где мне теперь, спрашивается, взять нового голема, чтобы не ждать целую вечность?

— Что это? — спросила Ангва и подняла из горы опилок какую-то дощечку. — Это его табличка для письма, да?

— «Не убий», — медленно прочитал Моркоу. — «Глина от глины моей. Позор». Как думаете, почему он это написал?

— Да чтоб я знал, — сказал Глотт. — Они всегда какую-то ерунду творят. — Он вдруг слегка просветлел. — Слушайте, а может, у него черепок треснул? Ну понимаете, да? Череп… черепок?

— Очень смешно, — мрачно произнес Моркоу. — Это я возьму с собой как вещественное доказательство. Доброго утра вам.

Выйдя наружу, он спросил у Ангвы:

— А почему ты заговорила про сосновые брев-

на?

— Там, в подвале, пахло сосновой смолой, прямо как тут.

— Но смола — она же вся пахнет одинаково.

— Нет. Только не для меня. Этот голем тоже был в том подвале.

— Как и все остальные, — вздохнул Моркоу. — А теперь они кончают с жизнью.

— Нельзя кончить с тем, чего нет, — сказала Ангва.

— И как нам тогда это называть? «Порча имущества»? — отозвался Моркоу. — Как бы то ни было, их уже не расспросишь…

Он постучал по табличке.

— Впрочем, ответы у нас есть, — сказал он. — Осталось узнать вопросы.

— В смысле «ничего»? — спросил Ваймс. — Яд в дневнике, я уверен! Патриций лижет пальцы, чтобы перевернуть страницу, и каждый день получает небольшую дозу мышьяка! Чертовски коварный план!

— Простите, сэр, — сказала Шельма отступая на шаг. — Мне не удалось найти никаких следов мышьяка. Ни единый метод его не выявляет.

— Это точно?

— Могу еще отправить дневник в Незримый

Университет. Там на факультете высокоэнергетической магии построили новый морфический резонатор, и с его помощью можно без труда…

— Не надо, — сказал Ваймс. — Еще волшебников не хватало сюда впутывать. Проклятье! Добрых полчаса я был уверен, что все разгадал…

Он уселся за стол. С гномом опять было что-то не так, на этот раз что-то новое, и опять Ваймс никак не мог уловить, что именно.

— Мы что-то упускаем, Задранец, — сказал он.

— Да, сэр.

— Давай мыслить логически. Если твоя цель — медленно кого-то травить, надо регулярно давать ему небольшие дозы яда, по меньшей мере каждый день. Мы изучили все, что делает патриций. В воздухе яда быть не может: мы с тобой каждый день заходим в его комнату. В еде тоже, мы в этом уже убедились. Может, его кто-то жалит? Можно отравить осу? Нам надо…

— Простите, сэр.

Ваймс обернулся.

— Детрит? Я думал, у тебя кончилось дежурство.

— Я им сказал, чтобы дали мне адрес ентой горничной, которая Ветерок, — стоически ответил Детрит. — Я туда пошел, а тама под дверью куча

народу стоит.

— В смысле?

— Соседи и все такое. И женщины плачут. Я тогда вспомнил, как вы меня учили ентой… как ее… ломатии…

— Дипломатии, — сказал Ваймс.

— Ага. Не кричать на людей и всякое такое. Я смекнул, что тама ситуация деликатная. Да к тому же они в меня начали кидаться всякими штуками. Так что я вернулся сюда. Но адрес записал, вот. Ну все, я домой. — Он отдал честь, от души треснув себя по лбу, и удалился.

— Спасибо, Детрит, — сказал Ваймс. Он посмотрел на листок бумаги, исписанный крупными округлыми буквами.

— Первый этаж, Заводильная улица, двадцать семь, — прочитал он. — Ну и дела!

— Вы знаете этот дом, сэр?

— Наверняка. Я же на этой улице родился, — сказал Ваймс. — Она сразу за Тенями. Ветерок… Ветерок… Да, теперь припоминаю. Жила на нашей улице такая женщина. Тощая была. Все время что-то шила. Из большой семьи. Правда, у нас у всех семьи были большие, иначе не согреешься…

Он нахмурился, глядя на листок. Многообеща-

ющей зацепкой это не назовешь. Горничные все время наведывались к матерям, как только дома что-то не ладилось. Как там говорила его бабушка? «Сына рожаешь для его жены, а дочку — для себя». Послав туда стражника, только время зря потратишь…

— Так-так-так… Заводильная улица, значит, — сказал он. С тем же успехом она могла бы называться Закоулком памяти. Нет, конечно, нельзя разбазаривать ресурсы Стражи и отправлять людей по ложному следу. Но он сам, может, и заглянет. Если будет проходить мимо. Сегодня, например.

— Э… Задранец?

— Да, сэр?

— У тебя… у тебя что-то на губах. Красное такое.

— Это помада, сэр.

— А. Хм. Помада? Ну хорошо. Помада так помада.

— Мне ее дала констебль Ангва, сэр.

— Очень мило с ее стороны, — сказал Ваймс. — Наверное.

Зал называли Крысиным. Возможно, из-за убранства: кто-то из бывших обитателей дворца решил, что фреска с танцующими крысами по-

служит для него отличным украшением. На ковре был выткан крысиный орнамент. На потолке крысы водили хоровод, и их хвосты сплетались посередине. Большинство людей, просидев полчаса в этом зале, испытывали неистребимое желание помыться.

Судя по тому, как быстро он сейчас наполнялся, городу вскоре грозили перебои с горячей водой.

С общего согласия кресло председателя заняла — и заполнила его почти без остатка — госпожа Розмари Лада, глава Гильдии Белошвеек[16], одна из самых почтенных лидеров гильдий.

— Господа, пожалуйста, тише!

Уровень шума понизился на несколько делений.

— Доктор Низз? — сказала она.

Глава Гильдии Убийц кивнул.

— Друзья, думаю, все здесь отлично осведомлены о произошедшем… — начал он.

— Особенно ваш счетовод! — выкрикнул кто-то.

По залу прокатился нервный смех, но быстро угас, потому что не стоит слишком громко смеяться над тем, кому известна точная цена за твою

---

[16] Примечания: 16

Конечно, это название было эвфемизмом. Обычно о ней говорили: «Гильдия, кхм-кхм, Белошвеек».

голову.

Доктор Низз улыбнулся.

— Я вновь вас уверяю, господа — и дамы, — что к нам никто не обращался с заказом на лорда Витинари. Так или иначе, я не могу вообразить, чтобы кто-то из членов гильдии прибегнул в этом случае к яду. Его сиятельство в свое время проходил у нас обучение. Безопасность для него не пустой звук. Не сомневаюсь, что он пойдет на поправку.

— А если нет? — спросила госпожа Лада.

— Никто не вечен, — сказал доктор Низз уверенным тоном человека, который не раз убеждался в этом на практике. — Тогда у нас, без сомнения, будет новый правитель.

В зале стало очень тихо.

Невысказанный вопрос «кто?» повис у каждого над головой.

— Дело в том… дело в том… — заговорил Герхардт Крюк, глава Гильдии Мясников, — что он… согласитесь… он… ну, вспомните тех, что были до него…

В коллективном сознании мелькнула мысль: «Взять хоть лорда Капканса… этот, по крайней мере, не вконец чокнутый».

— Не могу не признать, — сказала госпожа

Лада, — что при Витинари ходить по улицам определенно стало спокойнее…

— Уж вам ли не знать, мадам, — хмыкнул господин Крюк. Госпожа Лада смерила его ледяным взглядом. Послышались смешки.

— Я хочу сказать, что достаточно сделать скромный взнос в Гильдию Воров — и можно не беспокоиться о своей безопасности, — закончила она.

— Да и к тому же можно сходить в бор…

— В салон возмездного гостеприимства, — поправила госпожа Лада.

— Совершенно верно, и не бояться, что выйдешь оттуда догола раздетым и дочерна избитым, — сказал Крюк.

— Если только на это не будет отдельного запроса, — подтвердила госпожа Лада. — Наша цель — удовлетворять все потребности. Даже самые нетривиальные.

— При Витинари жизнь явно стала стабильнее, — заметил господин Горшок из Гильдии Пекарей.

— А еще он распорядился швырнуть всех мимов и уличных артистов в яму со скорпионами, — добавил господин Боггис из Гильдии Воров.

— Совершенно верно. Но давайте не забывать,

что у него есть и недостатки. Например, своенравие.

— Думаете? На фоне предшественников он прямо-таки образец последовательности.

— Капканс тоже был последователен, — мрачно сказал господин Крюк. — Помните, как он взял в советники своего коня?

— Но, кстати, из него вышел не такой уж плохой советник. По сравнению с некоторыми другими.

— Другими советниками, насколько я помню, в то время были ваза с цветами, мешок с песком и трое обезглавленных людей.

— А помните бесконечные потасовки между уличными бандами? Они столько сил на это тратили, что на грабеж уже не оставалось, — сказал господин Боггис.

— Сейчас жизнь и вправду… стабильнее.

Снова повисла тишина. И не поспоришь: жизнь стала стабильнее. Что бы ни говорили про Витинари, он следил за тем, чтобы сегодняшний день непременно сменялся завтрашним. Если кого-то и убивали в собственной постели, это, по крайней мере, было официально оформлено.

Кто-то отважился заметить:

— Что ни говори, а при лорде Капкансе жилось повеселее.

— Да, пока у тебя голова не падала с плеч.

— Проблема в том, — сказал господин Боггис, — что от этой должности у всякого поедет крыша. Поставьте на нее самого обычного человека, не хуже любого из нас, — и через несколько месяцев он начнет разговаривать со стенами и живьем сдирать с людей кожу.

— Но Витинари не безумец.

— Это уж как посмотреть. Никто не может сохранять такую ясность мысли, будучи в своем уме.

— Я просто слабая женщина, — сказала госпожа Лада, удивив этим заявлением многих присутствующих, — но мне кажется, что перед нами открылась редкая возможность. Или за кресло патриция начнется долгая борьба, или мы прямо сейчас выберем, кто в него сядет. Что скажете?

Главы гильдий покосились друг на друга, в то же время стараясь не встречаться взглядами. Кто теперь станет патрицием? Когда-то вокруг этого вопроса развернулся бы затяжной многосторонний конфликт, но теперь…

К власти прилагались и проблемы. Времена изменились. Теперь нужно было вступать в переговоры с самыми разными силами и балансировать на стыке их интересов. На патриция

уже годами не покушался никто, в ком была хоть капля здравого смысла: мир с Витинари казался куда предпочтительнее, чем мир без него.

К тому же… Витинари приручил Анк-Морпорк. Приручил, как собаку. Он взял жалкого щенка, вырастил его мощным и зубастым, надел на него ошейник с шипами, накормил отборной говядиной, а потом сказал: «Фас!», и пес вцепился в горло всему миру. Витинари показал разрозненным группкам, грызущимся между собой, что лучше довольствоваться небольшим куском пирога, зато каждый день, чем крупным, из которого торчит кинжал. Что лучше маленький кусок от большого пирога, чем большой от маленького.

Анк-Морпорк, единственный из всех городов на равнинах, распахнул ворота для гномов и троллей (сплавы прочнее, чем чистые металлы, сказал Витинари). И это себя оправдало. От них было немало бед, но пользы еще больше. И теперь, хотя у Анк-Морпорка по-прежнему были враги, для оснащения своих армий им приходилось занимать деньги. В основном они занимали деньги у Анк-Морпорка — под огромные проценты. По-настоящему крупных войн не было уже много лет. Анк-Морпорк сделал их невыгодными.

Несколько тысячелетий назад старая империя

установила Анк-Морпоркский мир, во всеуслышание заявив: «Пойдете на нас войной — мы вас убьем». Сейчас Анк-Морпорк снова укрепил свою власть на Диске, но на этот раз он заявлял каждому, кто на нее покушался: «Пойдешь на меня войной — потребую выплат по кредитам. И, кстати, пика, которой ты в меня тычешь, принадлежит мне. И за щит этот платил я. И сними мой шлем, когда разговариваешь со мной, жалкий заемщик!»

А теперь этот механизм, много лет работавший тихо и слаженно — все даже забыли, что это механизм, и думали, будто мир просто-напросто так устроен, — вдруг забарахлил.

Главы гильдий все обдумали и решили, что на самом деле не хотят власти. А хотят они того, чтобы завтра было примерно таким же, как сегодня.

— Еще ведь и гномы есть, — сказал господин Боггинс. — Даже если кто-то из нас — я, естественно, не говорю, что это непременно должен быть кто-то из нас — возьмет власть в свои руки, что насчет гномов? Если патрицием станет кто-то вроде Капканса, они пойдут рубить ноги направо и налево.

— Вы же не предлагаете, чтобы мы провели… голосование? Устроили что-то вроде конкурса?

— Нет, конечно. Просто… просто… сейчас все куда сложнее. А власть кружит людям голову.

— И потом другие головы летят с плеч.

— Кто там постоянно говорит про отрубленные головы? Хватит, — сказала госпожа Лада. — Вас обезглавили, что ли, что вы заладили об этом?

— Э-э-э…

— Ох, это вы, господин Кривс. Мои извинения.

— Как президент Гильдии Законников, — сказал господин Кривс, самый уважаемый зомби во всем Анк-Морпорке, — я бы упирал на то, что наша главная цель — сохранить стабильность. Могу ли я дать вам совет?

— А во сколько нам это обойдется? — спросил господин Крюк.

— Залог стабильности — монархия, — изрек господин Кривс.

— Вот только не надо…

— Посмотрите на Клатч, — гнул свою линию господин Кривс, — с его династией серифов. Образец политической стабильности. Или возьмите Псевдополис. Или Сто Лат. Или даже Агатовую империю…

— Ну бросьте, — прервал его доктор Низз. — Всем известно, что короли…

— О, монархи приходят и уходят, свергают

друг друга и так далее и тому подобное, — сказал господин Кривс. — Но сам институт монархии неколебим. К тому же, думаю, нам с королем удастся прийти к некоему… соглашению.

Он почувствовал, что завладел всеобщим вниманием, и непроизвольно коснулся шва, крепящего голову к телу. Много лет назад господин Кривс наотрез отказался умирать, пока ему не выплатят гонорар за представление самого себя в суде.

— О чем это вы? — спросил господин Горшок.

— Если я не ошибаюсь, вопрос о восстановлении Анк-Морпоркской королевской династии поднимался уже не раз, — сказал господин Кривс.

— Да. Всякими безумцами, — возразил господин Боггис. — Это один из признаков сумасшествия. Натягиваешь на голову трусы, разговариваешь с деревьями, пускаешь слюни, решаешь, что Анк-Морпорку нужен король…

— Именно. Но что, если этот вопрос обдумают здравомыслящие люди?

— Продолжайте, — сказал доктор Низз.

— Прецеденты уже были, — сказал господин Кривс. — За неимением подходящего претендента на трон такого претендента… находили.

Короновали подходящего отпрыска другого монаршего рода. В конце концов, нам просто нужен кто-то, гм, знающий, что к чему.

— Я прошу прощения, вы предлагаете начать поиски короля? — спросил господин Боггис. — Вывесить объявление? «Вакантный трон, претендентам иметь при себе корону»?

— Фактически, — продолжил господин Кривс, не обращая на него внимания, — насколько я припоминаю, во времена Первой империи Орлея обратилась к Анк-Морпорку, чтобы один из наших генералов занял ее престол, поскольку их собственные королевские дома пали жертвой близкородственных браков — настолько близкородственных, что последний король пытался произвести наследников от себя самого. Исторические трактаты гласят, что мы отправили туда генерала Тактикуса, нашего верного полководца, который сразу же после коронации объявил войну Анк-Морпорку. Среди королей нет… незаменимых.

— Вы говорили, что мы с ним можем прийти к соглашению, — заметил господин Боггис. — Хотите сказать, мы будем диктовать королю, что делать?

— Мне нравится, как это звучит, — сказала

госпожа Лада.

— Мне и смысл нравится, — добавил господин Низз.

— Не то чтобы диктовать, — сказал господин Кривс. — Мы будем… договариваться. Само собой, король в первую очередь будет заниматься тем, что традиционно положено ему по статусу…

— Приветствовать подданных, — сказал господин Крюк.

— Лучезарно улыбаться, — сказала госпожа Лада.

— Принимать послов из других стран, — сказал господин Горшок.

— Пожимать руки.

— Рубить головы…

— Нет! Нет. Нет, это в его обязанности входить не будет. О мелких государственных делах позаботятся…

— Его советники? — спросил доктор Низз и откинулся на спинку кресла. — Я отлично понимаю, куда вы клоните, господин Кривс. Но стоит усадить короля на трон, и от него уже не избавишься. Законными методами.

— Такие прецеденты тоже были, — сказал господин Кривс.

Глава Гильдии Убийц сощурился.

— Удивительно, господин Кривс, что стоило лорду Витинари тяжело заболеть — и вы выступаете с такими предложениями. Просто… невероятное совпадение.

— Уверяю вас, в этом нет ничего загадочного. Таков уж промысел судьбы. Полагаю, до многих из вас доходили слухи, что здесь, в этом городе, есть человек, чью родословную можно отследить вплоть до последней королевской семьи? Кто-то, кто занимает в нашем обществе весьма скромное положение? Если точнее — трудится в Городской Страже?

Последовало несколько кивков, но не очень уверенных. Им до обычных кивков было так же далеко, как невнятному мычанию — до утвердительного ответа. Все гильдии были охочи до информации. Но никто не хотел показать, что осведомлен лучше — или хуже — других, чтобы не оказалось, что он знает слишком мало или, хуже того, слишком много.

Как бы то ни было, Док Псевдополис из Гильдии Азартных игроков заметил с бесстрастностью профессионального шулера:

— Учтите, что на носу трехсотлетний юбилей победы. А через несколько лет наступит Век Крысы. На рубеже веков людям неспокойно. Всех как

будто лихорадит.

— Так или иначе, этот человек существует, — сказал господин Кривс. — Свидетельства найти несложно, если знать, где искать.

— Ну хорошо, — сказал господин Боггис. — Скажите же нам, как зовут этого капитана.

В покер он играл довольно посредственно.

— Капитана? — переспросил господин Кривс. — К моему сожалению, его природные задатки пока что не позволили ему добраться до этой вершины. Он капрал. Капрал С. У. С-Дж. Шноббс.

Воцарилось молчание.

А потом послышался странный булькающий звук, как будто вода пытается проложить себе путь сквозь засорившуюся трубу.

Королева Молли из Гильдии Попрошаек все это время сидела молча и лишь изредка причмокивала, пытаясь выковырять из зубов кусочек завтрака, — по крайней мере, раз эти штуки находились у нее во рту и кое-как там держались, формально их можно было назвать зубами.

Теперь она смеялась. Волоски на каждой ее бородавке так и тряслись.

— Шнобби Шноббс? — спросила она. — Вы что это, про Шнобби?

— Он последний известный потомок графа

Анкского, а тот мог проследить свою родословную вплоть до троюродного брата последнего короля, — сказал господин Кривс. — Об этом весь город говорит.

— Кажется, что-то припоминаю, — протянул доктор Низз. — Он такой низкорослый, похож на мартышку, вечно смолит какие-то бычки. И весь в прыщах. Давит их прямо на публике.

— Да, это он и есть! — Королева Молли фыркнула. — У него на лице шрамов больше, чем на пальце у слепого столяра!

— Шнобби? Да он же просто ничтожество!

— И туп как пробка, — сказал господин Боггинс. — Даже не представляю…

Вдруг замолк и прислушался к задумчивой тишине над столом.

— Не представляю… почему бы нам… это хорошенько не обдумать, — закончил он.

Собравшиеся главы гильдий посмотрели на стол. Потом на потолок. Потом старательно отвели взгляд друг от друга.

— Все-таки кровь дает о себе знать, — сказал господин Мастерс.

— Я всякий раз, как встречу его на улице, думаю: «До чего же величественная походка»! — сказала госпожа Лада.

— И прыщи он давит с большим достоинством. По-королевски.

Собравшиеся снова замолчали. Но на этот раз их молчание было деятельным, как преисполненная кипучей жизни тишина муравейника.

— Вынуждена вам напомнить, дамы и господа, что бедный лорд Витинари до сих пор жив, — сказала госпожа Лада.

— Конечно, жив, — сказал господин Кривс. — Долгих ему лет. Я просто сообщил вам о возможности, которой мы сможем воспользоваться в тот день — вероятно, очень неблизкий, — когда придется задуматься о… преемнике.

— Как бы то ни было, — молвил доктор Низз, — нет никаких сомнений, что Витинари себя не щадит. Если он выживет — на что мы, конечно, возлагаем большие надежды, — полагаю, мы должны потребовать, чтобы он пожалел свое здоровье и сложил с себя полномочия. «Молодец! Ты хороший и верный слуга!», и все в таком духе. Купим ему прелестный домик за городом. Назначим пенсию. Проследим за тем, чтобы на всех приемах ему выделяли почетное место. Теперь, когда выяснилось, что его так легко отравить, он, несомненно, должен радостно сбросить с себя оковы правления…

— А что насчет волшебников? — спросил Боггис.

— Они никогда не вмешиваются в мирские дела, — сказал доктор Низз. — Обеспечьте их мясом на завтрак, обед и ужин да приподнимайте перед ними шляпу — и они будут довольны. Им дела нет до политики.

Повисшую тишину прорезал голос Королевы Молли:

— А насчет Ваймса?

Доктор Низз пожал плечами.

— Он служит городу.

— Вот именно.

— А разве город — это не мы?

— Ха! Он так не считает. И вы сами знаете, какого Ваймс мнения о королях. Последнему из них срубил голову именно его предок. Ваймсы убеждены, что взмахом топора можно все решить, это у них в крови.

— Слушайте, Молли, Ваймс и к Витинари заявился бы с топором, если бы думал, что ему это сойдет с рук. Вряд ли он питает особую симпатию к патрицию.

— Ему все это не понравится. Вот и все, что я хочу сказать. Сейчас Ваймс все время на взводе. Как знать, что случится, если Витинари решит

спустить курок…

— Ваймс — слуга общества! — отрезал доктор Низз.

Королева Молли скривилась (с ее лицом, от природы перекошенным, это было несложно) и откинулась в кресле.

— Так что, такие у нас теперь порядки? — пробормотала она. — Самые обычные люди садятся вокруг стола, беседуют, и вдруг мир ни с того ни с сего переворачивается вверх дном? Овца восстаёт против пастуха?

— Сегодня у леди Силачии званый ужин, — сказал доктор Низз, не обращая внимания на ее слова. — Думаю, Шноббс приглашен. Возможно, удастся с ним… познакомиться.

Ваймс убеждал себя, что ему необходимо наведаться в новую штаб-квартиру Стражи на Тряпичной улице и узнать, как там идут дела. А раз уж Заводильная улица от нее за углом, он и туда заглянет — с неформальным визитом. Не стоит отрывать стражников от службы: у них с этими убийствами, и патрицием, и священной войной Детрита против Шлака и так голова кругом.

Он завернул за угол и остановился.

Тут почти все было как раньше. И это его поразило. После стольких лет… ох, сколько же их

прошло… все просто обязано было измениться.

Но между ветхими серыми домишками были по-прежнему натянуты бельевые веревки. И краска по-прежнему отслаивалась со стен — что и неудивительно для дешевой краски, нанесенной на старое гнилое дерево. Обитатели Заводильной улицы, как правило, были слишком бедны, чтобы покупать приличную краску для стен, но слишком горды, чтобы их белить.

Разве что это место оказалось чуть меньше, чем ему помнилось. Вот и вся разница.

Когда он был тут последний раз? Он уже и забыл. До недавних пор Стража предпочитала не соваться за Тени, оставляя за жителями право самим устанавливать себе законы.

Правда, в отличие от Теней, Заводильная улица сияла чистотой — мертвой выхолощенной чистотой, характерной для тех мест, где разбрасывать мусор слишком расточительно. И хуже было то, что люди здесь даже не осознавали, насколько они бедны. На вопрос о достатке они ответили бы что-то вроде «спасибо, не жалуемся», или «бывает и хуже», или «кое-как перебиваемся, зато никому ничего не должны».

Ваймс припомнил слова бабушки: «Не бывает такого, чтобы кому-то не хватало на мыло». Та-

кое, конечно, случалось сплошь и рядом, в том числе и на Заводильной улице, — и тем не менее без мыла не обходился никто. На стол частенько было нечего поставить, зато его всегда тщательно протирали. Люди на Заводильной улице были сыты одной гордостью.

В этом мире все вверх дном, подумал Ваймс. Констебль Посети как-то сказал, что кроткие наследуют землю, — интересно, за что этим бедолагам такое наказание?

Правда, жители Заводильной улицы посторонились бы, чтобы уступить кротким дорогу. На этой улице их удерживало только смутное осознание того, что в мире существуют правила. И их жизнь проходила в постоянной тревоге, как бы эти правила не нарушить.

Говорят, будто для богатых писаны одни законы, а для бедных — другие, но это не так. Над теми, кто сам пишет законы, никакого закона нет, как и над теми, кто беззастенчиво их нарушает. Все законы и правила существуют для простаков вроде тех, что населяют Заводильную улицу.

На улице было неестественно тихо. Обычно здесь резвились стайки ребятишек и гремели повозки, направляющиеся в доки, но сегодня все как будто вымерло.

Посреди улицы кто-то мелом начертил сетку для игры в классики. У Ваймса задрожали колени. Эта сетка до сих пор здесь! Когда он последний раз ее видел? Тридцать пять лет назад? Сорок? Наверное, с тех пор классики успели тысячу раз стереть и начертить заново.

Ваймс в свое время неплохо в них играл — конечно, по Анк-Морпоркским правилам. Вместо камешка они в детстве пинали Вильяма Дургинса. У них с ребятами было много всяких занимательных игр, и в каждой надо было пинать, толкать и щипать Вильяма Дургинса, пока он не слетал с катушек и не начинал биться и пускать пену.

Ваймс однажды девять раз подряд закинул Вильяма на нужный квадрат. На десятый раз Вильям укусил его за ногу.

Жизнь в те годы была простая и бесхитростная — знай себе мучай Вильяма Дургинса да ищи, чем поживиться. У Ваймса почти на все вопросы были ответы, кроме разве что «как сделать, чтобы нога скорее зажила?».

Сэр Сэмюэль огляделся, убедился, что на улице пусто, и носком ботинка поддел из канавы какой-то камешек. Потом украдкой пнул его в сторону сетки, подобрал полы камзола, прыгнул, развернулся, снова прыгнул…

Что они там выкрикивали, пока прыгали? «Шишел-мышел, взял да вышел?» Или «Вилли Дургинс, дуралей, скушай баночку соплей»? Вот проклятье, до конца дня теперь из головы не выбросить.

На другой стороне улицы открылась дверь.

Ваймс замер, стоя на одной ноге. Наружу вышли две фигуры в черном. Они двигались медленно и неуклюже.

Потому что несли гроб.

Торжественную мрачность процессии нарушало то, что им пришлось протискиваться мимо гроба в узкие двери, а потом придерживать гроб и ждать, когда в ту же щель пролезут еще четыре человека, которые помогали его нести.

Ваймс вовремя опомнился и опустил ногу, а потом опомнился окончательно и в знак уважения снял шлем.

Из дверей появился еще один гроб, совсем маленький. Его несли всего двое человек, и один был явно лишний.

Когда вслед за гробами из дома гуськом потянулись скорбящие, Ваймс залез в карман и нашарил листок, который ему вручил Детрит. Зрелище было даже в некотором роде забавное — как в цирке, когда останавливается маленький фургончик и

оттуда высыпает сразу дюжина клоунов. Дома на этой улице компенсировали недостаток комнат обилием жильцов.

Ваймс развернул листок. Первый этаж, Заводильная улица, двадцать семь.

Он успел как раз к похоронам. Сразу двум.

— Кажется, у големов сегодня день не задался, — сказала Ангва. В канаве валялась глиняная рука. — Это уже третий, которого разбили на улице.

Сверху раздался звон стекла, и из окна пулей вылетел гном. Он треснулся шлемом о мостовую так, что искры полетели во все стороны, но тут же вскочил на ноги и бросился в близлежащую дверь.

Секунду спустя он снова вылетел из окна, но на этот раз Моркоу подхватил его и поставил на ноги.

— Добрый день, господин Рудогрыз! Как поживаете? И что тут творится?

— Это все Буравчик, черт бы его побрал! Арестуйте его, капитан Моркоу!

— Арестовать? Но за что?

— За то, что травит честной народ, вот за что!

Моркоу перевел взгляд на Ангву, потом снова на Рудогрыза.

— Травит? — переспросил он. — Это очень серьезное обвинение.

— Серьезней некуда! Мы с госпожой Рудогрыз всю ночь не спали! Но на Буравчика я не думал, пока не пришел сюда поутру, а тут уже толпа народу…

Он попытался вывернуться из хватки Моркоу.

— Знаете что? — сказал он. — Знаете что? Мы заглянули ему в погреб, и знаете что? Знаете? Знаете, что он нам продавал вместо мяса?

— Что же? — спросил Моркоу.

— Свинину и говядину!

— О боги.

— И баранину!

— Ай-яй-яй.

— Во всем подвале почти ни одной крысы!

Моркоу покачал головой, поражаясь двуличию продавцов.

— А Снорри Золтссондядьссон вчера заказывал Крысиный Сюрприз и может поклясться, что там были куриные кости!

Моркоу отпустил гнома.

— Подожди здесь, — сказал он Ангве и, пригнувшись, зашел в «Гномские деликатесы Буравчика».

В него тут же полетел топор. Моркоу почти

инстинктивно поймал его и небрежно отбросил в сторону.

— Ай!

У стойки развязалась рукопашная. Поскольку это были гномы, заварушка уже давно миновала ту стадию, когда кто-то еще помнил, из-за чего она началась, и теперь ее участники бурно выясняли другие животрепещущие вопросы, как-то: «Да твой дед у моего кирку стащил!» или «Хватит тыкать мне в нос своим топором!»

Но присутствие Моркоу не прошло незамеченным. Драка постепенно сошла на нет, и все сделали вид, как будто просто пришли в трактир по своим делам. У каждого на лице было написано: «Топор? Какой топор? Ах, этот? Я просто хотел показать его своему старому приятелю Бьорну, да, Бьорн?»

— Ну ладно, — сказал Моркоу. — Что там за история с отравлением? Господин Буравчик, сначала вы.

— Это гнусная ложь! — закричал Буравчик откуда-то из кучи-малы. — У меня приличное заведение! Столы такие чистые, что плюнуть некуда!

Моркоу поднял руки, чтобы унять общий галдеж.

— Я слышал, что-то не так с крысами, — сказал он.

— Крысы у меня самые отборные! — крикнул Буравчик. — Жирные, откормленные, из лучших подвалов, не какие-то там помоечные! И, чтоб вы знали, их не так-то просто раздобыть!

— А если раздобыть не получается, что тогда, господин Буравчик? — спросил Моркоу.

Буравчик помолчал. При Моркоу было трудно врать.

— Ну ладно, ладно, — пробормотал он. — Когда их не хватает, я, может, изредка и разбавлю ассортимент куриной ножкой или говядины добавлю, но совсем чуть-чуть…

Гномы снова загалдели:

— Ха! Ничего себе чуть-чуть!

— Вы спуститесь, спуститесь к нему в погреб, господин Моркоу!

— Да этот паршивец берет бифштекс, вырезает в нем ножки и заливает это все крысиным соусом!

— Значит, вот она, ваша благодарность? — с жаром спросил Буравчик. — Стараешься тут для вас, снижаешь цены, последнее от сердца отрываешь, а вы…

— Не то мясо ты от сердца отрываешь!

Моркоу вздохнул. В Анк-Морпорке не было никакого санитарного контроля. С тем же успехом можно было бы поставить в аду датчики дыма.

— Ну хорошо, — сказал он. — Но бифштексом нельзя отравиться. Нет, правда нельзя. Нет. Нет, хватит, молчите. Нет, все равно нельзя, что бы там ваши мамы ни говорили. А теперь, Буравчик, расскажите, что там с отравлением.

Буравчик выбрался из кучи и поднялся на ноги.

— Мы вчера готовили Крысиный Сюрприз для Сыновей Кровавого Топора — у них был ежегодный званый ужин, — сказал он. Все застонали. — И он был из крысятины! — продолжил он, повысив голос, чтобы перекрыть жалобы. — Его ни из чего больше не сделаешь — слушайте, ну оттуда должны крысиные носы торчать, в конце концов! Лучших крыс на это пустили, чтоб вы знали!

— А потом вам всем стало плохо? — спросил Моркоу и достал блокнот.

— С меня всю ночь пот катился!

— В глазах двоилось!

— Я теперь на двери в уборной знаю каждый сучок!

— Запишу «определенно да», — сказал Мор-

коу. — А что еще подавали на ужин?

— Хвостолетки с крысиным кремом, — ответил Буравчик. — Все приготовлено по санитарным нормам.

— В каком смысле «по санитарным нормам»?

— Я строго-настрого велел повару помыть руки, как закончит с готовкой.

Гномы закивали. Это и правда отвечало санитарным нормам. Ходить с грязными руками, еще чего!

— Слушайте, вы тут не первый год едите, — сказал Буравчик, чувствуя, что чаша весов едва заметно качнулась в его сторону. — И никогда раньше такого не было, верно же? О моих крысах весь город говорит!

— О ваших цыплятах тоже весь город заговорит, уж будьте покойны, — сказал Моркоу.

На этот раз все засмеялись — включая Буравчика.

— За курятину простите, чего уж там. Но у меня был выбор: или курица, или на редкость дрянные крысы. Вы же знаете, я всегда закупаюсь у Двинутого Крошки Артура. Что ни говори, но поставщик он надежный. Таких крыс больше ни у кого не найдешь. Это всем известно.

— Речь про Двинутого Крошку Артура с Тусклой

улицы? — спросил Моркоу.

— Про него. Крысы у него как на подбор, без единого пятнышка.

— А от последней партии что-то осталось?

— Пара штук. — Буравчик переменился в лице. — Эй, думаете, это он их отравил? Никогда не доверял этому проходимцу!

— Мы ведем следствие, — сказал Моркоу. Он убрал блокнот. — Мне, пожалуйста, пару крыс. Вот этих самых. С собой. — Он заглянул в меню, похлопал себя по карманам и вопрошающе обернулся на Ангву, которая стояла в дверях.

— Тебе не обязательно за них платить, — устало сказала она. — Это же вещественные доказательства.

— Нельзя наживаться на бедном невинном торговце, который, возможно, пал жертвой обстоятельств, — сказал Моркоу.

— Вам с кетчупом? — спросил Буравчик. — Только с кетчупом дороже.

Траурная повозка медленно катилась по улице. Судя по виду, на нее потратили немало денег. В этом вся Зацепильная улица: здесь привыкли откладывать. Ваймс это отлично помнил. На Зацепильной улице вечно откладывали на черный день, даже если вокруг уже стояла непроглядная

темень. И любой местный житель умер бы со стыда, если бы его похороны сочли недостаточно пышными.

За повозкой шли полдюжины фигур в траурных одеждах и еще пара десятков людей, которые постарались нарядиться во что-то приличное.

Ваймс, держась поодаль, дошел с процессией до самого кладбища за Храмом Мелких Богов. Там он принялся неловко слоняться среди надгробий и печально склоненных деревьев, ожидая, пока священник закончит бормотать.

Боги сделали людей с Зацепильной улицы бедными, честными и запасливыми, подумал Ваймс. Уж лучше сразу налепили бы себе на спину записку «Пни меня». И все же обитатели этой улицы тянулись к религии, пускай и на свой сдержанный манер. Они не только откладывали деньги — они и жизнь откладывали на потом, на случай вечности.

Наконец люди, собравшиеся у могил, начали расходиться. На лицах у них блуждало отсутствующее выражение, характерное для тех, чьи планы на ближайшее будущее включают традиционную поминальную еду.

Ваймс заметил в толпе заплаканную девушку и осторожно к ней приблизился.

— Э… Ты ведь Милдред Ветерок? — спросил он.

Она кивнула.

— А вы кто… — Она внимательнее поглядела на его камзол и добавила: — … сэр?

— Кого это похоронили? Старую миссис Ветерок, которая когда-то зарабатывала шитьем? — спросил Ваймс, деликатно отводя ее в сторонку.

— Ее…

— А… в маленьком гробу?

— Нашего Вильяма…

Девушка, казалось, вот-вот снова расплачется.

— Можно с тобой поговорить? — спросил Ваймс. — Я надеюсь, что ты мне кое с чем поможешь.

Иногда Ваймс сам себя ненавидел. Приличный человек проявил бы уважение к чужому горю и тихо ушел. Но, пока он стоял среди холодных надгробий, им завладело зудящее чувство, что ответы — вот они, на ладони, главное — задать верные вопросы.

Девушка обернулась на других скорбящих. Они уже дошли до ворот и теперь с любопытством смотрели на них с Ваймсом.

— Слушай… Я понимаю, что сейчас не время, — сказал Ваймс, смущенно улыбаясь, — но что выкрикивают дети, когда играют в классики?

«Шишел-мышел, взял да вышел?»

Девушка подняла на него глаза.

— Это считалка, — холодно ответила она. — Когда играют в классики, кричат: «Билли Тупкинс, дурачок, слопал муху — и молчок». Кто вы такой?

— Я командор Ваймс из Городской Стражи, — сказал Ваймс. Так значит, Вилли Дуркинкс остался жить в людской памяти, пусть и под чужим именем… А старина Камнелиц превратился просто в чучело на костре…

И тут она заплакала.

— Тише, тише, — сказал Ваймс так успокаивающе, как только мог. — Я же вырос на Зацепильной улице, вот я и… ну то есть… я тут не… я не собираюсь… слушай, я знаю, что ты потихоньку носила домой еду из дворца. Это не страшно. Я тебя не осужда… Ох, проклятье, может, возьмешь мой носовой платок? Твой уже весь мокрый.

— Все так делают!

— Да, я знаю.

— И повар никогда не возражает… — Она снова начала всхлипывать.

— Да, конечно.

— Все с собой что-то да уносят, — сказала Милдред Ветерок. — Это же не воровство.

«Вообще-то это оно и есть, — подумал Ваймс. — Но мне плевать».

А теперь… теперь пришло время схватиться за длинный медный штырь, вскарабкаться повыше под рокот грома и ждать молнии.

— А, гм, когда ты в последний раз воро… брала с собой еду, что это было? — спросил он.

— Немного молочного желе и такого, знаете, джема, только из мяса…

— Паштета?

— Да. Хотелось угостить домашних…

Ваймс кивнул. Очень питательная еда, и очень мягкая. То, что нужно для больного ребенка и для беззубой старушки.

Что ж, он уже стоял на крыше, над головой клубились черные тучи, и он вовсю размахивал громоотводом.

Пришло время задать…

Неправильный вопрос. Но это выяснилось позже.

— Скажи, пожалуйста, — спросил он, — от чего умерла госпожа Ветерок?

— Хотите знать, много ли в этих крысах мышьяка? — спросила Шельма. — Скажем так. Будь это не мышьяк, а свинец, можно было бы заточить им носы и рисовать ими вместо грифелей.

Она опустила мензурку.

— Это точно? — спросил Моркоу.

— Абсолютно.

— Но Двинутый Крошка Артур не стал бы травить крыс. Тем более тех, которые потом идут в пищу.

— Я слышала, он недолюбливает гномов, — сказала Ангва.

— Да, но бизнес есть бизнес. Гномов все недолюбливают, кто ведет с ними дела, а Крошка Артур снабжает мясом все гномьи трактиры и закусочные в городе.

— Может, они наелись мышьяка, прежде чем он их поймал? — предположила Ангва. — В конце концов, люди травят крыс всякими способами…

— Да, — подумав, согласился Моркоу. — Травят.

— Ты же не думаешь, что Витинари каждый день съедает на завтрак по жирной крысе? — спросила Ангва.

— Я слышал, что крысы служат ему шпионами, так что маловероятно, чтобы они служили ему еще и едой, — ответил Моркоу. — Но было бы не худо выяснить, где Двинутый Крошка Артур добывает своих крыс, как считаешь?

— Командор Ваймс сказал, что сам займется

делом Витинари.

— Но мы же просто выясняем, почему крысы у Буравчика нашпигованы мышьяком, — невинно заметил Моркоу. — Как бы то ни было, я хотел попросить сержанта Колона, чтобы он с этим разобрался.

— Поговорил с Двинутым Крошкой Артуром? — уточнила Ангва. — Он же двинутый!

— Ну пускай возьмет с собой Шнобби. Пойду скажу ему. М-м-м… Шельма?

— Да, капитан?

— Ты от меня как будто, э, прячешь лицо… ох. Тебя кто-то избил?

— Нет, сэр!

— Просто у тебя под глазами фонари, а губы…

— Все в порядке, сэр! — упрямо сказала Шельма.

— Ох, ну ладно тогда. Я… э… пойду поищу сержанта Колона.

И Моркоу смущенно вышел.

Они остались вдвоем. «Все девочки в сборе, — подумала Ангва. — Во всяком случае, на одну нормальную девочку уж наберется, если нас обеих поскрести».

— Кажется, с тушью мы дали маху, — сказала Ангва. — Помада тебе идет, но тушь… похоже,

это не твое.

— Думаю, мне просто надо руку набить.

— Уверена, что не хочешь избавиться от бороды?

— Что? Сбрить ее? — Шельма отшатнулась.

— Ладно-ладно. А что насчет шлема?

— Это шлем моей бабушки! Традиционный гномий шлем!

— Хорошо. Дело твое. Так или иначе, начало хорошее.

— Слушай… хотела у тебя спросить… что думаешь? — спросила Шельма и протянула ей листок бумаги.

Ангва развернула его. На бумаге были в столбик записаны имена, по большей части вычеркнутые:

~~Шельма~~ ~~Задранец~~
~~Ширли~~
~~Шерри~~
~~Шейла~~
Люсинда Задранец
~~Сельма~~
~~Сальма~~
Шелли

— Ну что? — спросила Шельма, ерзая на месте.

— «Люсинда»? — прочитала Ангва и удивленно приподняла брови.

— Мне всегда нравилось это имя.

— «Шелли» хорошо звучит, — сказала Ангва. — И похоже на твое нынешнее имя. Учитывая, какие у нас все в городе грамотеи, разницы никто и не заметит, если ты специально на нее не укажешь.

Шельма облегченно выдохнула. Когда ты уже решилась громко заявить миру о том, кто ты такая, приятно узнать, что можно сделать это шепотом.

«Шелли… — подумала Ангва. — С чем ассоциируется это имя? С коваными сапогами, железным шлемом, встревоженным личиком и длинной бородой?

Что ж, теперь именно с ними».

Где-то под Анк-Морпорком, в сыром полуразрушенном подвале, крыса беспечно бежала по своим крысиным делам. Она свернула за угол, к складу с зерном, и чуть не столкнулась с другой крысой. Вторая крыса, правда, была одета в черный плащ с капюшоном и стояла на задних лапках, а в передних держала косу. Из-под капюшона выглядывала белая костяная мордочка.

— ПИСК? — сказала крыса.

Потом видение рассеялось, и взгляду предстала фигурка чуть поменьше. Ничем, кроме размера, она крысу не напоминала. Это был человек, ну или, по крайней мере, кто-то человекоподобный. Он был одет в штаны из крысиной кожи, а на голой груди у него висели крест-накрест два патронташа. В зубах человечек сжимал малюсенькую сигару.

Он поднял крошечный арбалет и выстрелил.

Душа крысы — ведь у существ, так сильно похожих на людей, не может не быть души — мрачно наблюдала, как человечек хватает ее бывшее вместилище за хвост и куда-то тащит. Потом она посмотрела на Смерть Крыс.

— Писк? — спросила она.

Мрачный Грызун кивнул.

— ПИСК.

Минуту спустя Двинутый Крошка Артур вышел на свет, волоча за собой крысу. Вдоль стены было аккуратно сложено уже пятьдесят семь штук, но среди них не было ни молодняка, ни беременных самок — Двинутый Крошка Артур был не настолько двинутым. Он заботился о том, чтобы завтра у него тоже была работа.

Над его норой все еще была пришпилена вывеска. Двинутый Крошка Артур, единственный

истребитель грызунов и насекомых, способный встретиться с врагом лицом к лицу, успел убедиться, что вложения в рекламу себя оправдывают.

Д. К. Артур

Памагу справиться с мелкими проблемами

Крысы: *БЕСПЛАТНО*

Мышы: 1 п. за 10 хвств

Кроты: ½ п. за штк

Осы: 50 п. за гнзд. За шершней наценка 20 п.

Тараканы и пр. по дагаваренности

Низкие цены – большое дело!

Артур достал самый маленький в мире блокнот и обломок грифеля. Так, что тут у нас… пятьдесят восемь шкурок, по пенсу за две штуки, плюс вознаграждение от города — по пенсу за десять хвостов, мясо — Буравчику, по два пенса за три тушки, вот ведь скупердяй, гномье отродье…

Тут Артура накрыло тенью, а потом на него

кто-то наступил.

— Так-так-так, — сказал хозяин башмака. — Все еще ловим крыс без лицензии от гильдии? Смотри-ка, Сид, десять долларов как с куста. Давай…

Он прервался, потому что кто-то приподнял его на несколько дюймов над землей, раскрутил и шмякнул о стену. Его товарищ опустил взгляд и увидел, как его ботинки перечеркнула струйка песка, но среагировать не успел.

— Он залез мне в штанину! Он залез… Ааа!

Что-то хрустнуло.

— Колено! Колено! Он мне колено сломал!

Шмякнутый о стену попытался встать, но кто-то пробежал ему по груди и оседлал его переносицу.

— Эй, приятель! — сказал Двинутый Крошка Артур. — Твоя мамаша шить умеет? Да? Так пусть вот это зашьет!

Маленькими руками он ухватил обидчика за веки, примерился и нанес точный удар головой. Снова хрустнуло.

Человек со сломанным коленом попытался отползти, но Двинутый Крошка Артур спрыгнул с его оглушенного спутника и принялся пинать уже его. По идее пинки шестидюймового человечка не могут быть слишком уж болезненными,

но Двинутый Крошка Артур, похоже, весил куда больше, чем позволяли его габариты. Пинки он отвешивал не менее мощные, чем какой-нибудь здоровенный громила, но вся их ударная сила была сосредоточена в одной крошечной точке, и от этого делалось еще больнее. Как будто тебя обстреливали из рогатки стальными шариками.

— Скажите своим прохвостам из Гильдии Крысоловов, что я работаю на кого хочу и беру за это сколько хочу, — приговаривал он между пинками. — Только и умеете, паскудники, что частников кошмарить!

Другой блюститель интересов гильдии тем временем успел дохромать до выхода из переулка. Артур еще раз пнул Сида на прощание и столкнул его в канаву.

Затем Двинутый Крошка Артур, покачав головой, вернулся к своим занятиям. По меркам гильдии он совершал гнуснейшее преступление — работал бесплатно и продавал крыс за полцены. И все же Двинутый Крошка Артур день ото дня богател, потому что умники в гильдии так и не додумались до идеи относительности доходов.

На самом деле Артур брал за свои услуги очень много. Просто с его точки зрения любая моне-

та выглядела внушительной — и не только в прямом смысле. Анк-Морпорку еще только предстояло уяснить, что чем ты меньше, тем большую ценность имеют для тебя деньги.

Человек мог купить за доллар буханку хлеба и съесть ее в несколько укусов. Двинутый Крошка Артур мог купить за доллар такую же буханку, но его она кормила неделю, а потом можно было выгрызть остатки мякиша и обустроить внутри спальню.

Из-за особенностей роста он к тому же был вечно пьяным. Мало у кого из трактирщиков водились кружки размером с наперсток, и продавать пиво такими порциями они были не готовы. Чтобы выпить, Двинутому Крошке Артуру приходилось натягивать купальный костюм.

Но работу свою он любил. В борьбе с крысами Двинутому Крошке Артуру не было равных. Старые хитрые зверюги, научившиеся обходить капканы и по запаху распознавать яды, были бессильны, когда встречались с ним лицом к лицу — вернее, мордой к лицу. Они только и успевали, что почувствовать, как их крепко хватают за уши, и увидеть стремительно приближающийся лоб.

Бормоча что-то себе под нос, Двинутый Крошка Артур вернулся к своим расчетам. Но ненадолго.

Он резко развернулся и выставил вперед лоб.

— Двинутый Крошка Артур, это всего лишь мы, — сказал сержант Колон, поспешно отпрянув.

— Для вас, легавых, я *господин* Двинутый Крошка Артур, — буркнул Двинутый Крошка Артур, но было видно, что он слегка успокоился.

— Я сержант Колон, а это капрал Шноббс, — сказал Колон.

— Ты же нас помнишь, верно? — вкрадчиво спросил Шноббс. — Это мы тебе помогли на той неделе, когда ты сцепился с тремя гномами.

— Помню, помню, — сказал Двинутый Крошка Артур. — Оттащили меня от них, когда я их уже уложил на лопатки.

— Мы пришли поговорить насчет крыс, — сказал Колон.

— Заказы сейчас не беру, все забито, — отрезал Двинутый Крошка Артур.

— Насчет крыс, которых ты продал в «Гномские деликатесы Буравчика» несколько дней назад.

— А что с ними не так?

— Он думает, что этих крыс отравили, — сказал Шнобби, предусмотрительно зайдя за спину Колону.

— Я отравой не пользуюсь!

Колон осознал, что пятится от человечка шести дюймов ростом.

— Да, ну просто… тут такое дело… ты же с гномами вечно собачишься… не особо их жалуешь… а тут такое… в общем… кое у кого могло сложиться впечатление, будто у тебя на них зуб.

Он сделал еще шаг назад и чуть не споткнулся о Шнобби.

— Зуб? С чего бы мне иметь на них зуб, приятель? Я сам кому хочешь по зубам надаю! — сказал Двинутый Крошка Артур, надвигаясь на него.

— Конечно. Справедливо, — сказал Колон. — Но ты бы нам очень помог, правда, если бы рассказал, ну… где ты поймал этих крыс.

— Случаем не во дворце? — спросил Шнобби.

— Во дворце? Там никто крыс не ловит. Это строго запрещено. Нет, этих я помню. Хорошие были, жирные, я их хотел продать по пенсу штука, но он сбил цену до трех монет за четыре тушки, жмот бородатый.

— И где же ты их поймал?

Двинутый Крошка Артур пожал плечами.

— Где-то под бойнями. По вторникам я там охочусь. Откуда они там взялись — знать не знаю. У нас же по всему городу туннели.

— А могли они наесться отравы, прежде чем ты

их поймал? — спросил Колон.

Двинутый Крошка Артур вспыхнул.

— Тут никто отраву не разбрасывает. Иначе о моих услугах могут и не заикаться. У меня на всех скотобойнях контракты, и с отравителями я дел не веду. Я ж денег за истребление не беру. В гильдии от этого бесятся, но у меня заказчики на первом месте. — Двинутый Крошка Артур хищно усмехнулся. — Я смотрю, где крысы лучше всего кормятся, иду туда, расчищаю местность, а тушки поставляю этим бородачам, украшениям садовым. Если какой засранец на моей делянке будет рассыпать отраву — пусть платит гильдии по ее тарифам, погляжу, как он запоет.

— Ты, я вижу, скоро станешь большим человеком в деле снабжения, — сказал Колон.

Двинутый Крошка Артур склонил голову набок.

— Знаешь, что случилось с последним остряком, который решил так пошутить? — спросил он.

— Э-э-э… нет, — сказал Колон.

— И никто не знает, потому что его так и не нашли. Вы закончили? А то мне еще осиное гнездо расчищать.

— Так, значит, ты их ловил в районе боен? —

уточнил Колон.

— Там, там. Улов там хороший. Отходов полно — кожи, жир, требуха… Если ты крыса, можно наесться от пуза.

— И то верно, — сказал Колон. — Согласен. Что ж, прости, что мы отняли у тебя столько времени…

— А как ты расправляешься с осами? — встрял заинтригованный Шнобби. — Выкуриваешь?

— Обычно бью на лету, а иначе неспортивно, — ответил Двинутый Крошка Артур. — Но если времени мало, мастерю петарды из черного порошка номер один, которым алхимики торгуют. — И он показал на патронташ у себя на груди.

— И взрываешь? — спросил Шнобби. — А это спортивно, что ли?

— А ты попробуй запалить полдюжины фитилей и пробиться к выходу, пока все не взлетело на воздух.

— Это ложный след, сержант, — сказал Шнобби, когда они зашагали прочь. — Какие-то крысы сожрали отраву, а он их поймал. Что с этим прикажешь делать? Травить крыс не запрещено.

Колон поскреб подбородок.

— Ну нет, Шнобби, так не пойдет, — сказал

он. — Все вокруг бегают, суетятся и детектируют вовсю, а мы как два простофили. Ты серьезно хочешь вернуться в штаб-квартиру и сказать, что мы поговорили с Двинутым Крошкой Артуром, он сказал, что это не он, и все, концы в воду? Мы с тобой люди или кто? Ну, я, по крайней мере, человек, да и ты, возможно, тоже, — и мы сейчас плетемся в самом хвосте. Это не та Стража, к которой я привык, совсем не та, Шнобби. Тролли, гномы, горгульи… Ты меня знаешь, я против них ничего не имею, но я все жду не дождусь, когда уже отправлюсь на ферму разводить цыплят. А перед этим я был бы не прочь совершить что-то такое, чем можно гордиться.

— Ну и что ты предлагаешь? Стучаться в каждый дом возле боен и спрашивать, не завалялось ли у них мышьяка?

— Ага, — сказал Колон. — Ходить и разговаривать. Ваймс об этом все время твердит.

— Так их там сотни! И все будут все отрицать.

— Будут, но спросить-то можно. Прошли старые времена, Шнобби. Стража теперь работает по-новому. Детектирует. Сейчас от нас ждут результатов. Сам посмотри, как Стража разрастается. Я не против того, что Детрита произвели в сержанты, он славный малый, если с ним по-

ближе познакомиться, но не успеешь оглянуться — и вот уже какой-нибудь гном будет приказы раздавать. Мне-то что, я к тому времени буду уже на ферме…

— Разводить цыплят, — подхватил Шнобби. — Кстати, на что их можно разводить? У них разве есть деньги?

— …но тебе стоит подумать о будущем. А судя по тому, к чему все идет, скоро Страже может понадобиться еще один капитан. И представь, как будет досадно, если это окажется какой-нибудь Рукисила или Сланец. Так что, Шнобби, ты клювом не щелкай.

— Фред, а ты сам-то никогда в капитаны не метил?

— Я? Офицеришкой? У меня, Шнобби, своя гордость есть. Против самой офицерской братии я ничего не имею, но это не для меня. Мое место среди простых людей.

— Жаль, что для меня там места нет, — угрюмо заметил Шнобби. — Смотри, что я сегодня утром нашел у себя в ящике.

Он передал сержанту квадратик бумаги с позолоченными краями.

— «Леди Силачия сегодня с пяти часов пополудни устраивает Домашний Прием и премного

обрадуется обществу лорда де Шноббса», — прочитал он вслух.

— Ох ты.

— Наслышан я про этих знатных старушенций, — удрученно произнес Шнобби. — Она же меня ради забавы вызывает, так, чтобы на смех поднять?

— Нет-нет, — возразил сержант, глядя на друга, который в одночасье стал игрушкой в руках судьбы (странный же у нее вкус на игрушки!). — Мне дядя рассказывал о таких штуках. «Домашний Прием» — это просто когда все собираются выпить. Приходят большие шишки вроде тебя и давай шишковать. От тебя ничего не надо — только держать бокал, задирать нос и рассуждать про всякие штуки вроде искусства и прочей литературии.

— У меня и одежды-то подходящей нет, — пожаловался Шнобби.

— А вот тут ты на коне, — уверил его Колон. — Форма — это то, что надо. В ней есть особый шик. Особенно если выглядишь ты залихватски, — добавил он, игнорируя тот факт, что выглядел Шнобби в лучшем случае лиходейски.

— Не шутишь? — спросил Шнобби, слегка приободрившись. — У меня этих приглашений еще

целая куча, и все выглядят так, будто их по краям обгрызли золотыми зубами. Ужины, балы, вся петрушка.

Колон поглядел на своего приятеля, и в голову ему закралась странная, но правдоподобная мысль.

— Ну-у, — протянул он, — сейчас же конец сезона, верно? Время на исходе.

— Какого такого сезона? Зима вроде еще не скоро. И что за время?

— Ну-у… не исключено, что все эти знатные дамы хотят пристроить тебя к своим дочкам, которые как раз готовы на выданье…

— Чего-чего?

— Выше графа только герцог, а герцогов у нас нет. И короля тоже. Так что граф Анкский для всех будет выгодной партией. — Да, так это лучше звучало. Если подставить вместо «графа Анкского» «Шнобби Шноббса», фраза теряла всякий смысл. Но достаточно сказать «граф Анкский», без уточнений, — и все сходится. Многие женщины были бы рады породниться с графом Анкским, даже если в нагрузку к нему шел Шнобби Шноббс.

Ну, некоторые уж точно.

Глаза у Шнобби заблестели.

— Я об этом даже не думал, — сказал он. — А

что, наличность у этих барышень водится?

— Еще как водится, Шнобби.

— И, конечно, мой долг перед потомками — проследить за тем, чтобы род Шноббсов не прервался, — задумчиво добавил Шнобби.

Колон посмотрел на него обеспокоенным взглядом безумного ученого, который подсоединил электроды куда надо, пустил разряд и теперь наблюдает, как его создание ковыляет в сторону ближайшей деревни.

— Офонареть, — выдохнул Шнобби. Взгляд его слегка затуманился.

— Да, но сначала, — сказал Колон, — я обойду все дома возле боен, а ты — на Тряпичной улице, а потом мы заскочим с докладом в штаб-квартиру и умоем руки. Идет?

— Добрый день, командор Ваймс, — сказал Моркоу и закрыл за собой дверь. — Капитан Моркоу, разрешите доложить.

Ваймс, развалившись в кресле, смотрел в окно. За ним снова сгущался туман. Здание Оперы напротив уже расплывалось в дымке.

— Мы, э, обошли столько големов, сколько смогли, сэр, — сказал Моркоу и украдкой оглядел стол в поисках бутылки. — Почти ни одного не нашли, сэр. Одиннадцать сами себя разбили или

отпилили себе голову, а к полудню люди и сами начали их расколачивать или вынимать из них слова, сэр. Зрелище не из приятных, сэр. По всему городу черепки. Люди как будто… просто ждали подходящего случая. Странно все это, сэр. Големы же только и делают, что работают, никому не вредят и в чужие дела не лезут. А некоторые из тех, кто сам себя разбил, оставили… записки, сэр. Написали что-то вроде того, что они сожалеют и им очень стыдно. Повторяли что-то про глину от глины…

Ваймс не ответил.

Моркоу чуть наклонился — проверить, нет ли бутылки под столом.

— А в «Гномских деликатесах Буравчика» продавались отравленные крысы, сэр. С мышьяком, сэр. Я попросил сержанта Колона и Шнобби с этим разобраться. Может, это и вовсе ни при чем, но мало ли.

Ваймс повернулся, и Моркоу услышал его дыхание. Короткие, резкие выдохи — как будто Ваймс отчаянно пытался держать себя в руках.

— Что мы упустили, капитан? — отрешенно спросил он.

— Сэр?

— В спальне его сиятельства. Там есть кровать.

Стол. Письменные принадлежности. Прикроватный столик. Кресло. Ковер. Мы все заменили. Абсолютно все. Еще он ест. Мы же проверили еду, да?

— Все, что было в кладовой, сэр.

— Ты уверен? Мы в чем-то ошиблись. Не понимаю, в чем именно, но точно ошиблись. Свидетельства нашей ошибки лежат на кладбище. — Ваймс почти рычал. — Что еще? Задранец говорит, на теле нет никаких следов. Что же тогда? Надо выяснить *как*, и, если повезет, мы узнаем *кто*.

— Он дышит воздухом, как и все мы, сэр…

— Но мы переместили его в другую комнату! Даже если кто-то, не знаю, накачивал туда яд… они бы не могли обработать все комнаты во дворце. Мы бы заметили. Дело в еде!

— Всю еду перепробовали у меня на глазах, сэр.

— Значит, дело в чем-то еще! Люди умерли, капитан! Миссис Ветерок умерла!

— Кто, сэр?

— Ты никогда о ней не слышал?

— Похоже, что нет, сэр. Чем она занималась?

— Занималась? Да ничем особо. Просто растила девятерых детей в квартирке, где даже потя-

нуться негде, и шила рубашки за два пенса в час, каждый час, что треклятые боги ей отпустили, она шила; она жила работой и никому не мешала, и теперь она умерла. И внук ее тоже. Ему четырнадцать месяцев было. А все потому что внучка притащила им объедков из дворца! Угостить хотела! И знаешь что? Милдред подумала, что я пришел арестовать ее за кражу! Прямо на похоронах, будь оно все проклято! — Ваймс сжал кулаки, и костяшки пальцев у него побелели. — Теперь это убийство. Не покушение, не политические интриги — убийство. А все потому, что мы никак, черт подери, не удосужимся задать правильный вопрос!

Дверь отворилась.

— Добрый день, достопочтенный сэр, — любезно поздоровался сержант Колон, касаясь шлема. — Простите, что вынужден вас беспокоить, понимаю, что отрываю от дел, но должен кое-что спросить, чтобы, так сказать, отмести от вас всякие подозрения. Вы мышьяком пользуетесь?

— Что же ты не впустишь офицера в дом, Фэнли? — спросил всей-то встревоженный голос, и рабочий, стоявший в дверях, посторонился. — Добрый день, офицер. Чем мы можем вам

помочь?

— Я просто ищу мышьяк, сэр. А то он в последнее время попадает куда не надо.

— Э… ну и дела. Вот так так. Я уверен, что мы его нигде не используем, но сейчас уточню у мастера, а вы пока заходите. Как насчет чашечки горячего чая?

Колон оглянулся. Землю подернуло туманом. Небо потихоньку серело.

— Не откажусь, сэр! — сказал он.

Дверь за ним затворилась.

Секунду спустя легонько скрипнули засовы.

— Ну ладно, — сказал Ваймс. — Давай повторим.

Он поднял воображаемый половник.

— Я повар. Я сварил жутко питательную кашу, на вкус как собачья моча. Я наполняю три миски. У всех на виду. Миски перед этим помыли, верно? Хорошо. Дегустаторы забирают две — одну на пробу, вторая в последнее время отправляется на проверку к Задранцу, а потом слуга — это ты, Моркоу, — берет третью миску и…

— Ставит на подъемник, сэр. Он в каждой комнате есть.

— Я думал, слуги сами несут еду.

— По лестнице, сэр, на шестой этаж? Все осты-

нет.

— Ну хорошо… так, стой. Мы забежали вперед. Вот у тебя миска. Ты ставишь ее на поднос?

— Да, сэр.

— Ну так поставь.

Моркоу послушно опустил невидимую миску на невидимый поднос.

— Что-нибудь еще нужно? — спросил Ваймс.

— Кусочек хлеба, сэр. Буханка заранее проверена.

— А ложка?

— И ложка.

— Ну так не стой, клади их на поднос…

Моркоу, придерживая одной рукой невидимый поднос, другой потянулся за невидимым куском хлеба и бесплотной ложкой.

— Еще что-нибудь? — спросил Ваймс. — Соль, перец?

— Кажется, я припоминаю солонку и перечницу, да.

— Ставь их туда же.

Ваймс ястребиным взглядом воззрился на пустоту между руками Моркоу.

— Ну нет, — сказал он. — Мы бы это не упустили, правда? То есть… мы же это не упустили?

Он потянулся и поднял невидимую баночку.

— Скажи мне, что мы проверили соль, — попросил он.

— Это перец, сэр, — услужливо подсказал Моркоу.

— Соль! Перец! Уксус! Горчица! — крикнул Ваймс. — Мы думаем, что все проверили, а потом его сиятельство приправляет свои блюда ядом по вкусу! Мышьяк — это металл. Бывают ведь… соли всяких металлов? Неужели мы такие дураки, что это проморгали?

— Я сейчас проверю, — сказал Моркоу и растерянно огляделся. — Только поднос поставлю…

— Погоди, — сказал Ваймс. — Мы это уже проходили. Не стоит бегать по городу с криком «Где мое полотенце?» из-за одного-единственного озарения. Давай еще прикинем. Вот ложка, например. Из чего она сделана?

— Разумное замечание, сэр. Я проверю столовые приборы.

— Вот теперь мы уже на пути к прогрессу! А что он пьет?

— Кипяченую воду, сэр. Мы ее проверили. И я отдельно убедился, что со стаканами все в порядке.

— Хорошо. Итак… ты берешь поднос, ставишь на подъемник, а что потом?

— На кухне тянут за веревки, и он поднимается на шестой этаж.

— Без остановок?

Моркоу непонимающе на него посмотрел.

— Он поднимается на шестой этаж, — повторил Ваймс. — Подъемник — это просто шахта, по которой туда-сюда ездит большой ящик, да? Готов поспорить, что на каждом этаже есть дверца.

— Некоторые этажи сейчас почти не используются, сэр…

— Тем лучше для нашего отравителя. Сидит себе и ждет, пока мимо не проедет поднос. Смельчак, ничего не скажешь! Откуда нам знать, что еду не подменяют по дороге?

— Блестящая догадка, сэр!

— Он в темноте все это обстряпывает, я уверен, — сказал Ваймс. — Патриций в тот раз засиделся допоздна, а утром спал без задних ног. Во сколько ему подают ужин?

— Сейчас, когда ему нездоровится, — около шести, сэр, — сказал Моркоу. — К тому времени уже темнеет. А потом он садится дальше работать.

— Ясно. Дел у нас невпроворот. Давай приступать.

Когда Ваймс вошел к патрицию, тот сидел в постели и читал.

— А, Ваймс, это вы, — сказал он.

— Ужин скоро доставят, милорд, — сказал Ваймс. — И позвольте еще раз заметить, что вы значительно упростили бы нам задачу, если бы позволили увезти себя из дворца.

— Несомненно, — согласился лорд Витинари.

В подъемнике что-то загрохотало. Ваймс подошел к нему и открыл дверцу.

В ящике сидел гном. В зубах он сжимал нож, в каждой руке — по топору, и вид у него был свирепый и сосредоточенный.

— О боги, — слабо поговорил Витинари. — Надеюсь, его хотя бы горчицей приправили.

— Что-то подозрительное заметил, констебль? — спросил Ваймс.

— Ничефо, фэр, — сказал гном, расправил плечи и выплюнул нож. — Вплоть до самого верха ничего интересного. Там были еще дверцы, их явно давно не открывали, но я их все заколотил, как и просил капитан Моркоу.

— Молодец. Ну, можешь спускаться.

Ваймс захлопнул дверцу подъемника. Гном загрохотал вниз по шахте.

— Ты учел каждую мелочь, да, Ваймс?

— Надеюсь, сэр.

Ящик вернулся — с подносом. Ваймс его до-

стал.

— Что там?

— Клатчская огненная без анчоусов, — сказал Ваймс, приподнимая крышку. — Заказали в пиццерии «Папа Рон», что за углом. Насколько я могу судить, отравить всю еду в городе никому не под силу. А посуду я из дома взял.

— Ты мыслишь как настоящий стражник, Ваймс.

— Спасибо, сэр.

— Спасибо? Это что, прозвучало как комплимент? — Патриций шевельнул тарелку с видом путешественника, которого занесло в экзотическую страну. — Ваймс, это кто-то уже ел до меня?

— Нет, сэр. Это просто такая нарезка.

— Ясно. А я было подумал, что кто-то из дегустаторов слишком увлекся, — сказал патриций. — Даже не знаю, выдержу ли я такое изысканное лакомство.

— Вижу, вам уже лучше, сэр, — сухо сказал Ваймс.

— Спасибо, Ваймс.

Когда он ушел, лорд Витинари съел пиццу — по крайней мере, те ее компоненты, которые смог более-менее уверенно опознать. Потом отставил поднос и задул свечу на прикроватном столике.

Какое-то время он сидел в темноте, потом полез под подушку и нащупал остро заточенный ножик и коробок спичек.

Как славно, что в мире есть Сэм Ваймс. Было что-то умилительное в его отчаянном, пламенном и совершенно бессмысленном рвении. Еще немного — и придется подбрасывать бедолаге подсказки.

Моркоу в одиночестве сидел в штаб-квартире Стражи и смотрел на Дорфла.

Голем, замерев, стоял все на том же месте. Кто-то повесил ему на руку кухонное полотенце. Макушка у него до сих пор была откинута.

Какое-то время Моркоу просто сидел, подперев голову рукой, и разглядывал Дорфла. Потом он выдвинул ящик и достал шхему. Изучил ее. Встал. Подошел к голему. И вложил ему в голову слова.

В глазах у Дорфла загорелся оранжевый свет. Кусок обожженной глины снова обрел ту неуловимую ауру, которая отличает живое от неживого.

Моркоу нашел табличку с карандашом и вложил их в руки Дорфлу, а потом отошел на несколько шагов.

Под горящим взглядом голема он снял с пояса меч, отстегнул нагрудник, скинул безрукавку и стащил через голову шерстяную нижнюю ру-

баху.

Оранжевое сияние отразилось от мускулов, блестящих в свете свечей.

— Я безоружен, — сказал Моркоу. — И без доспехов. Видишь? А теперь послушай…

Дорфл подался вперед и взмахнул кулаком.

Моркоу не шелохнулся.

Кулак остановился в волоске от его немигающих глаз.

— Я не думал, что ты можешь ударить человека, — сказал он, когда голем снова качнулся и его кулак замер в дюйме от живота Моркоу. — Но рано или поздно тебе придется мне все рассказать. Вернее, написать.

Дорфл помедлил и взял карандаш.

ЗАБЕРИ МОИ СЛОВА!

— Расскажи про голема, который убивает людей.

Карандаш застыл.

— Другие големы себя убили.

Я ЗНАЮ.

— Откуда?

Голем какое-то время смотрел на него. Потом написал:

ГЛИНА ОТ ГЛИНЫ МОЕЙ.

— Ты чувствуешь то, что чувствуют другие

големы? — спросил Моркоу.

Дорфл кивнул.

— А люди убивают големов, — сказал Моркоу. — Не знаю, могу ли я это прекратить. Но могу попробовать. Дорфл, я, кажется, понимаю, что происходит. Более или менее. Думаю, я знаю, из-за кого это случилось. Тот, кого ты называешь глиной от глины вашей, всех вас опозорил. Что-то пошло не так. Вы старались все исправить. Наверное… у вас у всех были большие надежды. Но против слов в голове не пойдешь…

Голем недвижно стоял на месте.

— Вы его продали, — тихо сказал Моркоу. — Зачем?

Карандаш заплясал над табличкой.

ГОЛЕМУ НУЖЕН ХОЗЯИН.

— Но почему? Потому что так сказано в шхеме?

ГОЛЕМУ НУЖЕН ХОЗЯИН!

Моркоу вздохнул. Людям нужен воздух, рыбам нужна вода, големам нужен хозяин.

— Не знаю, получится ли у меня со всем разобраться, но поверь, другие и пробовать не станут, — сказал он.

Дорфл не шевелился.

Моркоу подошел к нему вплотную.

— Может быть, старый священник и господин Хопкинсон что-то сделали… или помогли сделать? — спросил он. — И может быть, потом… это что-то обернулось против них, потому что мир оказался слишком…

Дорфл безучастно смотрел перед собой.

Моркоу кивнул.

— Как бы то ни было, ты можешь идти. Что делать дальше, решать тебе. Я помогу, чем смогу. Если големы — это просто машины, их нельзя обвинить в убийстве, и я продолжу выяснять, что все-таки произошло. Если големы способны на убийство, значит, они живые, и жуткое обращение с ними надо немедленно прекратить. Вы в победителях при любом раскладе. — Он повернулся к голему спиной и принялся возиться с бумагами на столе. — Беда в том, — добавил он, — что все хотят, чтобы другие прочитали их мысли, а потом сами за них все сделали. Возможно, даже големы.

Он снова повернулся к Дорфлу.

— Я знаю, что вы храните какую-то тайну. Но если так и дальше пойдет, скоро хранить ее будет некому.

И он с надеждой посмотрел на голема.

НЕТ. ГЛИНА ОТ ГЛИНЫ МОЕЙ. Я НЕ ПРЕДАМ.

Моркоу вздохнул.

— Что ж, заставлять тебя я не буду. — Он усмехнулся. — Хотя, знаешь, мог бы. Мог бы вписать пару слов в твою шхему. Сделать тебя более разговорчивым.

В глазах Дорфла взметнулось пламя.

— Но я не стану. Потому что это бесчеловечно. Ты никого не убил. Свободы я тебя лишить не могу, потому что ты и так не свободен. Ступай. В конце концов, я знаю, где тебя искать.

РАБОТА — ЭТО ЖИЗНЬ.

— Чего хотят големы, Дорфл? Я вижу, как вы ходите туда-сюда и работаете не покладая рук, но что вам на самом деле нужно?

Карандаш черкнул по табличке.

ПЕРЕДЫШКА.

Потом Дорфл развернулся и вышел на улицу.

— Ч*рт! — сказал капитан Моркоу, совершив тем самым небольшой лингвистический подвиг. Он побарабанил пальцами по столу, потом резко вскочил, оделся и вышел в коридор в поисках Ангвы.

Ангва нашлась в каморке у капрала Задранца — она стояла, прислонившись к стене, и разговаривала с гномом.

— Я отправил Дорфла домой, — сказал Моркоу.

— А у него есть дом? — спросила Ангва.

— Ну, если точнее, обратно на бойню. Но, думаю, големам сейчас не стоит расхаживать по улицам в одиночку, так что я хочу отправиться за ним следом и приглядеть… Капрал Задранец, с тобой все в порядке?

— Да, сэр, — сказала Шелли.

— Просто на тебе… на тебе… — Сознание Моркоу долго отказывалось мириться с тем, что видели его глаза, и наконец выдало: — Килт?

— Да, сэр. Юбка, сэр. Кожаная, сэр.

Моркоу какое-то время пытался найти подходящий ответ, потом сдался и выдавил:

— О.

— Я пойду с тобой, — сказала Ангва. — Шелли, если что, за всем приглядит.

— Килт, — повторил Моркоу. — Ох. Ну ладно… Приглядывай тут за всем хорошенько. Мы скоро вернемся. И… э-э-э… не вставай лишний раз из-за стола, ладно?

— Ну хватит, — сказала Ангва.

Когда они вышли в туман, Моркоу спросил:

— Тебе не кажется, что с капралом Задранцем… что-то не так?

— А что не так? Девушка как девушка, — сказала Ангва.

— Девушка? Он тебе сказал, что он девушка?

— Она, — поправила Ангва. — Это, знаешь ли, Анк-Морпорк. Тут разные местоимения в ходу.

От Моркоу разило замешательством. Конечно, все знали, что где-то глубоко под наслоениями кольчужной сетки гномы отличаются друг от друга в достаточной степени, чтобы обеспечить появление новых гномов, но сами гномы предпочитали никогда это не обсуждать, за исключением той стадии ухаживания, когда это непременно надо было оговорить во избежание конфуза.

— Что ж, надеюсь, ей хватит такта не выставлять это напоказ, — наконец сказал Моркоу. — Я ничего не имею против женщин, ты не подумай. Мачеха моя, например, женщина, я в этом почти не сомневаюсь. Но не уверен, что стоит привлекать к этому всеобщее внимание.

— Моркоу, у тебя, кажется, что-то с головой, — заметила Ангва.

— Что?

— Возможно, ты забыл достать ее из задницы. Ну ты сам себя послушай! Она всего-то надела юбку и накрасилась — а ты ведешь себя так, будто перед тобой какая-нибудь мадам О-ля-ля, которая в «Скунсе» у шеста отплясывает!

На несколько секунд они оба замолчали, представляя себе гномку-стриптизершу. Сознание бунтовало и отказывалось рисовать эту картину.

— И вообще, — сказала Ангва, — где, как не в Анк-Морпорке, можно быть самими собой?

— Другие гномы могут заметить, а это добром не кончится, — сказал Моркоу. — Я чуть было не увидел его коленки! Ее коленки…

— У всех есть коленки.

— Может, и так, но светить ими не стоит. Я-то привык к коленкам. Я могу смотреть на них и думать: «Ну да, коленки, это как локти, только на ногах», но некоторые парни…

Ангва принюхалась.

— Тут он свернул налево. Некоторые парни — что?

— Ну… Не знаю, как они отреагируют, только и всего. Зря ты ее в этом поддерживаешь. Конечно, среди гномов бывают женщины, но они… им хватает скромности это не демонстрировать, вот.

Ангва резко втянула воздух. Когда она снова заговорила, ее голос звучал как будто издалека.

— Знаешь, Моркоу, я очень уважаю то, как ты относишься к жителям Анк-Морпорка.

— Да?

— Тебе и вправду не важен ни размер, ни цвет

кожи. Это редкость.

— Да?

— И ты всегда обо всех заботишься.

— Да?

— И ты знаешь, что я испытываю к тебе глубокую симпатию.

— Да?

— Но иногда…

— Да?

— …мне очень, очень, *очень* интересно, почему.

Когда капрал Шноббс добрел до особняка леди Силачии, возле дома уже кучно теснились экипажи. Шнобби постучал.

Ему открыл лакей.

— Тебе через черный ход, — сказал он и попытался было закрыть дверь.

Но Шнобби предусмотрительно подставил ногу.

— Прочитай-ка вот это, — сказал он и сунул лакею два листка бумаги.

Первый гласил:

Я, выслушав свидетельства нескольких экспертов, в том числе госпожи Родимчик, повитухи, удостоверяю, что предъявитель этого документа, С. У. С-Дж. Шноббс, с высокой долей вероятности относится к человеческому роду.

Подпись: лорд Витинари

Вторым листком было письмо от Дракона, Короля Гербов.

Лакей испуганно вытаращился.

— Простите великодушно, ваше сиятельство, — сказал он и снова посмотрел на капрала Шноббса. Шнобби был чисто выбрит — по крайней мере, в последний раз, когда он брился, он побрился начисто, — но ландшафт его лица все равно был настолько причудлив, что им можно было бы иллюстрировать энциклопедическую статью про подсечно-огневое земледелие.

— О боги, — добавил лакей и подобрался. — Обычно все гости просто показывают карточки.

Шнобби вытащил откуда-то потрепанную колоду.

— Сейчас у меня дела, надо пошишковать, — сказал он. — Но потом охотно перекинусь с тобой в «дуркера» партейку-другую.

Лакей оглядел его с ног до головы. Он не слишком часто бывал на улицах. До него, конечно, доходили слухи, — а до кого они не доходили? — что в Страже служит законный король Анк-Морпорка. И он вынужден был признать: вряд ли можно надежнее спрятать наследника престола, чем под личиной С. У. С-Дж. Шноббса.

С другой стороны… лакей был и сам своего рода историк и знал, что даже среди монарших особ было немало кривых, горбатых, косорылых и страшных, как смертный грех. В эту компанию Шнобби вписался бы как родной. Горба на спине у него не было, зато природа наградила его горбами в других местах, самых неожиданных. Да и вообще, с лица воды не пить, подумал лакей. И очень кстати, потому что пить с лица Шнобби он бы никому не советовал.

— Вы раньше бывали на подобных приемах, милорд? — спросил он.

— Не-а, никогда, — ответил Шнобби.

— Уверен, ваше сиятельство, — слабым голосом сказал лакей, — что светские манеры у вас в крови.

«Пора уходить, — думала Ангва, пока они спешно шагали сквозь туман. — Я так больше не могу.

И дело не в его дурном характере, о нет. О более

заботливом мужчине и мечтать нельзя.

В том-то и дело. Он заботится обо всех и вся.

Он не ведает различий и о каждом печется одинаково. Он знает все обо всех, потому что ему все равно интересны. Он заботится обо всех в целом и никогда — о ком-то одном. Ему просто не кажется это важным.

Был бы он эгоистом, как всякий приличный человек! Уверена, что он сам не отдает себе в этого отчета, но я-то вижу, что моя волчья природа его огорчает. Ему не все равно, о чем шепчутся у него за спиной, и он не знает, как с этим быть.

Что там на днях выдали гномы? Один сказал: „Ангва вчера весь город оббегала“, а другой бросил: „Ну конечно, волка ноги кормят“. Я видела, как он переменился в лице. Мне такое нипочем… ну, почти… а вот ему нет. Лучше бы он врезал этим гномам. Ничего бы, конечно, не изменилось, но ему бы полегчало.

А ведь со временем будет только хуже. В лучшем случае меня поймают в чьем-нибудь курятнике, и страшно представить, какая тогда поднимется вонь. В худшем — в чьей-нибудь комнате…»

Она попыталась отогнать от себя эту мысль. Безуспешно. Можно посадить волка на цепь, но приручить нельзя.

«Все этот проклятый город. Слишком много людей, слишком много запахов…

Живи мы где-нибудь в глуши, может, у нас бы что-то и вышло. Но если я скажу: „Или город, или я“, он выберет не колеблясь.

Рано или поздно надо вернуться домой. Так будет лучше для него».

Ваймс шагал домой сквозь промозглую сырую ночь. Он чувствовал, что слишком зол, чтобы здраво мыслить.

Он уперся в тупик — и, надо сказать, он проделал немалый путь, прежде чем очутиться в этом тупике. Он собрал целую гору фактов, он пришел к совершенно логичным умозаключениям, но со стороны он, наверное, выглядел круглым дураком.

Моркоу, вероятно, тоже уже считает его болваном. Он выдвигал все новые и новые версии — версии, которые сделали бы честь любому стражнику, — и неизменно садился в лужу. Он кричал, и ругался, и принимал все необходимые меры — и все без толку. Они ничего не нашли. Просто расширили пределы собственного незнания.

Перед его внутренним взором предстал призрак старой госпожи Ветерок. Ваймс ее особо и

не помнил. Он для нее был очередным сопливым мальчишкой, а она для него — очередным озабоченным лицом, маячившим где-то над передником. Обычная жительница Зацепильной улицы. Она занималась шитьем, чтобы сводить концы с концами, никогда не жаловалась и, как и все обитатели улицы, пробиралась по жизни, ни о чем не прося и ничего не получая.

Что еще он мог сделать? Да они чуть обои со стены не содра…

Он остановился.

В обеих комнатах были одни и те же обои. Как и в других комнатах на этаже. Жуткие зеленые обои.

Но… нет, это невозможно. Витинари годами спал в этой комнате — если он, конечно, вообще спит. Никто бы не смог втайне от всех туда прокрасться и переклеить обои.

Туман перед ним вдруг расступился, и Ваймс успел заметить озаренное свечами окно в ближайшем доме, прежде чем густые клубы снова его заволокли.

Туман. Да. Сырой туман. Он пробирается внутрь и оседает на обоях. На старых, пыльных, заплесневелых обоях…

Интересно, Шельме пришло в голову проверить

обои? В конце концов, неудивительно, что они не обратили на них внимания. Перечисляя разные предметы в комнате, про обои не вспоминаешь: в каком-то смысле они и есть сама комната. Могут ли человека отравить собственные стены?

Ваймс боялся развивать эту мысль. Если сосредоточиться на одном конкретном подозрении, оно вспорхнет и улетит, как и все остальные до него.

Но в этом же суть твоей работы, сказал внутренний голос. Вся эта чехарда с подозреваемыми и уликами нужна лишь для того, чтобы чем-то занять тело, пока ум ожесточенно соображает. Любому настоящему стражнику известно: нет смысла искать улики, чтобы по ним установить виновника. Нет, сначала надо хорошенько прикинуть, кто может быть этим виновником. И тогда станет ясно, какие улики следует искать.

Ему совершенно не улыбался очередной тягомотный день с редкими вспышками отчаянных догадок. Хватало и того, что капрал Задранец всякий раз менялся в лице, когда он к нему подходил.

В последний раз Ваймс, например, спросил: «Слушай, раз мышьяк — это металл, может, из него сделали ложку?» Он до сих пор помнил,

с каким выражением гном объяснял, что это, конечно, возможно, главное — чтобы никто не заметил, как ложка растворяется в супе.

На этот раз он сначала все обдумает, а потом уже будет задавать вопросы.

— Его сиятельство граф Анкский, капрал С. У. С-Дж. Шноббс!

Гул голосов затих. Все головы повернулись в сторону вошедшего. Кто-то в толпе рассмеялся, но на него сразу же зашикали.

Леди Силачия выступила вперед. Это была высокая угловатая женщина, унаследовавшая от своих предков резкие черты лица и орлиный нос. Когда она приближалась, казалось, что в тебя летит топор.

Потом она опустилась в реверансе.

Гости заахали от удивления, но леди Силачия метнула на них многозначительный взгляд, и по залу прокатилась волна реверансов и поклонов. В глубине комнаты кто-то сказал: «Это же какой-то проходи…» — но его немедленно прервали.

— Кто-то что-то уронил? — встревоженно спросил Шнобби. — Я могу поискать, вы только скажите.

К нему подошел лакей с подносом.

— Не желаете ли чего-нибудь выпить, ми-

лорд? — спросил он.

— М-м-м… Да, пожалуй. Принеси-ка мне пинту «Ухмельного», — ответил Шнобби.

Все дружно разинули рты — кроме леди Силачии.

— «Ухмельного»? — переспросила она.

— Это сорт пива, ваша милость, — ответил лакей.

Ее милость колебалась всего секунду.

— Кажется, дворецкий пьет пиво, — сказала она. — Позаботься, чтобы его было достаточно. И я тоже буду пинту «Ухмельного». Какая свежая идея!

Это произвело мгновенный эффект на тех гостей, которые привыкли держать свои припудренные носы по ветру.

— И вправду! Отличная идея! И мне пинту «Ухмельного»!

— Замешательно! Мне тоше пинту!

— Всем «Ухмельного»!

— Но это же какой-то прохво…

— Замолчи!

Ваймс осторожно шел через Бронзовый мост, считая по пути гиппопотамов. Фигур на мосту было девять, но девятая прислонилась к парапету и что-то бормотала под нос. Ваймсу ее бормота-

ние показалась знакомым и безобидным. Легкое дуновение ветра донесло до него запах, который перебивал даже вонь от реки. Этот запах возвещал: перед Ваймсом не просто какой-то попрошайка, а настоящий попрошаище.

— Разрази меня гром, я им сказал, становись да тяни! Десница тысячелетия и моллюск! Сказал им, говорю, а они…

— Добрый вечер, Рон, — сказал Ваймс, даже не удосужившись повернуть голову.

Старикашка Рон оторвался от парапета и зашагал следом за ним.

— Разрази меня гром, они меня хвать, а потом того, прямо вот так…

— Да, Рон, — согласился Ваймс.

— И моллюск… Разрази меня гром, говорю, мажьте хлеб на масло… Королева Молли передает, чтобы ты был осторожен, господин.

— Что? Что ты сказал?

— … и поджарьте как следует! — как ни в чем не бывало продолжил Рон. — Ох уж эти хорьки, замотай их в штанину, хвать меня и того!

Попрошайка развернулся и, волоча по земле полы грязной накидки, ухромал в туман вслед за своим песиком.

В людской царило форменное столпотворение.

— Что, еще «Старого Ухмельного»? — спросил дворецкий.

— Еще сто четыре пинты! — подтвердил лакей.

Дворецкий пожал плечами.

— Гарри, Сид, Роб, Джеффри, хватайте по два подноса и бегом в «Королевскую голову»! Одна нога здесь, другая там! Что он еще вытворяет?

— Ну, у них намечался поэтический вечер, но он сейчас травит байки…

— Салонные анекдоты, что ли, рассказывает?

— Не то чтобы салонные…

Даже удивительно, что на улице одновременно может стоять туман и моросить дождь. И то, и другое ветром задувало в комнату, и Ваймсу пришлось закрыть окно. Он зажег свечи на столе и достал блокнот.

Может, стоило обратиться к услугам беса-органайзера, но Ваймс предпочитал все записывать — по старинке, карандашом на бумаге. Так ему лучше думалось.

Он написал *«мышьяк»* и заключил это слово в кружок. Рядом вывел *«ногти о. Трубчека»*, *«крысы»*, *«Витинари»* и *«госпожа Ветерок»*. Чуть ниже написал слово «големы» и тоже обвел его кружком. Сбоку оставил пометки *«о. Трубчек?»* и *«господин Хопкинсон?»*. По некотором размыш-

лении добавил еще несколько слов — *«краденая глина»* и «*шамотная крошка*».

А потом написал целую строчку:

«*Зачем голему сознаваться в чем-то, чего он не делал*?»

Посидел немного, глядя в пламя свечи, и добавил:

«Крысы едят все подряд».

Прошло еще несколько минут.

«Что такого ценного было у отца Трубчека?»

Снизу загремели доспехи: это вернулся ночной патруль. Послышался окрик капрала.

«Слова, — записал Ваймс. — *Что было у господина Хопкинсона? Гномий хлеб → Не украден. Что еще?»*

Он посидел, вперившись взглядом в эти строчки, написал «выпечка», подумал, стер это слово и заменил его другим: *«Печь?»* Он обвел его, обвел слова *«ворованная глина»* и соединил два кружка.

У старого священника под ногтями был мышьяк. Может, он травил крыс? У мышьяка много применений. Его можно запросто купить у любого алхимика.

Он написал *«Мышьяковый монстр»* и прикинул, как смотрятся эти слова. Под ногтями обычно

находят грязь. После драки — следы крови или кожи. А не жир и мышьяк.

Он снова окинул взглядом страницу и, еще чуть-чуть подумав, написал: *«Големы не живые. Но думают, что живые. Что делают живые? → Дышат, едят, гадят».*

Он оторвал карандаш от бумаги, посидел немного, глядя в туман, и аккуратно вывел:

«И производят себе подобных».

По спине пробежали мурашки.

Он обвел имя покойного господина Хопкинсона и провел линию к другому кружку, в котором написал: *«У него большая печь»*.

Хм-м. Шельма говорил, что в хлебной печи глину правильно не обожжешь. Но, может, кто-то обжег ее неправильно.

Он снова посмотрел на пламя свечей.

Они же не могли, правда? О боги… Нет, конечно, не могли…

Но, если уж на то пошло, для этого нужна только глина. И священник, который знает, как написать нужные слова. И, по-видимому, кто-то, кто слепит саму фигуру, но за плечами у големов многие сотни лет ручного труда…

Руки у них были здоровенные. Как будто вечно сжатые в кулаки.

Ну а потом они первым делом решили избавиться от свидетелей, да? Они, наверное, даже не знали, что убили людей. Думали, что просто выключили…

Он нарисовал еще один кружок, довольно кособокий.

Шамотная крошка. Старая глина, мелко истолченная.

Они добавили в него собственную глину. У Дорфла ведь была новая нога, верно? Не очень удачная, потому он и прихрамывал. Каждый из них вложил частичку себя в нового голема.

Что же получается… Шнобби сказал бы: «Фу, гадость какая». Ваймс не знал, что сказать. Скорее уж не гадость, а тайное общество. «Глина от глины моей». Плоть от плоти моей…

Вот ведь чертовы истуканы. Обезьянничают за начальством!

Ваймс зевнул. Спать. Ему нужен сон. Или что-то вроде того.

Он снова уставился на страницу. Рука машинально потянулась к нижнему ящику, как всегда, когда он был чем-то обеспокоен и старался сосредоточиться. Конечно, там уже давно не водилось никаких бутылок, но от старых привычек просто так не отде…

Послышался легкий «дзынь», и что-то соблазнительно булькнуло.

Ваймс извлек на свет пузатую бутылку. Этикетка гласила: «Дистиллярии Пивомеса. Виски „МакАбр“, лучший солод».

Содержимое, казалось, прильнуло к стенкам в предвкушении.

Ваймс недоуменно смотрел на бутылку. Он полез в ящик за виски, и вот он, пожалуйста.

Но откуда? Ваймс знал, что Моркоу и Фред Колон за ним приглядывают, да он и сам после свадьбы не купил ни единой бутылки, потому что дал слово Сибилле…

И все же это не какое-то там дрянное пойло. Это «МакАбр»…

Он его уже когда-то пробовал. По какому, интересно, случаю? Ваймс привык к другому спиртному — к тому, что обрушивалось на голову с нежностью кувалды. Видимо, привалило деньжат. Даже просто *нюхнуть* его — все равно что вдруг перенестись в ночь перед Страшдеством. Просто нюхнуть…

— И тут она говорит: «Но, что интересно, прошлой ночью все получалось!» — закончил капрал Шноббс.

Он обвел всех взглядом и широко улыбнулся.

Гости безмолвствовали. Потом в толпе кто-то засмеялся — тем тихим неуверенным смехом, когда смеющийся не уверен, что на него сейчас не зашикают. Раздался второй смешок, потом третий, и наконец весь зал покатился от хохота.

Шнобби блаженствовал.

— О, слушайте, я еще помню шутку про одного парня из Клатча и про большой теннис…

— Я полагаю, — сказала леди Силачия тоном, не терпящим возражений, — что закуски поданы.

— А свиные ножки у вас есть? — жизнерадостно осведомился Шнобби. — Под «Ухмельное» заточить тарелочку свиных ножек — самое то!

— Я обычно предпочитаю другие виды мяса, — сказала леди Силачия.

— А если еще и с хлебушком, м-м-м… Неужели никогда не пробовали? Пальчики оближешь!

— Но это… наверное… не самая изысканная еда? — спросила леди Силачия.

— Да можно корочки срезать, и все, — сказал Шнобби. — И даже копытца не обсасывать. Если вы вся из себя такая леди.

Сержант Колон открыл глаза и застонал. Голова трещала. Кажется, его чем-то приложили. Возможно, стеной.

И не только приложили, но и связали — по

рукам и ногам.

Он лежал в темноте на деревянном полу. Пахло то ли салом, то ли маслом — запах до раздражения знакомый, но точно его определить не получалось.

Когда глаза привыкли к темноте, Колон разглядел тонюсенькую полоску света — как будто из-под двери. Откуда-то доносились голоса.

Он попробовал встать на колени и охнул: голова разболелась пуще прежнего.

Когда тебя связывают, в этом нет ничего хорошего. Конечно, когда тебя убивают — это еще хуже, но, возможно, тебя просто связали и отложили в сторонку, чтобы убить чуть попозже.

«Прежде такого не бывало», — подумал Колон. В старые добрые времена, застукав кого-то за воровством, стражники разве что дверь перед воришкой не придерживали, чтобы легче было сбежать. Зато оставались целы.

Он оперся на стену и на какой-то ящик и ухитрился встать на ноги. На общий расклад это особо не повлияло, но после того, как шум в голове утих, он смог неуклюже допрыгать до двери.

Из-за нее по-прежнему доносились голоса.

Судя по всему, в переплет попал не только сержант Колон.

— …шутки шутить? И за этим ты меня сюда позвал? В Страже есть вервольф! Ах-ха. Настоящий оборотень, не чета твоей швали. Кинешь монетку — она учует, что выпало!

— Может, убьем его и утащим тело?

— Думаешь, она не унюхает разницу между живым человеком и трупом?

Сержант Колон тихо застонал.

— А что, если мы уведем его подальше… В тумане все равно не видно…

— И страх она тоже учует, болван ты эдакий. Ах-ха. Ну что мешало пустить его внутрь? Что бы он такого заметил? Я этого стражника знаю. Старый трус, жирный, как свинья, и такой же тупой, ах-ха. От него вечно страхом несет.

Сержант Колон надеялся, что от него сейчас не понесет кое-чем еще.

— Пускай Мешуга с ним разберется, ах-ха.

— Точно? Он в последнее время сам не свой. Бродит по ночам и орет. А еще трескаться начал. Я так и знал, что этим глиняным остолопам нельзя доверять, ничего не могут сделать как следует…

— Конечно, нельзя, все это знают. Ах-ха. Проследи, чтобы все прошло как надо!

— Я слышал, что Ваймс…

— О Ваймсе можешь не беспокоиться!

Колон отодвинулся от двери — так бесшумно, как только мог. Он понятия не имел, что это за Мешуга такой, но одно было ясно: от него стоит держаться подальше.

Будь он посмекалистее, как Сэм Ваймс или капитан Моркоу, что бы он сейчас предпринял? Нашел бы какой-нибудь гвоздь и избавился от пут? Веревки были тонкие, тугие и больно врезались в запястья — не веревки даже, а скрученные нитки. Чем бы их перерезать…

Увы: порой люди, вопреки всякому здравому смыслу, неосмотрительно оставляют своих связанных врагов в помещениях, где нет ровным счетом никаких гвоздей, удобных острых камешков, осколков стекла и даже самых завалящих кусков железа, из которых можно было бы собрать полнофункциональную бронированную машину.

Он снова опустился на колени и пополз по полу. Сгодилась бы даже щепка. Или торчащий штырь. Или распахнутая настежь дверь с надписью «СВОБОДА». Колон был согласен на все.

Но довольствоваться ему пришлось крохотным светлым пятнышком на полу. Из ветхой деревяшки выпал сучок, и сквозь отверстие просачивался мутный оранжевый свет.

Колон согнулся и припал глазом к дырке. К несчастью, нос тоже оказался в непосредственной близости от нее.

Вонь была нестерпимая.

Кажется, внизу журчала вода — ну или, по крайней мере, какая-то жидкость.

Судя по всему, под ним бежал один из многочисленных ручьев, протекавших через город. Конечно, их уже несколько сотен лет как застроили и теперь использовали — если вообще использовали — как… Ну что люди испокон веков делают с чистой свежей водой? Заплевывают и загаживают. А этот ручей к тому же протекал под скотобойнями. Запах аммиака сверлом ввинчивался в ноздри.

И все же там, внизу, что-то светилось.

Колон задержал дыхание и снова заглянул в дырку.

В паре футов под ним виднелся крошечный плот. На нем было аккуратно уложено полдюжины крысиных тушек и горел огрызок свечи.

В поле зрения вплыла миниатюрная лодка. На дне ее лежала еще одна крыса, а на скамье сидел и греб…

— Двинутый Крошка Артур?

Человечек задрал голову.

— Это еще кто?

— Это я, Фред Колон, твой старый приятель! Ты мне не подсобишь?

— Чего ты там забыл?

— Меня связали и хотят убить! Почему тут так воняет?

— Это же Зацепильный ручей. Вся дрянь со скотобоен стекает прямехонько сюда. — Двинутый Крошка Артур ухмыльнулся. — Чувствуешь, как пробирает, да? Я Король Золотой Реки, и это мои владения!

— Так смешно, просто уписаться, — проворчал Колон. — Артур, меня убить хотят!

— Уписаться? Ха-ха, я смотрю, ты входишь во вкус!

Колон почувствовал, что у него мозг вскипает от напряжения.

— Я вышел на след тех мерзавцев, что травили твоих крыс, — наконец сказал он.

— Гильдия Крысоловов! — зарычал Артур, чуть не выронив весло. — Так и знал, что это они! Я же в этих местах и промышляю! Тут, внизу, полно дохлых крыс — жесткие уже стали, как подметка!

— Вот именно! И теперь мне надо сообщить имена всех этих подонков командору Ваймсу!

Лично! И чтобы все мои руки и ноги были на месте — у него с этим строго.

— Ты вообще просек, что сидишь на крышке люка? — спросил Артур. — Погоди минутку, никуда не уходи.

Он отгреб из поля зрения. Колон откатился от дырки. Некоторое время спустя в стене что-то заскреблось, а потом кто-то отвесил ему затрещину.

— Ай!

— А деньжат мне с этого перепадет? — спросил Двинутый Крошка Артур, поднимая повыше огарок свечи — совсем малюсенькой свечи, как с именинного пирога.

— А как же твой гражданский долг?

— Ясно, не перепадет, значит?

— Перепадет! Еще как перепадет! А теперь развяжи меня!

— Связали тебя какими-то нитками, — сказал Артур, переместившись к его запястьям. — Даже веревки приличной не нашлось.

Колон почувствовал, что снова может шевелить руками, хотя на запястья до сих пор давило.

— А где люк? — спросил он.

— Говорю же, прямо под тобой. Раньше в него что-то сбрасывали, но с виду уже век им не поль-

зовались. Нет, ну ты подумай, по всем подвалам мертвые крысы! Размером с твою башку, только в два раза дохлее! А я еще думал, чего это они в последнее время такие вялые?

С тихим звоном лопнула бечевка. Колон осторожно сел и попытался растереть онемевшие ноги.

— А других путей наружу нет? — спросил он.

— Для меня — полно. Для такого увальня, как ты, — фиг там плавал, — ответил Двинутый Крошка Артур. — Придется тебе искупаться.

— Ты что, хочешь меня сбросить… прямо туда?

— Да ты не боись, не утонешь.

— Уверен?

— Сто пудов. Разве что задохнешься. Слыхал поговорку — «по уши в дерьме и без весла»?

— Ну?

— Весла при тебе нет, как я вижу, — хмыкнул Двинутый Крошка Артур. — Это все из-за скотобоен. Сам понимаешь, если скотину запереть в тесном загоне, она нервничает.

— Еще как понимаю.

Снаружи что-то хрустнуло. Колон сделал усилие и поднялся на ноги.

Дверь открылась.

Дверной проем заполнила массивная фигура.

Свет бил ей в спину, так что был виден только силуэт — и два треугольных горящих глаза.

Тело Колона, во многих отношениях куда более разумное, чем голова, которую оно носило на плечах, решило все за него. Воспользовавшись адреналином, очень удачно впрыснутым в кровь, оно подпрыгнуло на несколько футов и приземлилось так, чтобы кованые ботинки Колона одновременно стукнулись о люк.

Вековая грязь и ржавый металл не выдержали такого удара.

Колон провалился под пол. К счастью, его телу хватило предусмотрительности, чтобы зажать нос, прежде чем плюхнуться в злополучный ручей.

— Чавк, — сказала жижа.

Многим, кто барахтается в воде, не хватает воздуха. Колону его тоже не хватало — но по другой причине. Ему страшно было представить, что будет, если он решит вдохнуть.

Он всплыл на поверхность — вернее, его вынесли туда газы, обильно выделяемые жижей. В нескольких футах от него раскачивался на волнах плотик Двинутого Крошки Артура. Свеча на плоту горела синим пламенем.

Кто-то прыгнул Колону на шлем и ударил в

него пятками, словно пришпоривал коня.

— Вперед и направо! А ну шевелись!

Колон то ли побрел, то ли поплыл по зловонному туннелю. Страх придавал ему сил. Потом он, конечно, потребует свое назад с процентами, но пока что Колон двигался вперед, рассекая волны, которые с чавканьем сходились за его спиной.

Он остановился, только когда над головой внезапно стало пусто и он понял, что выбрался наружу. Колон пошарил рукой в темноте, нащупал скользкие сваи причала и прильнул к ним, тяжело дыша.

— Что это была за тварь? — спросил Двинутый Крошка Артур.

— Голем, — прохрипел Колон.

Он ухватился за доски причала, попробовал подтянуться и плюхнулся обратно в воду.

— Эй, ты слышал? Это что за звук? — вдруг сказал Двинутый Крошка Артур.

Сержант Колон торпедой вылетел из воды, приземлился на причал и распластался по нему.

— А нет, показалось, — сказал Двинутый Крошка Артур.

— Слушай, друзья тебя тоже называют Двинутым Крошкой Артуром? — пробормотал Колон.

— Не знаю. У меня их нет.

— Удивительно, с чего бы это.

У лорда де Шноббса, в свою очередь, друзей теперь было полным-полно.

— Ну, вздрогнем! — воскликнул он. — Да не надо так дрожать, дамочка, я же не в прямом смысле!

Кто-то взахлеб расхохотался.

Шнобби стоял в самом центре толпы и улыбался до ушей. Он не помнил, когда последний раз так радовался жизни, не стянув штаны.

В дальнем углу гостиной бесшумно закрылась дверь. За ней, в уютной курительной комнате, несколько неизвестных расселись в кожаных креслах и выжидающе посмотрели друг на друга.

Наконец один из них сказал:

— Это феноменально. Поистине феноменально. У него и вправду есть кризма.

— В каком смысле?

— Он до того отвратителен, что это завораживает. Взять хотя бы эти его анекдоты… Вы заметили, как все просят рассказать еще и еще, потому что им самим не верится, что кто-то может так шутить в приличном обществе?

— Мне, кстати, понравился тот, что про теннис…

— А его манеры! Вы их заметили?

— Нет.

— Вот именно!

— И запах! Не забудьте про запах!

— Я бы даже не сказал, что он дурной. Скорее… своеобразный.

— И вообще, если постоять с ним рядом несколько минут, нос как-то привыкает, и…

— Словом, это сложно объяснить, но он чем-то привлекает людей.

— Как публичные казни.

Повисла задумчивая тишина.

— Он, кажется, добродушный, этот дурачок.

— Но не особо сообразительный.

— Дайте ему пинту пива и тарелку этих самых копытцев, которые он так живописал, — и он от счастья свиньей захрюкает.

— Довольно оскорбительное сравнение.

— Прошу прощения.

— Я знавал совершенно выдающихся свиней.

— Разумеется.

— Но я легко могу представить, как он попивает пиво, грызет копытца и свободной рукой подписывает королевские указы.

— Да, пожалуй. Хм. Как думаете, а читать он умеет?

— А это важно?

Снова повисла тишина, полная напряженного движения мысли.

Потом кто-то сказал:

— И еще кое-что… О будущем его династии можно не беспокоиться. Наследника мы выберем сами.

— Почему вы так думаете?

— А вы представляете себе принцессу, которая согласится выйти за него замуж?

— Ну-у… принцессам, как известно, даже лягушек приходилось целовать…

— Лягушек-то ладно.

— И, конечно, королевская власть — очень мощный афродизиак…

— Настолько мощный?

Все снова ненадолго притихли.

— Ну да, пожалуй, не настолько.

— Он отлично подойдет.

— Идеально.

— Спасибо Дракону. Не может же вдруг оказаться, что этот болван и в самом деле граф?

— Ну что, право, за глупости.

Шелли Задранец сидела на высоком табурете за столом и чувствовала себя не в своей тарелке. Хотя от нее всего-то и требовалось, что отмечать в

журнале патрули, которые приходили со смены.

Несколько человек удивленно на нее посмотрели, но ничего не сказали, и она уже было успокоилась, как вдруг в штаб-квартиру вошли четверо гномов, которые патрулировали Королевский проезд.

Они уставились на Шелли. И на ее уши.

Потом они опустили глаза. В Анк-Морпорке никому и в голову не приходило приделывать к столам заднюю стенку из соображений целомудрия. Посмотрев под стол, можно было увидеть разве что нижнюю половину сержанта Колона. По совести говоря, было немало причин скрывать ее от чужих глаз, но чего-чего, а угрозы для целомудрия она точно не представляла.

— Это ведь… женская одежда, да? — спросил один из гномов.

Шелли сглотнула. Ну почему они заявились сейчас, когда Ангвы, как назло, нет рядом? Ее улыбка творила чудеса — она на всех действовала успокаивающе.

— Ну и что? — дрожащим голосом спросила она. — Что такого? Хочу и ношу.

— А эти штуки… в ушах…

— Ну?

— Просто… моя матушка никогда бы… тьфу,

гадость! Да еще и на публике! А если сюда дети зайдут?

— Даже лодыжки торчат! Не стыдно? — спросил второй гном.

— Я буду жаловаться капитану Моркоу! — сказал третий. — Не думал, что доживу до этого дня!

Двое из гномов гневно потопали в раздевалку. Третий поспешил за ними, но, поравнявшись со столом, задержался. Глаза у него блестели.

— Э… э… красивые лодыжки, — выдавил он и убежал.

Четвертый гном дождался, пока остальные уйдут, и робко приблизился к столу.

Шелли всю трясло.

— Попробуй только что-то сказать про мои ноги! — рявкнула она и погрозила пальцем.

— Э-э-э… — Гном быстро огляделся и наклонился поближе. — А это у тебя… помада, да?

— Да! И что с того?

— Э-э-э… — Гном наклонился еще ближе, снова огляделся, на этот раз заговорщически, и прошептал… вернее, прошептала: — Дашь попробовать?

Ангва и Моркоу шли сквозь туман и молчали. Разве что Ангва время от времени сухо командовала: «Направо» или «Налево».

Потом она остановилась. До сих пор запах Дор-

фла — вернее, отчетливый запах лежалого мяса и коровьих лепешек — вел их напрямую к бойням.

— Он свернул вот в этот переулок, — сказала Ангва. — Но это же совсем не по пути. И ускорил шаг… а еще тут сильно пахнет людьми и… сосисками?

Моркоу перешел на бег. Когда где-то собиралось много людей и пахло сосисками, это означало, что на подмостках Анк-Морпорка скоро разыграется очередная сценка из уличной жизни.

В переулке столпился народ. Он явно толпился там уже какое-то время, потому что в задних рядах маячила знакомая фигура с лотком. Фигура отчаянно вытягивала шею, чтобы разглядеть, что же там такое происходит.

— Что случилось, господин Достабль? — спросил Моркоу.

— О, приветствую, кэп. Тут голема поймали.

— Кто поймал?

— Да просто какие-то ребята. Вот только что молоты принесли.

Перед Моркоу стояла плотная стена тел. Он выставил перед собой руки, вклинился между двух зевак, а потом оттеснил их в стороны. Толпа, ворча и охая, расступалась перед ним, как водоем перед бывалым пророком.

Дорфла приперли к стенке. К нему осторожно приближались трое детин с молотами. Как в любой уличной заварушке, никто не хотел наносить первый удар, опасаясь, что второй прилетит прямо ему в голову.

Голем пригнулся и заслонился табличкой, на которой было написано:

Я СТОЮ 530 ДОЛЛАРОВ.

— Ну конечно! — сказал ближайший детина. — У вас одни деньги на уме!

Табличка вдребезги разбилась под ударом молота.

Детина снова замахнулся — и чуть не кувыркнулся назад, когда не смог сдвинуть молот с места.

— Конечно, у них одни деньги на уме. У них же ничего нет, кроме цены, — спокойно сказал Моркоу и вырвал молот из рук у детины. — Ты что это творишь, приятель?

— Ты не вправе нас останавливать! — промямлил тот. — Все знают, что они неживые!

— Зато я *вправе* арестовать тебя за умышленную порчу имущества, — сказал Моркоу.

— Один из них прикончил того священника!

— Прошу прощения? — переспросил Моркоу. — Если они неживые, как же они могут совершить

убийство? Вот меч, к примеру, неживой, — он вытащил из ножен меч; сталь взрезала воздух с почти шелковым шелестом, — и уж конечно, ты не будешь винить меч, если кто-то его в тебя вонзит.

Детина свел глаза в кучку, неотрывно глядя на острие меча.

Ангва давно знала Моркоу, но до сих пор поражалась. Он не угрожал этому парню. У него такого и в мыслях не было. Меч просто служил ему… аргументом. Очень увесистым. Только и всего. Моркоу очень бы удивился, узнав, что это можно воспринять как-то иначе.

«Только очень непростой человек может быть таким простаком», — подумала она.

Детина нервно сглотнул.

— С этим не поспоришь, — сказал он.

— Да, но… им нельзя доверять, — сказал другой молотобоец. — Они вечно всюду шарятся и помалкивают. Кто знает, что они замышляют?

Он пнул Дорфла. Тот слегка качнулся.

— Тише, тише, — сказал Моркоу. — Это я и пытаюсь выяснить. А вас тем временем попрошу разойтись…

Третий здоровяк, который только недавно приехал в город, воспринял слова Моркоу как

руководство к действию.

Он вызывающе поднял молот и открыл было рот, чтобы сказать: «Сейчас как разойдусь!», но замер, когда услышал над ухом рычание. Рычание было очень тихое, почти неслышное, но какие-то его обертона проникали прямо в позвоночник и нажимали там на древний рычаг под названием «первобытный ужас».

Здоровяк повернул голову. Миловидная девушка в доспехах Стражи дружелюбно ему улыбнулась. То есть приподняла уголки рта, обнажив зубы.

Он уронил молот себе на ногу.

— Вот и славно, — сказал Моркоу. — Я всегда говорил, что добрым словом и улыбкой можно добиться большего, чем просто добрым словом.

Собравшиеся посмотрели на него с тем выражением, с каким люди всегда смотрели на Моркоу, когда осознавали невероятное: он и вправду верит в то, что говорит. Это осознание действовало на всех совершенно ошеломляюще.

Толпа развернулась и поспешила прочь из переулка.

Моркоу повернулся к голему, который стоял на коленях и пытался собрать осколки своей таблички.

— Пойдем, Дорфл, — сказал он. — Мы тебя проводим.

— Вы что, рехнулись? — спросил Крюк и попытался захлопнуть дверь. — Думаете, он мне после такого нужен?

— Этот голем — ваша собственность, — сказал Моркоу. — Его пытались разбить.

— Вот пусть бы и разбили, — сказал мясник. — Вы что, не слышали, о чем весь город говорит? Таким, как он, под моей крышей не место!

Он снова попытался закрыть дверь, но Моркоу подставил ногу.

— Тогда я буду вынужден обвинить вас в правонарушении, — сказал Моркоу. — А именно в загрязнении улиц.

— Да вы шутите, что ли?

— Я никогда не шучу, — сказал Моркоу.

— Никогда, — подтвердила Ангва.

Крюк яростно замахал руками.

— Пускай проваливает на все четыре стороны. Мне на бойнях только убийцы не хватало! Забирайте его себе, раз вы так за него трясетесь!

Моркоу взялся за дверь и с усилием распахнул ее. Крюк попятился.

— Вы пытаетесь подкупить стража закона, господин Крюк?

— Вы вообще в своем уме?

— Я всегда в своем уме, — сказал Моркоу.

— Всегда, — со вздохом подтвердила Ангва.

— Страже запрещено принимать подарки, — сказал Моркоу. Он обернулся и посмотрел на голема, который, понурившись, стоял посреди улицы. — Но я могу его купить. По разумной цене.

Крюк перевел взгляд с Моркоу на голема и обратно.

— Купить? За деньги?

— Да.

Мясник пожал плечами. Когда тебе кто-то предлагает деньги, не время сомневаться в его здравомыслии.

— Ну, это уже другое дело, — уступил он. — Покупал я его за пятьсот тридцать долларов, но, конечно, он с тех пор кое-чему научился…

Ангва зарычала. Вечер и так выдался не из легких, к тому же запах свежего мяса дразнил ноздри.

— Ты же только что чуть даром его не отдал!

— И отдал бы, но сделка есть сдел…

— Я заплачу вам доллар, — сказал Моркоу.

— Доллар? Да это же грабеж средь бела дня…

Ангва не выдержала и схватила его за горло.

Под кожей у мясника пульсировали вены, от него пахло кровью и страхом… Ангва попыталась думать о капусте.

— Какого еще дня? Темень на дворе, — прорычала она.

Крюк, как и детина в переулке, решил довериться инстинктам.

— Доллар, — прохрипел он. — Хорошо. Отличная цена. Один доллар.

Моркоу достал доллар. И помахал блокнотом.

— Обязательно нужна расписка, — сказал он. — Чтобы передать права собственности, как положено по закону.

— Ладно-ладно. Я только за.

Крюк в отчаянии покосился на Ангву. В ее улыбке было что-то настораживающее. Он торопливо накарябал несколько строчек.

Моркоу заглянул ему через плечо.

Я Герхардт Крюк атдаю галема Дорфла ва владение абладатилю сей расписки в абмен на Адин Долар и все што он атныни сделаит на ево совести а я тут ни при чем.

Подпись: Герхардт Крюк

— Формулировки не самые типичные, но, ка-

жется, все по закону, — сказал Моркоу и забрал расписку. — Большое спасибо, господин Крюк. Здорово, что мы пришли к взаимовыгодному соглашению.

— Это все? Я могу идти?

— Да, конечно, и…

Дверь мгновенно захлопнулась.

— Браво, — сказала Ангва. — Теперь у тебя есть голем. Ты понял, да, что все, что он отныне сделает, на твоей совести?

— Если это так, почему же люди мстят големам, а не их хозяевам?

— Но на что он тебе сдался?

Моркоу задумчиво посмотрел на голема, который стоял, уставившись себе под ноги.

— Дорфл!

Голем поднял голову.

— Держи расписку. Тебе больше не нужен хозяин.

Голем взял листок бумаги двумя толстыми пальцами.

— Это значит, что ты теперь сам себе принадлежишь, — приободрил его Моркоу. — Сам себе хозяин.

Дорфл пожал плечами.

— А ты чего ждал? — спросила Ангва. — Что он

запляшет от радости?

— Не думаю, что он меня понял, — сказал Моркоу. — Нужно время, чтобы втемяшить ему в голову эту мысль… — Он вдруг осекся.

И вынул бумажку из безвольных пальцев Дорфла.

— Может, и сработает, — сказал он. — Это, конечно, грубоватое вторжение. Но слова они понимают лучше всего…

Он приподнялся на мыски, открыл Дорфлу голову и бросил в нее бумажку.

Голем моргнул. Другими словами, его глаза погасли, а потом снова зажглись. Он медленно поднял руку и похлопал себя по макушке. Потом поднял другую руку и поворочал кистью, как будто впервые ее видел. Посмотрел под ноги, оглядел дома, теряющиеся в тумане. Перевел взгляд на Моркоу. На тучи, клубящиеся над головой. Снова на Моркоу.

А потом он очень медленно, не сгибая спины, завалился назад и шумно бухнулся на мостовую. Свет у него в глазах погас.

— Ну вот, — сказала Ангва. — Теперь он сломался. Пойдем уже, а?

— Я все еще вижу слабенький огонек, — сказал Моркоу. — Наверное, это слишком сильное

потрясение для него. Нельзя его тут оставлять. Может, если я выну расписку…

Он склонился над големом и потянулся к щели на его лбу.

Дорфл среагировал молниеносно. Только что его рука лежала без движения — а теперь она сжимала Моркоу за запястье.

— Ага, — сказал Моркоу и осторожно высвободил руку. — Ему явно… полегчало.

— Шсссссс, — сказал Дорфл. Его голос будто дрожал в тумане.

У големов был рот. Его вылепливали для красоты. Но у этого голема рот открылся, и показалась тонкая полоска света.

— О боги, — сказала Ангва и попятилась. — Но они же не умеют говорить!

— Шсссссс!

То, что вырывалось у голема изо рта, больше напоминало шипение пара, чем какой-то осмысленный звук.

— Погоди, тут где-то валялся осколок таблички… — начал Моркоу, лихорадочно озираясь.

— Шсссссс!

Дорфл поднялся на ноги, мягко оттеснил его с дороги и зашагал прочь.

— Ну что, доволен? — спросила Ангва. — Я за

этим умалишенным не побегу. Может, он в реку пошел кидаться!

Моркоу попытался было догнать удаляющуюся фигуру, но через несколько шагов остановился и вернулся назад.

— За что ты их так ненавидишь? — спросил он.

— Ты не поймешь. Нет, правда не поймешь, — сказала Ангва. — Они… нелюди. И самим своим существованием все время мне напоминают, что я тоже не человек.

— Но ты человек!

— Три недели из четырех. Знаешь, как это мучительно, — когда ты вечно таишься ото всех, а такие, как они, расхаживают, ничего не боясь? Они даже не живые. Но они бродят себе по городу, и никто при них не отпускает шуточки про серебро или чеснок… ну, до недавних пор так и было. Они же просто машины!

— Обращаются с ним как с машинами, это точно, — сказал Моркоу.

— Опять ты за свое! — огрызнулась Ангва. — Весь такой рассудительный, такой всепонимающий! Можешь хоть раз в жизни побыть предвзятым?

Прием был в разгаре, но Шнобби на минуту

оставили в покое, так что он протиснулся к буфету, растолкав по пути официантов, и сейчас ножичком отскребал от миски остатки еды.

— О, лорд де Шноббс, это вы! — произнес кто-то позади него.

Шнобби обернулся.

— Здорово, — сказал он, облизал нож и вытер его о скатерть.

— Вы заняты, милорд?

— Да не особо. Хочу вот намазать себе бутерброд с мясной пастой, — ответил Шнобби.

— Это фуа-гра, милорд.

— Вот как она называется, значит? На вкус ничего, но говюжья намазка из трактиров пожирнее будет. Перепелиное яйцо хочешь? Мелковаты, правда, но есть можно!

— Нет, благодарю…

— Да налетай, их тут навалом, — расщедрился Шнобби. — И все на халяву. Платить не надо!

— И тем не менее…

— Я могу засунуть в рот сразу шесть штук. Смотри…

— Я впечатлен, милорд. И все же хотел спросить: не соблаговолите ли вы присоединиться к нам в курительной комнате?

— Фгмф? Мфгмф фгмф мгфыф?

— Совершенно верно. — На плечо Шнобби легла рука, и его дружелюбно, но твердо увели от буфета — хотя он все-таки успел прихватить с собой тарелку куриных окорочков. — Там многие желают с вами побеседовать…

— Мгффмх?

Сержант Колон попробовал отмыться, но отмываться водой из Анка — нетривиальная задача. В лучшем случае можно уповать на то, что станешь равномерно серым.

Фред Колон, менее умудренный опытом, чем Ваймс, пока не преисполнился такого же философского отчаяния. Мир глазами Ваймса выглядел как скопище беспорядочно движущихся элементов, и любые попытки найти в этом хаосе систему были обречены на провал, Колон же, обладатель куда более оптимистичной натуры и куда менее живого ума, до сих пор находился на стадии поиска улик.

Почему его связали такими тонкими нитками? Он до сих пор давил на лодыжки и запястья.

— Ты случайно не знаешь, что это за место-то было? — спросил он.

— Ты ж сам туда зашел, — сказал Двинутый Крошка Артур, который семенил рядом с ним. — Не видел, что ли, куда лезешь?

— Ну, темень стояла, и туман, и я как-то внимания не обратил. А потом раз — и вляпался.

— Вляпался, ха-ха! Это ты точно подметил!

— Не дури голову. Где я оказался?

— А я откуда знаю? — буркнул Двинутый Крошка Артур. — Я охочусь себе под бойнями, а на то, что там наверху творится, мне плевать. Меня крысы волнуют, а откуда они прибежали — неважно. Я ж говорю, у нас туннели по всему городу.

— А нитяной фабрики там случайно нет?

— Не. Там всякие, эти самые, животные продукты. Сосиски, мыло, все такое. Что ты там насчет деньжат говорил?

Колон похлопал себя по карманам. Карманы захлюпали.

— Придется тебе сходить со мной в штаб-квартиру Стражи.

— У меня тут дела, между прочим!

— Тогда временно рекрутирую тебя в отряд особого назначения, — объявил Колон.

— А сколько платишь?

— Доллар за ночь.

Глаза Двинутого Крошки Артура блеснули. Красным светом.

— Ну у тебя и видок, — сказал Колон. — И чего это ты на мое ухо уставился?

Двинутый Крошка Артур не ответил.

Колон обернулся.

Позади него стоял голем. Он был выше всех големов, которые попадались на глаза Колону, и куда лучше сложен — не грубо вылепленный истукан, а настоящая статуя, красивая особой холодной красотой. А глаза у него сверкали, как два красных прожектора.

Голем воздел кулак и открыл рот. Оттуда тоже полился красный свет.

Потом он взревел, как бык.

Двинутый Крошка Артур пнул Колона в лодыжку.

— Бежать будем или как? — спросил он.

Колон попятился, не сводя глаз с голема.

— Ничего… ничего, они медленно ходят… — пробормотал он.

А потом тело в который раз оказалось разумнее мозга. Оно отчаянно посигналило ногам, и те сорвались с места и понесли Колона прочь.

На бегу он отважился оглянуться. Голем бежал за ним огромными размеренными шагами.

Двинутый Крошка Артур поравнялся с Колоном.

Сержант Колон привык ходить медленно и степенно. Он всегда говорил, что не создан для

высоких скоростей.

— Он нас все равно догонит! — просипел он на бегу.

— Главное, чтоб тебя догнал первым, — отозвался Двинутый Крошка Артур. — Сюда!

Перед ними был склад, и на его крышу вела старая деревянная лестница. Коротышка взбежал по ней с проворностью крысы. Колон, пыхтя как паровоз, последовал за ним.

На полпути он остановился и обернулся.

Голем как раз добрался до лестницы. Он осторожно попробовал ногой нижнюю ступеньку.

Скрипнуло дерево, и вся ветхая лестница содрогнулась.

— Она такую махину не выдержит! — сказал Двинутый Крошка Артур. — Провалится к чертям, вот увидишь! Так ему!

Голем сделал еще шаг. Дерево застонало.

Колон взял себя в руки и поспешил наверх.

Внизу голем, похоже, пришел к выводу, что лестница его все-таки выдержит, и заскакал с одной ступеньки на другую. Перила задрожали, и вся лестница заходила ходуном.

— Давай шевелись! — крикнул Двинутый Крошка Артур, который уже добрался до верха. — Он тебе уже на пятки наступает!

Голем прыгнул. Лестница рухнула. Колон успел схватиться за край крыши и тяжело стукнулся о стену.

Где-то внизу деревяшки загремели о мостовую.

— Ну давай, подтягивайся, дурень! — поторопил Двинутый Крошка Артур.

— Не могу, — сказал Колон.

— Это еще почему?

— Он висит на моей ноге…

— Сигару, ваше лордство?

— Бренди, милорд?

Лорд де Шноббс с наслаждением откинулся в кресле. Его ноги едва доставали до пола. Бренди и сигары, ну поди ж ты! Вот это жизнь! Он глубоко затянулся.

— Мы как раз обсуждали, милорд, кто в будущем возьмет на себя бразды правления, раз уж здоровье Витинари так ослабло…

Шнобби кивнул. Именно такие разговоры вели между собой большие шишки. Именно для этого он и был рожден.

От бренди по телу разливалось приятное тепло.

— Равновесие в городе и без того хрупкое, а если мы сейчас будем искать нового патриция, оно точно нарушится, — раздался голос из другого

кресла. — Как вы полагаете, лорд де Шноббс?

— А то. Гильдии мигом сцепятся, как пауки в банке, — авторитетно заявил Шнобби. — Ясное дело.

— Как вы все блестяще резюмировали, милорд!

Из других кресел одобрительно забормотали.

Шнобби разулыбался. О да. Такая жизнь как раз по его мерке. Вовсю шишковать с другими шишками, разговаривать всякие важные разговоры, вместо того чтобы оправдываться за опустевшую копилку… Совсем другое дело.

Очередное кресло спросило:

— Да и есть ли среди глав гильдий те, кому по силам такая задача? Торговлю в нескольких лавках они наладить могут, но управлять целым городом… Не думаю. Возможно, господа, пришла пора избрать новый путь. Возможно, крови пришла пора явить себя.

Кучеряво выражается, подумал Шнобби, но, видать, в высших кругах так и положено.

— В такие времена, — сказало кресло, — город наверняка в надежде обратит свой взор на представителей самых почтенных родов. И если один из них согласится взвалить на себя эту ношу, это будет в наших общих интересах.

— Я бы решил, что у этого чудака с башкой не лады, — сказал Шнобби. Он отхлебнул еще бренди и с чувством взмахнул сигарой. — Но вы не волнуйтесь, — добавил он. — Все знают, что у нас тут под боком король околачивается. Пошлите за капитаном Моркоу — и дело в шляпе.

Над городом в клубах тумана ворочался очередной вечер.

Когда Моркоу вернулся в штаб-квартиру, капрал Задранец скорчила многозначительную гримасу и глазами указала на скамью, где сидело трое угрюмых посетителей.

— Они хотят видеть кого-нибудь из старших офицеров! — прошептала она. — Но сержант Колон еще не вернулся, а к Ваймсу я стучалась, но его, кажется, нет на месте.

Моркоу изобразил приветливую улыбку.

— Добрый вечер, госпожа Лада, — сказал он. — Господин Боггис… Доктор Низз… Прошу прощения. У нас в последнее время полно работы: тут и отравление, и эта чехарда с големами…

Глава Гильдии Убийц тоже улыбнулся — одними губами.

— Об отравлении мы и пришли поговорить, — сказал он. — Можем мы где-нибудь уединиться?

— Можно в столовой, например, — сказал Мор-

коу. — Сейчас уже поздно, так что там никого. Сюда, пожалуйста…

— А вы тут неплохо обустроились, — заметила госпожа Лада. — Столовая, ну надо же…

Она переступила порог и замерла.

— Неужели люди здесь *едят*? — спросила она.

— В основном жалуются на дрянной кофе, — ответил Моркоу. — И пишут рапорты. Командору Ваймсу по душе отчетность.

— Капитан Моркоу, — твердо сказал доктор Низз, — мы должны обсудить с вами прискорбное… На что это я такое сел?

Моркоу поспешно смахнул крошки со стула.

— Простите, сэр, у нас сейчас толком не хватает времени на уборку…

— Ничего, ничего.

Глава Гильдии Убийц сложил вместе ладони и склонился к нему.

— Капитан Моркоу, мы пришли, чтобы обсудить трагическое отравление лорда Витинари.

— Вам бы лучше с командором Ваймсом поговорить…

— Я полагаю, что командор Ваймс в вашем присутствии не раз пренебрежительно отзывался о лорде Витинари, — сказал доктор Низз.

— «Его бы повесить, да только он вывернется из

петли» — вы такие фразы имеете в виду? — спросил Моркоу. — О да, так он говорил, конечно. Но так все говорят.

— И вы тоже?

— Ну… нет, — признал Моркоу.

— И я верно понимаю, что он лично взялся расследовать его отравление?

— Верно. Но…

— Вам не кажется это странным?

— Нет, сэр. Если подумать, в этом нет ничего удивительного. Мне кажется, Витинари ему даже по-своему симпатичен. Ваймс как-то сказал, что если патриция когда-нибудь убьют, пусть лучше он сам это сделает.

— Неужели?

— Но он это сказал с улыбкой. Ну… с усмешкой по крайней мере.

— Он, э, каждый день посещает его сиятельство, так ведь?

— Да, сэр.

— И все его усилия по поиску отравителя пока что ни к чему не привели?

— Не совсем так, сэр, — сказал Моркоу. — Мы обнаружили множество способов, которыми Витинари не могли отравить.

Низз кивнул своим спутникам.

— Мы бы хотели осмотреть кабинет командора, — сказал он.

— Не уверен, что… — начал Моркоу.

— Подумайте хорошенько, — сказал доктор Низз. — Мы действуем от имени большинства городских гильдий. Мы считаем, что у нас есть все основания осмотреть его кабинет. Вы, конечно же, составите нам компанию — чтобы убедиться, что мы не делаем ничего незаконного.

— Ну… если я буду с вами… — неуверенно проговорил Моркоу.

— Конечно, конечно, — сказал Низз. — Надо соблюсти процедуру.

Моркоу проводил их к кабинету Ваймса.

— Я даже не знаю, у себя он или нет, — сказал он, открывая дверь. — Как я уже говорил, у нас… ох.

Низз выглянул из-за его спины и увидел обмякшую фигуру, уронившую голову на стол.

— Похоже, сэр Сэмюэль все-таки у себя, — сказал он. — Хотя и не в себе.

— Я даже отсюда чувствую запах спиртного, — сказала госпожа Лада. — Ужас, до чего пьянство доводит людей!

— Целая бутылка «МакАбра», — заметил господин Боггис. — Везет же кому-то!

— Но он целый год и капли в рот не брал! —

воскликнул Моркоу и потряс за плечо Ваймса, распростертого на столе. — Он ходит на специальные собрания и все такое!

— Ну-ка, посмотрим, что тут у нас… — сказал доктор Низз.

Он выдвинул один из ящиков стола.

— Капитан Моркоу! — позвал он. — Вы можете засвидетельствовать, что здесь находится пакет с каким-то подозрительным порошком? Чтобы я…

Рука Ваймса стремительно захлопнула ящик, прищемив доктору Низзу пальцы. Выставленный локоть врезался главе Гильдии Убийц в живот, а когда Низз согнулся, то со всего размаху влетел носом в сжатый кулак.

После этого Ваймс открыл глаза.

— Что такое? Что за шум? — спросил он и поднял голову. — Доктор Низз? Господин Боггис? Моркоу? Хм?..

— Фто? Фто? — переспросил Низз. — Да фы мне ноф фломали!

— Как же так! Прошу прощения, — сказал Ваймс, всем своим видом излучая озабоченность. Он резко отодвинул кресло, заодно пребольно ударив Низза его ручкой ниже пояса, и встал. — Боюсь, я задремал, а когда проснулся и обнаружил, что кто-то пытается обворовать…

— Да вы же пьяны в стельку! — воскликнул господин Боггис.

Ваймс окаменел.

— Разве? Четыре черненьких чумазеньких чертенка, — выплюнул он и толкнул Боггиса в грудь, — чертили черными чернилами чертеж! Мне продолжать? — Он еще пару раз толкнул Боггиса, пока не припер его к стенке. — Или черт с ними со всеми?

— А фто наффет этофо? — прокричал Низз, одной рукой прикрывая разбитый нос, а другой указывая на пакет.

Ваймс обернулся к нему с безумной ухмылкой.

— Ах, этого, — сказал он. — Подловили меня, подловили. Это ужасно опасная штука.

— Ага, сознаешься!

— Именно. И, кажется, у меня нет выбора, кроме как избавиться от свидетельств… — Ваймс схватил пакет, разорвал и высыпал почти все содержимое себе в рот.

— Ммм, — протянул он, тщательно пережевывая порошок. — Так приятно на языке пощипывает, вы бы знали!

— Но это же мышьяк, — сказал Боггис.

— Да что вы говорите! — воскликнул Ваймс и сглотнул. — Невероятно! Есть у меня один гном,

хитрый маленький шельмец, так он вечно возится с какими-то колбами и трубками, чтобы определить, мышьяк перед ним или нет. А вы, оказывается, на глаз его распознаете! Давайте я вам передам дело? И вещдоки заодно.

Он кинул Боггису надорванный пакет, но вор отшатнулся, и пакет упал. Содержимое веером рассыпалось по полу.

— Прошу прощения, — сказал Моркоу. Он присел и пригляделся к порошку.

Считается, будто стражники могут определить любое вещество, просто понюхав его, а затем осторожно взяв на палец и попробовав, но в Страже от этой практики отказались с тех самых пор, как констебль Кремень обмакнул палец в контрабандную смесь нашатыря с радием, сказал: «Да, это определенно Шлак, бубль-губль-чпок», а потом три дня провел привязанным к кровати, пока пауки не оставили его в покое.

И все же Моркоу сказал:

— Уверен, что это не яд.

Он взял на палец немного порошка, лизнул его и заключил:

— Это сахар.

Низз, изрядно подрастерявший хладнокровие, ткнул пальцем в Ваймса.

— Вы же сказали, что этот порошок ужасно опасен! — завопил он.

— Конечно, опасен! Знаете, что он с зубами делает, если много его есть? — взревел Ваймс. — А вы думали, это что?

— Нас известили… — начал Боггис.

— Ага, конечно, известили! Слышал, капитан? Их известили! Значит, им теперь все можно!

— Мы действовали из лучших побуждений, — сказал Боггис.

— Давайте-ка проверим, — сказал Ваймс. — Вас известили о том, что Ваймс валяется у себя в кабинете пьяный как сапожник, а в столе у него пакет мышьяка? И у вас, конечно же, сразу появились лучшие побуждения?

Госпожа Лада прокашлялась.

— Ну ладно, это зашло слишком далеко. Вы правы, сэр Сэмюэль, — сказала она. — Нам всем отправили записку. — Она передала Ваймсу листочек бумаги, исписанный заглавными буквами. — И, как я вижу, нас ввели в заблуждение, — добавила она, гневно покосившись на Боггинса и Низза. — Примите мои извинения. Пойдемте, господа.

Она выскользнула за дверь. Боггис поспешил за ней.

Низз осторожно потрогал разбитый нос.

— Какую мы назначили цену за вашу голову, сэр Сэмюэль? — спросил он.

— Двадцать тысяч долларов.

— Серьезно? Думаю, ее непременно нужно повысить.

— Рад слышать. Придется раскошелиться на новый капкан.

— Я, э, вас провожу, — сказал Моркоу.

Когда он прибежал обратно, Ваймс высунулся в окно и ощупывал стену.

— Все кирпичи на месте, — пробормотал он. — Вся черепица цела… а в приемной весь день дежурили. Чудеса, да и только.

Он пожал плечами, снова отошел к столу и поднял с него записку.

— Не думаю, что мы здесь найдем какие-то улики, — сказал он. — Слишком много жирных пальцев хватало эту бумажку. — Он положил записку и перевел взгляд на Моркоу. — Когда мы найдем того, кто все это устроил, — сказал он, — я впишу в список обвинений: «Вынудил командора Ваймса вылить на ковер бутылку односолодового». Да за такое и повесить мало.

Его передернуло. Иногда, конечно, приходится идти на жертвы, но не на такие же!

— Это просто возмутительно! — сказал Моркоу. — Как им в голову могло прийти, что вы способны отравить патриция?

— Меня вот оскорбляет, что меня держат за идиота, который хранит яд в собственном столе, — сказал Ваймс, закурив сигару.

— Согласен, — сказал Моркоу. — Какой дурак спрячет доказательство там, где его кто угодно сможет найти?

— Именно, — подтвердил Ваймс и откинулся в кресле. — Потому-то я и сунул его к себе в карман.

Он положил ноги на стол и выпустил облачко дыма.

Надо будет избавиться от ковра. А не то до конца жизни придется работать в кабинете, где витает неупокоенный дух безвременно почившего виски.

Моркоу все еще стоял с разинутым ртом.

— Ох, боги всемогущие, — сказал Ваймс. — Слушай, тут все просто. Предполагалось, что я закричу: «Алкоголь! Наконец-то!» — и налакаюсь до беспамятства. А потом всякие уважаемые люди, столпы общества, — он вынул изо рта сигару и сплюнул, — обнаружат меня, да еще в твоем присутствии — это они, кстати, здорово

придумали, — и заодно найдут у меня в кабинете доказательства преступления, спрятанные, но не слишком тщательно. — Он грустно покачал головой. — Беда в том, парень, что от некоторых привычек так просто не отделаешься.

— Но вы здорово держитесь, сэр, — сказал Моркоу. — Вы вот уже год ни капли…

— А, ты об этом, — сказал Ваймс. — Да нет, я не про спиртное, я про работу в Страже. От пристрастия к виски тебя кто хочешь вылечит, но никто не устраивает встречи, где можно встать и признаться: «Меня зовут Сэм, и я чертов параноик».

Он достал из кармана второй бумажный пакет.

— Надо будет Задранцу показать, — сказал он. — Я это пробовать не собирался, нет уж, спасибо. А потому заскочил в столовую и насыпал в пакет сахара. Шнобби столько бычков в сахарницу накидал, что я их целый час выковыривал.

Он открыл дверь, высунул голову в коридор и крикнул:

— Задранец!

А потом добавил, обращаясь к Моркоу:

— Знаешь, я аж взбодрился. Ржавые шестеренки наконец-то заворочались. Ты же помнишь, что убийства совершил голем?

— Да, сэр.

— Но знаешь, чем этот голем примечателен?

— Не представляю, сэр, — сказал Моркоу, — за вычетом того, что он новый. Думаю, големы сами его слепили. Но им нужен был священник, чтобы написать шхему, а еще печь для обжига. Думаю, и отцу Трубчеку, и господину Хопкинсону было интересно в этом поучаствовать. Они же историки, в конце концов.

Теперь настала очередь Ваймса застыть с разинутым ртом.

Наконец он взял себя в руки.

— Да, да, конечно, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это все очевидно. Просто, как дважды два. Но… э… ты догадался, чем он еще примечателен? — добавил он со скрытой надеждой.

— Вы о том, что он сошел с ума, сэр?

— Ну, големы и раньше не были образцами здравомыслия! — заметил Ваймс.

— Я к тому, что его свели с ума, сэр. Другие големы. Они не хотели, но иначе и быть не могло, сэр. Они очень многого от него ждали. Для них он был все равно что… ребенок, что ли. Они на него возложили все свои мечты, все надежды. А когда узнали, что он убивает людей… ну, для голема это страшное преступление. Они не должны убивать,

а теперь их родная глина такое вытворяет…

— Людям, знаешь ли, я бы тоже не советовал это делать.

— Но они все свое будущее связывали с ним…

— Вы меня звали, командор? — спросила Шельма.

— Да-да. Это мышьяк? — спросил Ваймс и протянул ей пакет.

Шельма принюхалась.

— Возможно, мышьяковистая кислота, сэр. Надо будет проверить.

— Я всегда думал, что кислота — это что-то жидкое, — сказал Ваймс. — Э… а что это у тебя на ногтях?

— Лак, сэр.

— Лак?

— Да, сэр.

— Хм… ну ладно. Странно, мне казалось, что он должен быть зеленым.

— Зеленый мне не идет, сэр.

— Я про мышьяк, Задранец.

— А, мышьяк может быть какого угодно цвета, сэр. Сульфиды — это такие минералы, сэр, — бывают красные, коричневые, желтые, серые. А если их нагреть с селитрой, получится мышьяковистая кислота, сэр. И большое облако вонючего

дыма, очень вредного.

— Опасная штука, — заметил Ваймс.

— Еще какая, сэр. Но важная, — сказала Шельма. — Дубильщики, красильщики, маляры… Мышьяк не только отравителям нужен.

— Даже странно, что люди не падают от него замертво на каждом углу, — сказал Ваймс.

— О, большинство из них поручает работу големам, сэр…

Эхо ее слов осталось висеть в воздухе, даже когда Шельма умолкла.

Ваймс поймал на себе взгляд Моркоу и принялся тихонько насвистывать. «Вот оно, — подумал он. — У нас накопилась такая груда вопросов, что с вершины этой груды до ответов рукой подать».

Таким живым он уже давно себя не чувствовал. Кровь все еще бурлила после недавней встряски, заставляя мозг быстрее соображать. Ваймс не сомневался, что это все из-за переутомления. Когда ты настолько измотан, любой всплеск адреналина шарахает по тебе, словно тролль дубиной. Теперь у них есть все. Все кусочки мозаики. Края, уголки — вся картинка здесь, осталось только ее собрать…

— И эти големы, наверное, с головы до ног покрыты мышьяком, да? — спросил Моркоу.

— Такое возможно, сэр. Мы как-то видели одного в Щеботане, в Гильдии Алхимиков, — так у него на ладонях был толстенный слой мышьяка, потому что он его руками размешивал в тиглях…

— Они не чувствуют жара, — сказал Ваймс.

— И боли, — добавил Моркоу.

— Все так, — подтвердила Шельма. Она недоуменно посмотрела сначала на одного, потом на другого.

— Их нельзя отравить, — продолжил Ваймс.

— И они выполняют приказы, — сказал Моркоу. — Без разговоров.

— Големам достается самая грязная работа, — сказал Ваймс.

— А раньше нельзя было об этом сказать, Шельма? — спросил Моркоу.

— Ну тут ведь как, сэр… Големы — они големы и есть. На них просто не обращаешь внимания.

— Жир под ногтями, — произнес Ваймс, не обращаясь ни к кому в отдельности. — Старик боролся со своим убийцей. И у него под ногтями остался жир. С мышьяком.

Он посмотрел на блокнот, который все еще лежал на столе. «Вот оно, здесь, — подумал он. — Что-то, что мы не заметили. Но мы смотрели везде. Значит, мы видели ответ и не поняли, что

это ответ. И если мы не найдем его прямо сейчас, то не найдем уже никогда…»

Откуда-то издалека послышался голос Шельмы:

— Простите, сэр, но это нам вряд ли поможет. Очень много где одновременно используют жир и мышьяк.

«Мы чего-то не замечаем, — думал Ваймс. — Что же это? Что-то невидимое? Нет, необязательно. Что-то, что всегда перед глазами. Что-то, что делает свое черное дело по ночам…»

И тут он понял.

Ваймс заморгал. От усталости перед глазами плясали искры, и в голову лезли странные мысли. Что ж, все здравые мысли он уже перепробовал…

— Никому не двигаться, — сказал он и вскинул руку, призывая всех к тишине. И негромко произнес: — Вот оно. У меня на столе. Видите?

— Что, сэр? — спросил Моркоу.

— Так, значит, ты не догадался?

— О чем, сэр?

— Что именно убивает его сиятельство. Это прямо перед вами, на столе. Видите?

— Ваш блокнот?

— Нет!

— Он пьет виски Пивомеса? — спросила Шель-

ма.

— Сомневаюсь, — сказал Ваймс.

— Пресс-папье? — начал перечислять Моркоу. — Отравленные перья? Сигары Горлодёра?

— Где они, кстати? — спросил Ваймс, похлопывая по карманам.

— Торчат из-под стопки писем, сэр, — сказал Моркоу. И с укоризной добавил: — Тех самых, сэр, на которые вы не отвечаете.

Ваймс взял пачку и извлек оттуда новую сигару.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Ха! Я не спрашивал у Милдред Ветерок, что еще она взяла из дворца! Но для слуг это обычное дело! А старая госпожа Ветерок была белошвейкой, *настоящей* белошвейкой! И сейчас осень, ночи становятся длиннее, — это ее и убило! Видите?

Моркоу нагнулся и внимательно рассмотрел поверхность стола.

— Боюсь, что не вижу, сэр, — признался он.

— Вот именно, — сказал Ваймс. — Видеть-то и нечего. Это потому что оно здесь. А если бы его здесь не было, ты бы сразу заметил! — Его лицо исказила безумная ухмылка. — Только ничего бы не увидел! Видишь теперь?

— Вы себя хорошо чувствуете, сэр? — спросил

Моркоу. — Знаю, вы в последнее время перерабатывали…

— Наоборот, я недорабатывал! — воскликнул Ваймс. — Носился как угорелый в поисках этих проклятых улик, вместо того чтобы сесть и подумать несколько минут! Что я вечно всем говорю?

— Э-э-э… Никогда никому не доверяй, сэр?

— Нет, не то.

— Э-э-э… Невиновных людей не бывает, сэр?

— Нет, тоже не то.

— Э-э-э… Если кто-то относится к этническому меньшинству, это еще не значит, что он не может быть мелким злобным тупым засранцем, сэр?

— Нет, не… это когда я такое сказал?

— На прошлой неделе, сэр. После того как к нам заходили из Комитета Равного Роста.

— Ну в общем, нет, не это. Я… Я же наверняка все время повторяю что-то еще, что отлично подходит к случаю. Что-то очень глубокомысленное о работе Стражи.

— Не припоминаю ничего такого, сэр.

— Ну ладно, тогда я что-нибудь придумаю и начну повторять.

— Отлично, сэр. — Моркоу широко улыбнулся. — Рад снова видеть вас самим собой, сэр. Жду не дождусь, когда мы отправимся надрать пре-

ступникам за… уши, сэр. Э… А что мы нашли, сэр?

— Увидишь! Пора во дворец. Позови Ангву. Возможно, она нам понадобится. И ордер на обыск захвати.

— Вы про кувалду, сэр?

— Да. И сержанта Колона тоже позови.

— Он пока не сдавал дежурство, сэр, — сказала Шельма. — Хотя оно кончилось час назад.

— Наверное, болтается где-то, — сказал Ваймс.

Двинутый Крошка Артур заглянул за край крыши. Из-под Колона на него воззрились два красных глаза.

— Тяжелый, да?

— Еще бы!

— Пни его другой ногой!

Снизу послышалось журчание. Колон скривился. Потом что-то чпокнуло, последовала секундная тишина, а затем раздался грохот, как будто разбился огромный глиняный горшок.

— Упал вместе с башмаком, — простонал Колон.

— Как так вышло?

— Он просто… соскользнул.

Двинутый Крошка Артур подергал его за палец.

— Ну заползай тогда.

— Не могу.

— Чего это? Он тебя больше не держит.

— Руки устали. Еще десять секунд — и от меня только меловой контур останется…

— Да ты с ума сошел, столько мела тратить. — Двинутый Крошка Артур присел, чтобы его голова оказалась у Колона на уровне глаз. — На случай, если помрешь, напишешь мне расписку, что ты мне обещал доллар?

Внизу что-то брякнуло.

— Это еще что? — спросил Колон. — Я думал, эта тварь разбилась…

Двинутый Крошка Артур посмотрел вниз.

— Ты в реинкарнацию веришь? — спросил он.

— Не нужна мне эта забугорная дрянь, — фыркнул Колон.

— Ну в общем, он там по кусочкам собирается. Как эта… мазайка.

— Хитро, хитро, — сказал Колон. — Но я же знаю, что ты все это говоришь, чтобы я поднапрягся и залез к тебе. Статуи себя по кусочкам не собирают, они как разбились, так и лежат.

— Да ты сам посмотри. Уже почти всю ногу собрал.

Колон скосил глаза и заглянул в узкую пахучую

щель между стеной и собственной подмышкой. Но увидел только клочья тумана и слабое свечение.

— Уверен? — спросил он.

— Побегаешь с мое по крысиным норам — тоже научишься видеть в темноте, — сказал Двинутый Крошка Артур. — Иначе каюк.

Внизу, под ногами у Колона, что-то зашипело.

Он отчаянно заскреб по кирпичам ботинком и босыми пальцами.

— Ха, вот ведь болван, — непринужденно заметил Двинутый Крошка Артур. — Коленки себе приставил навыворот.

Дорфл, сгорбившись, сидел в заброшенном подвале, где раньше собирались големы. Иногда он поднимал голову и шипел. Из его глаз лился красный свет. Если бы кто-то нырнул в него, проник сквозь глазницы в алую зарю, которая за ними занималась, он бы увидел, как…

…Дорфл свернулся на земле, придавленный сиянием вселенной. Она что-то бормотала, но звуки доносились издалека, как сквозь вату, и не имели к Дорфлу никакого отношения. Вдоль горизонта возвышались Слова, доставая до самого неба.

А потом тихий голос сказал:

— Ты теперь сам себе принадлежишь.

Дорфл снова и снова видел эту сцену, видел озабоченное лицо, тянущуюся вверх руку, чувствовал, как его холодом пронзает неожиданное осознание…

— *…сам себе принадлежишь.*

Голос эхом отразился от Слов, прокатился туда-обратно, набирая громкость, и вот уже весь маленький мирок, зажатый между Словами, полнился этим звуком.

Голему нужен хозяин. Буквы грозно высились над миром, но эхо сотрясало их, словно песчаная буря. По камню зигзагами побежали трещины, а потом…

Слова взорвались. Огромные, с гору величиной, обломки осыпались на землю, взметнув тучи красного песка.

Вселенная хлынула внутрь. Дорфл почувствовал, как она подхватывает его, сбивает с ног и отрывает от земли…

…и вот уже голем стоял среди вселенной. Он чувствовал ее вокруг себя, ощущал ее суету, ее вихрящуюся сложность, слышал ее мурчание и ее рык…

Между Ней и Дорфлом больше не было никаких Слов.

Он принадлежал Ей, Она принадлежала ему.

Дорфл не мог от Нее отвернуться, потому что тут же оказывался к Ней лицом.

Он отвечал за каждое Ее движение, за каждый изгиб.

Уже не сказать: «Мне приказали». Уже не сказать: «Это нечестно». Никто не слушал. Слов больше не было. Он принадлежал сам себе.

Дорфл обогнул пару сияющих светил и устремился дальше.

Никаких больше «Не убий». Только «Я не убью».

Проваливаясь все глубже и глубже в алое небо, голем увидел впереди черную дыру. Он почувствовал ее притяжение и сквозь сияние устремился к ней, и дыра становилась все больше, пока не заполнила собой все…

Голем открыл глаза.

НЕТ ХОЗЯИНА!

Он одним движением распрямился и встал. Поднял руку и вытянул палец.

Легко вдавив палец в стену, которая до сих пор хранила следы спора, Дорфл осторожно повел его сквозь крошащийся кирпич. У него ушла пара минут, чтобы написать слова, но Дорфл чувствовал, что сказать их необходимо.

Он завершил последнюю букву и выбил в стене

три точки. А потом голем ушел, оставив на стене слова:

НЕТ ХОЗЯИНА…

Потолок в курительной комнате застилали синеватые облака сигарного дыма.

— Ах да. Капитан Моркоу, — сказало кресло. — Да… конечно… но… место ли ему на престоле?

— У него даже родимое пятно есть в форме короны. Я сам видел, — заверил Шнобби.

— Но его происхождение…

— Его гномы воспитали, — сказал Шнобби и махнул официанту бокалом из-под бренди. — Налей-ка мне еще.

— Не думаю, что воспитанник гномов может занять высокое положение, — заметило другое кресло. Послышались смешки.

— Все это сплетни и сказки, — пробормотал кто-то.

— Это большой город. Большой и сложно устроенный. Боюсь, что меч и родимое пятно не добавляют правителю лидерских качеств. Нам нужен король из династии, привычной к приказам.

— Как вы, милорд.

Шнобби с хлюпаньем втянул в себя содержимое очередного бокала.

— Я-то к приказам привычен, что верно, то верно, — согласился он. — На меня постоянно покрикивают.

— Нам нужен король, который заручится поддержкой высокородных семей и основных гильдий.

— Народ любит Моркоу, — сказал Шнобби.

— Ах, этот народ…

— В любом случае, кому бы ни досталась работенка, ему не позавидуешь, — сказал Шнобби. — Гляньте хоть на Витинари: вечно со своими бумажками возится. Какая от этого радость? Сидишь, обо всем тревожишься, ни минутки свободной нет. Разве ж это жизнь? — Он отдал официанту пустой бокал. — Повтори-ка, дружок. И на этот раз наполни его как следует, годится? Что толку в таком большущем бокале, когда у него на дне едва плещется?

— Это помогает букету раскрыться, — пояснило слегка испуганное кресло. — Многим это важно.

Шнобби покрасневшими глазами оглядел свой бокал. Не зря все-таки говорят, что в высшем свете все чокнутые.

— Нет уж, спасибо, — сказал он. — Вы со своими цветочками сами разбирайтесь, а я лучше еще хряпну.

— Возвращаясь к нашей беседе… — сказало другое кресло. — Королю не нужно каждую минуту посвящать управлению. Для этого у него будут помощники. Советники. Приближенные. Люди с опытом.

— А что ж ему останется делать? — спросил Шнобби.

— Он будет царствовать, — ответило кресло.

— Махать рукой.

— Сидеть во главе стола на приемах.

— Подписывать указы.

— Хлебать в одно рыло хороший бренди.

— Царствовать.

— А что, непыльная работенка, — заметил Шнобби. — Повезет же кому-то!

— Конечно, еще король должен распознавать намеки, если они такие толстые, что в дверь не пролезают, — бросил кто-то, но другие кресла на него зашикали.

Шнобби с третьей попытки все-таки попал сигарой в рот и в очередной раз затянулся.

— Сдается мне, — сказал он, — сдается мне, что вам нужно найти какого-нибудь аристократишку, у которого времени навалом, и сказать: «Эй, парень, сегодня твой счастливый день. Ну-ка помаши ручкой, а мы посмотрим».

— Какая замечательная мысль! Не приходит ли вам в голову чье-нибудь имя, милорд? Возьмите еще бренди.

— О, спасибо, это очень благородно. Хотя мы оба из благородных, хе-хе, благородство так и прет! Нет, понятия не имею, кого бы вам присоветовать.

— Говоря откровенно, милорд, мы размышляли, не предложить ли корону вам…

Шнобби выпучил глаза. А потом надул щеки.

Плеваться хорошим бренди — так себе идея, особенно когда в руках зажженная сигара. Столб пламени ударил в дальнюю стену и выжег на ней изящную хризантему, в то время как кресло Шнобби, в полном соответствии с законами физики, проскрежетало ножками по полу и врезалось в дверь.

— Королем? — Шнобби поперхнулся, и пришлось хлопать его по спине, пока он не откашлялся. — Меня? — прохрипел он. — Чтобы мне господин Ваймс голову оттяпал?

— У вас будут неограниченные запасы бренди, милорд, — сказал вкрадчивый голос.

— Толку-то от них, если нет головы?

— О чем вы?

— Господин Ваймс мне башку оторвет! Ох ото-

рвет!

— О боги, слушай, приятель…

— Милорд, — поправил кто-то.

— То есть милорд. Когда вы станете королем, вы сами будете диктовать этому треклятому Сэму Ваймсу. Сами ему сделаетесь, как вы выражаетесь, боссом. Вы сможете…

— Указывать Старине Камнелицу?

— Совершенно верно!

— Я стану королем и буду указывать Старине Камнелицу? — повторил Шнобби.

— Да!

Шнобби уставился в дымный полумрак.

— Да он мне башку оторвет!

— Слушай, придурок несчастный…

— Милорд…

— Милорд несчастный, да ты сможешь его казнить, если захочешь!

— Не смогу!

— Почему?

— Он мне башку оторвет!

— Этот человек называет себя служителем закона, а кто устанавливает эти законы, а? Кто их пишет?

— Не знаю! — простонал Шнобби. — Он говорит, что чувствует их своими башмаками!

Он огляделся. Окутанные дымом тени сжимали кольцо.

— Я не могу быть королем! Ваймс мне башку оторвет!

— Да что ты заладил!

Шнобби схватился за чей-то ворот.

— Что-то жарковато стало и накурено — жуть, — пробормотал он. — Где тут окно?

— Вон там…

Кресло качнулось. Шнобби шлемом протаранил стекло, приземлился на чью-то карету, спрыгнул с нее и бросился в ночь, пытаясь убежать от судьбы в целом и от топора в частности.

Шелли Задранец ворвалась на дворцовую кухню и выстрелила из арбалета в потолок.

— Всем лежать, никому не двигаться! — завопила она.

Прислуга патриция оторвалась от ужина.

— Когда вы говорите: «Всем лежать, никому не двигаться», — осторожно поинтересовался Стукпостук и брезгливо подцепил вилкой кусок штукатурки, — вы имеете в виду, что нам надо сначала лечь, а потом уже не двигаться или…

— Спасибо, капрал, дальше я сам, — сказал Ваймс и похлопал Шелли по плечу. — Милдред Ветерок здесь?

Все головы повернулись к Милдред.

Та уронила ложку в суп.

— Не бойся, — успокоил Ваймс. — Мне просто надо задать тебе еще пару вопросов…

— П-простите, с-сэр…

— Ты ничего плохого не сделала, — сказал Ваймс и подошел к ней. — Но ты же не только еду из дворца брала, да?

— С-сэр?

— Что еще?

Милдред огляделась. Прочие слуги сидели с непроницаемыми лицами.

— Еще старые простыни, но г-госпожа Дипплок сказала, что их…

— Нет, я не об этом, — сказал Ваймс.

Милдред облизала губы.

— Еще… еще немного крема для обуви…

— Слушай, — сказал Ваймс так мягко, как только мог, — все что-то утаскивают домой с работы. Всякие мелочи, которых никто все равно не хватится. И никто не считает это воровством. Ну правда, кому нужны все эти обрывки и обрезки? Да, Милдред?

— И огарки… Я еще брала свечные огарки, сэр.

Ваймс сделал глубокий вдох. Все-таки это огромное облегчение — чувство собственной правоты.

Даже если правым ты оказался только потому, что перебрал уже все возможные ошибки.

— Ага! — сказал он.

— Н-но это же не воровство, сэр. Я н-ничего не украла, сэр!

— Но ты брала домой прогоревшие свечи, да? И каждой еще на полчаса хватало, если поставить в блюдечко? — тихо спросил Ваймс.

— Но это не воровство, сэр! Это… вместо прибавки к жалованью, сэр!

Сэм Ваймс хлопнул себя по лбу.

— Ну конечно! Прибавка! Я это слово и искал. Нам всем нужна прибавка, верно? Ну хорошо. Ты, наверное, забираешь огарки из спален, да?

Как бы ни тряслась Милдред, она нашла в себе силы улыбнуться гордой улыбкой человека, допущенного туда, куда менее важным персонам хода нет.

— Да, сэр. Мне разрешено туда ходить, сэр. Там свечи куда лучше, чем в залах, сэр.

— И заменяешь старые свечи на новые, когда приходит время, так?

— Да, сэр.

«А может, и чуть чаще, — подумал Ваймс. — Незачем им прогорать до конца…»

— Не могла бы ты мне показать, где хранятся

свечи?

Горничная посмотрела на другой конец стола, где сидел кастелян. Тот покосился на командора Ваймса и кивнул. Милдред хватало ума понять, что некоторые вопросы только звучат как вопросы.

— Мы их держим в отдельной кладовой, сэр, — сказала она. — Тут рядом.

— Проводи меня туда, пожалуйста.

Комнатка оказалась небольшой, но шкафы в ней были до самого потолка набиты свечами: и крупными, высотой в ярд, для больших залов, и обычными для прочих помещений. Все они были разложены по качеству.

— Вот такие мы зажигаем в комнатах его сиятельства, сэр, — сказала Милдред и протянула ему двенадцатидюймовую белую свечу.

— Ага… очень хорошие. Номер пять. Из отборного белого сала. Мы такие покупаем домой, — сказал Ваймс и взвесил свечу в ладони. — А в штаб-квартире у нас какая-то дрянь горит, как будто слепили из остатков жира, что остался после жарки. Мы свои закупаем у Мастерса, у него фабрика в районе скотобоен. Цены совсем не кусачие. Раньше покупали у Спаджера и Вильямса, но господин Мастерс в последнее время весь

рынок под себя подмял, кажется.

— Да, сэр. И доставляет быстро, сэр.

— И ты каждый день ставишь эти свечи в комнату его сиятельства?

— Да, сэр.

— А еще куда-нибудь?

— Нет-нет, сэр. Его сиятельство не разрешает! Для других комнат у нас третий номер.

— И огарки от них ты, значит, забираешь как прибавку к жалованью?

— Да, сэр. Бабушка говорила, от них очень приятный свет…

— Она, наверное, сидела с твоим братишкой? Думаю, он заболел первым, и она просиживала с ним ночи напролет, а, зная старую госпожу Ветерок, я предположу, что она в это время еще и шила…

— Да, сэр.

Повисло молчание.

— Вот, возьми мой платок, — сказал наконец Ваймс.

— Я теперь потеряю место, сэр?

— Нет. Определенно нет. Никто из тех, кто в этом замешан, не должен лишиться работы, — сказал Ваймс и посмотрел на свечу. — Разве что я, — добавил он.

В дверях он обернулся.

— А если тебе нужны огарки, заходи в штаб-квартиру Стражи, у нас их полным-полно. Шнобби хоть нормальное сало для жарки начнет покупать, как все люди.

— А теперь он что делает? — спросил сержант Колон.

Двинутый Крошка Артур снова выглянул за край крыши.

— Возится с локтями, — непринужденно ответил он. — Крутит их так и эдак, а вставить не получается.

— У меня то же самое было, когда я для жены собирал мебель на кухню, — сказал сержант. — Они инструкцию, как открыть ящик, положили в этот самый ящик…

— О, кажись, разобрался, — прервал его крысолов. — Похоже, он просто локти с коленями перепутал.

Внизу что-то брякнуло.

— Теперь он за угол завернул, — послышался треск дерева, — и зашел в здание. Наверное, сейчас поднимется по лестнице, но ты не бойся, тебе ничего не грозит.

— Почему?

— Тебе достаточно руки разжать, и всех делов.

— Но я же разобьюсь!

— Именно! Легкая быстрая смерть. Никаких там тебе оторванных конечностей.

— Я хотел купить ферму! — простонал Колон. — Хотел тишины и покоя!

— Отпустишь руки — будет тебе покоя сколько влезет, — сказал Артур. Он снова перегнулся через край крыши. — Или, на худой конец, можешь схватиться за трубу.

Колон покосился. В нескольких футах от него действительно проходила труба. Надо только как следует рвануться — тогда есть шансы, что он промажет всего на пару дюймов и расшибется в лепешку.

— Думаешь, выдержит? — спросил он.

— А у тебя что, есть выбор?

Колон попытался раскачаться, как маятник. Каждая мышца в руках вопила от боли. Он знал про свой лишний вес. И всегда думал, что когда-нибудь приведет себя в форму. Он просто не был готов к тому, что начнет уже сегодня.

— Кажись, я слышу, как он по лестнице топает, — сказал Двинутый Крошка Артур.

Колон попытался раскачиваться быстрее.

— А у тебя какой план? — спросил он.

— Ой, обо мне не беспокойся, — сказал Дви-

нутый Крошка Артур. — Мне-то чего. Я просто спрыгну.

— Спрыгнешь?!

— Ну да. Я не разобьюсь, я-то нормального размера.

— Нормального размера? Ты?

Двинутый Крошка Артур посмотрел на его руки.

— Что это такое у меня под башмаками? — спросил он. — Не твои пальцы, случаем?

— Хорошо-хорошо, нормального ты размера. Не твоя вина, что ты перебрался в город, полный великанов, — сказал Колон.

— Верно. Чем ты меньше, тем легче падать. Известный факт. Паук такого падения даже и не заметит, мышь поднимется и убежит, конь все кости переломает, а слона просто расплю…

— О боги, — пробормотал Колон. Он уже доставал башмаком до трубы. Но чтобы на нее перепрыгнуть, нужно было на секунду встретиться с бездной. То есть как-то пережить тот жуткий момент, когда крышу он уже отпустил, за трубу пока не схватился, а земное притяжение — вот оно, тут как тут.

На крыше что-то загрохотало.

— Ну ладно, — сказал Двинутый Крошка Ар-

тур. — Увидимся внизу.

— О боги…

Человечек шагнул с крыши.

— Как видишь, пока не расшибся! — прокричал он, пролетая мимо Колона.

— О боги…

Сержант Колон посмотрел в два красных светящихся пятна.

— До сих пор цел! — послышался удаляющийся голос.

— О боги…

Колон сделал последний рывок, на мгновение встал, опираясь на воздух, схватился за край трубы, пригнулся, чтобы уйти от удара глиняного кулака, услышал противный скрежет, с которым ржавые болты отрывались от стены, и, крепко вцепившись в чугунную трубу, как будто это могло его спасти, вместе с ней растворился в тумане.

Господин Крюк услышал, как открылась дверь, и поднял голову — а потом спрятался за колбасной машиной.

— Ты? — прошептал он. — Уходи, тебе тут больше не место! Я же тебя продал!

Дорфл несколько секунд недвижно на него смотрел, а потом подошел к окровавленной стене

и снял с крючка самый большой тесак.

Крюк задрожал.

— Я в-в-всегда с т-т-тобой хорошо обращался, — сказал он. — В-в-всегда отпускал т-т-тебя на святые д-д-дни…

Дорфл снова к нему обернулся. Это просто красный свет, сказал себе Крюк, просто красный свет…

Но теперь взгляд голема казался более осмысленным. И красный свет как будто проникал прямо в душу.

Голем оттолкнул мясника и отправился к загонам для скота.

Крюк выдохнул. Големы же никогда не оказывают сопротивления, верно? Они просто не могут. Так уж созданы эти чертовы истуканы.

Он обвел взглядом своих работников — людей и троллей.

— Чего стоите? За ним!

Кое-кто заколебался. Очень уж большой тесак был в руках у голема. Да и в походке Дорфла что-то неуловимо изменилось. Он больше не походил на того, кто не дает сдачи.

Но Крюк нанимал людей за мышцы, а не за мозги. И к тому же этот голем никогда никому не нравился.

Один из троллей метнул в него топор. Дорфл поймал его на лету, даже не повернув головы, и одним движением пальцев переломил рукоять. Какой-то человек замахнулся молотом — но голем тут же вырвал этот молот у него из рук и швырнул в стену с такой силой, что осталась дыра.

После этого они предпочли держаться на безопасном расстоянии от Дорфла. Тот больше не обращал на них внимания.

Над загонами стоял пар, мешаясь с туманом. Сотни темных глаз с любопытством провожали Дорфла, пока он шел между загородками. В присутствии голема животные всегда притихали.

Он остановился возле одного из самых крупных загонов. Позади зашептались.

— Только не говорите, что он сейчас их всех забьет! Как мы их, спрашивается, разделаем до конца смены?

— Я слыхал, у одного плотника голем тронулся умом и за ночь сколотил пять тысяч столов. Сбился со счета или вроде того.

— Он просто на них смотрит…

— Пять сотен столов, вы только представьте! У одного оказалось двадцать семь ножек. У этого голема был какой-то бзик на ножках…

Дорфл взмахнул тесаком и сшиб с ворот замок. Коровы наблюдали за големом с тем настороженным выражением, с которым коровы ждут, пока им в голову придет следующая мысль.

Следом он направился к овечьим загонам. Их он тоже открыл.

То же самое он проделал и с загоном для свиней, и с загоном для птицы.

— Неужели он *всех* забьет? — спросил господин Крюк.

Голем, не обращая на зрителей ни малейшего внимания, мерно зашагал обратно на бойню.

Вскоре он вышел оттуда, ведя за собой на веревке старого лохматого козла. Голем прошел мимо загонов, где в ожидании толпились животные, и открыл ворота, что вели на улицу. А потом отпустил козла.

Тот втянул носом воздух и закатил глаза. Затем, явно решив, что аромат капустных полей за городской стеной куда привлекательнее, чем окружающие его запахи, выбежал на улицу и потрусил прочь.

Животные молчаливым потоком хлынули за ним — только копыта постукивали. Посреди этого потока высился Дорфл: он неподвижно стоял и смотрел им вслед.

Какая-то перепуганная курица взлетела ему на голову и закудахтала.

Крюк в ужасе на все это глядел, но ярость наконец перевесила.

— Ты что творишь? — заорал он, пытаясь затолкать пару овец обратно в загон. — Не видишь, что ли, как через эти ворота деньги утекают? Ах ты…

Дорфл неожиданно схватил его за горло. Он поднял мясника и, держа на весу, склонил голову, как будто обдумывал свои дальнейшие действия.

Наконец он отбросил тесак, поднял руку и достал из-под курицы, которая расселась у него на голове, маленькое коричневое яйцо. Голем торжественно разбил его о голову Крюка и разжал хватку.

Бывшие коллеги Дорфла разбежались в стороны, когда он развернулся и направился в здание бойни.

У входа в него висела доска учета. Дорфл какое-то время на нее смотрел, потом взял кусок мела и написал:

НЕТ ХОЗЯИНА…

Мел рассыпался у него в пальцах, и Дорфл вышел в туман.

Шелли подняла голову от стола.

— Фитиль весь пропитан мышьяковистой

кислотой, — сказала она. — Это вы здорово сообразили, сэр! Эта свеча даже весит чуть больше остальных!

— Какой коварный способ убийства, — заметила Ангва.

— Очень хитрый способ, — подтвердил Ваймс. — Витинари полночи проводит за работой, и к утру свеча догорает. Его отравил свет. Свет — из тех вещей, которые никто замечает. Ну кто будет смотреть на свет? Уж точно не старый неповоротливый стражник.

— Не такой уж вы и старый, сэр, — подбодрил его Моркоу.

— Но все-таки неповоротливый?

— Тоже не слишком, — быстро добавил Моркоу. — Я всегда говорил, что вы не медлительный, а степенный.

Ваймс покосился на него, но Моркоу был сама невинность и доброжелательность.

— Мы видим благодаря свету, но на сам свет никогда не смотрим, — сказал Ваймс. — Ну ладно. А теперь, я думаю, пора наведаться на свечную фабрику. Ты, Задранец, тоже пойдешь с нами и захвати… Постой, ты как будто выглядишь выше обычного.

— Это все каблуки, сэр, — сказала Шелли.

— Я думал, гномы только кованые сапоги…

— Так и есть, сэр. Но у меня они на каблуке, сэр. Я его приварила.

— Вот как. Ладно. Хорошо. — Ваймс собрался с мыслями. — В общем, если ты с них не падаешь, прихвати всякие алхимические штуки. И надо будет отозвать Детрита из дворца. Никто не управляется с запертыми дверьми лучше Детрита. Он все равно что ходячий лом. Зайдем за ним по дороге.

Он зарядил арбалет и чиркнул спичкой.

— Ну ладно, — сказал он. — По-современному мы уже действовали, пора прибегнуть к старым дедовским способам. Пришло время…

— Надирать уши, сэр? — спешно продолжил Моркоу.

— Надирать, — подтвердил Ваймс и выпустил колечко дыма. — Но не уши.

Мировоззрение сержанта Колона определенно испытывало серьезный кризис. Едва он твердо решал объявить пережитое худшим моментом в своей жизни, как на это звание появлялся очередной претендент.

Сперва труба, за которую он цеплялся, врезалась в противоположную стену. В мире, устроенном более разумно, там могла бы быть пожарная

лестница, но в Анк-Морпорке их не существовало как явления, и пожар обычно добирался до самой крыши безо всяких лестниц.

После этого Колон заскользил вниз по трубе. И даже этот исход можно было бы назвать благополучным, не будь Колон таким тяжелым: когда он сполз примерно до середины трубы, та прогнулась под его весом, — а чугун имеет обыкновение не гнуться, а трескаться, что немедленно и случилось.

Колон упал на что-то мягкое — во всяком случае, на что-то мягче мостовой, — и это что-то под ним замычало. Он скатился на что-то еще, пониже и помягче. Оно заблеяло. Оттуда он свалился на что-то совсем маленькое, покрытое перьями. Оно разъярилось и начало его клевать.

Улицу заполонили животные, которые неуверенно переминались с ноги на ногу. Когда животные в чем-то не уверены, они начинают нервничать, и всю улицу будто вымостили свидетельствами их тревоги. Единственный плюс для сержанта Колона заключался в том, что эти свидетельства слегка смягчили его падение.

Копыта оттаптывали ему руки. Чьи-то огромные слюнявые морды влажно в него тыкались.

У сержанта Колона был не очень богатый опыт

взаимодействия с животными, не считая тех, что подавались на тарелках. В детстве у него был розовый плюшевый поросенок по имени Ночной Кошмар, да еще он добрался до шестой главы книги «Уход за вашим хозяйством». В этой книге было много красивых гравюр, но совсем не было упоминаний о жарком зловонном дыхании и о копытах, гремящих, как суповые миски. Если верить книге, коровы говорили «му-у-у». Каждому ребенку известно, что коровы мычат, а не ревут, как неведомые морские чудища, и не брызжут слюной.

Он попробовал встать, поскользнулся на очередном проявлении коровьего жизненного кризиса и уселся на овцу.

— Бя-а-а-а-а! — сказала овца. Да разве так должны блеять порядочные овцы?

Он снова встал и попытался пробраться на обочину.

— А ну кыш! Эй вы, бараны, разойдитесь! Брысь отсюда!

Какой-то гусь зашипел на него и вытянул пугающе длинную шею.

Колон попятился и остановился: что-то уткнулось ему в спину. Это была свинья.

Она нисколько не походила на Ночного Кошма-

ра. И на сказочного поросенка, который строил домик из соломы. В сказках не бывает поросят ростом с пони, с торчащей щетиной и здоровенными бивнями.

Розовой эту свинью тоже было не назвать, скорее уж иссиня-черной. Ее пятачок — ну хоть пятачок у нее есть, подумал Колон — зловеще подергивался, а маленькие глазки были налиты кровью.

Такая свинья построила бы себе шалаш из волчьих костей и обтянула бы волчьей шкурой.

Колон повернулся и столкнулся лицом к лицу с огромным быком, больше похожим на шкаф, набитый говядиной. Бык повернул громадную голову, чтобы оба его глаза как следует рассмотрели сержанта Колона, и было ясно, что ни одному из этих глаз он не приглянулся.

Бык опустил голову. Места для разгона у него не было, но это явно не помешало бы ему хорошенько боднуть.

Животные напирали со всех сторон, и Колон воспользовался единственным возможным путем к побегу.

Переулок был полон стонущих людей.

— Ну, что у нас тут такое? — спросил Моркоу.

Мужчина, который баюкал поврежденную

руку, поднял на него глаза.

— Нападение! Жестокое и вероломное!

— У нас нет времени с этим разбираться, — бросил Ваймс.

— Может, и есть, — сказала Ангва. Она постучала его по плечу и указала на противоположную стену, где знакомым шрифтом было написано:

НЕТ ХОЗЯИНА…

Моркоу присел на корточки рядом с пострадавшим.

— На вас напал голем, да? — спросил он.

— Именно так! Болван ошалелый! Вышел из тумана и накинулся на нас, ну, сам знаешь этих големов!

Моркоу ободряюще улыбнулся. Потом перевел глаза на огромный молот в канаве, а затем — на другие инструменты, разбросанные вокруг места происшествия. У некоторых были сломаны ручки. Среди прочего он увидел длинный лом, аккуратно согнутый в кольцо.

— Какая удача, что вы были как следует вооружены! — сказал он.

— Он повернулся, а потом как бросится на нас, — сказал мужчина и попытался щелкнуть пальцами. — Раз — и… ай!

— Вы, кажется, повредили пальцы…

— Не кажется, а так и есть!

— Я одного не понимаю: как он мог к вам повернуться, если только что вышел из тумана?

— Всем же известно, что големы не дают сдачи!

— Сдачи, значит, не дают… — повторил Моркоу.

— Ну а что, нечего им по улицам шататься, — пробормотал мужчина, глядя в сторону.

Позади послышался стук шагов, и к ним подбежала пара человек в окровавленных фартуках.

— Он вот туда пошел! — завопил один. — Бегите скорее, а то не догоните!

— Чего стоите? Шевелитесь! За что мы налоги платим? — спросил другой.

— Он обошел все скотные дворы и выпустил всех животных. Всех! На Свином холме протолкнуться невозможно!

— Кто-кто это сделал, голем? — спросил Ваймс. — Но зачем?

— А я откуда знаю? На бойне у Крюка был козел-провокатор, так он его выпустил, и теперь чуть ли не вся скотина за ним таскается! А потом этот истукан засунул старого Фосдайка в колбасную машину…

— Что?!

— Ну, ручку он не повернул. Просто вставил ему в рот пучок петрушки, сунул в штаны луковицу, обвалял его в муке и запихнул в воронку!

У Ангвы затряслись плечи. Даже Ваймс усмехнулся.

— А потом он отправился на птицефабрику, схватил господина Тервилли и… — он вдруг заметил присутствие дамы, пусть даже она фыркала, пытаясь не расхохотаться, и сконфуженно пробормотал: — Начинил черносливом. Если вы понимаете, о чем я…

— То есть он… — начал Ваймс.

— Да!

Его спутник кивнул.

— Наверное, бедный Тервилли больше не сможет спокойно смотреть на чернослив.

— Я бы после такого на него не смотрел, а сразу выкинул, — сказал Ваймс.

Ангве пришлось отвернуться.

— Расскажи ему, что случилось на свинобойне, — предложил второй.

— Можно и не рассказывать, — сказал Ваймс. — Я уже вижу закономерность.

— Именно! А Сид, бедняга, всего лишь подмастерье, его-то за что?

— О боги, — сказал Моркоу. — Э… У меня, ка-

жется, есть мазь, которая помогает от…

— От яблок?

— Он засунул ему в рот яблоко?

— Если бы в рот!

Ваймс скривился.

— Ох…

— И что теперь делать, а? — спросил мясник, подходя к нему вплотную.

— Ну, если удастся ухватить его за черешок…

— Я серьезно! Вы хоть что-то делать собираетесь? Я честный налогоплательщик и знаю свои права!

Он ткнул Ваймса в нагрудник. Лицо Ваймса окаменело. Он посмотрел на палец мясника, потом на его крупный красный нос.

— В таком случае, — сказал Ваймс, — я бы вам посоветовал взять еще одно яблоко и…

— Прошу прощения, — громко сказал Моркоу. — Вы же господин Максилотт, верно? У вас лавка в районе скотобоен?

— Да, верно. И что с того?

— Я почему-то не помню вашего имени в реестре налогоплательщиков, и это очень странно, потому что вы сказали, что платите налоги, хотя, конечно, вы бы о таком не солгали, но ничего, когда вы уплачиваете налоги, вам по закону

должны выдать квитанцию, так что вы ее наверняка найдете, если хорошенько поищете, и…

Мясник опустил палец.

— Э-э-э, да…

— Если хотите, я вам помогу найти квитанцию, — предложил Моркоу.

Мясник в отчаянии посмотрел на Ваймса.

— Он правда читает эти списки, — сказал Ваймс. — В качестве хобби. Моркоу, почему бы тебе… О боги, это еще что?

С дальнего конца улицы раздался рев.

На них грозно надвигалась какая-то грязная махина. В темноте она была похожа на очень толстого кентавра, наполовину человека, наполовину… махина приблизилась, и Ваймс понял, что это наполовину бык, а наполовину сержант Колон.

Колон потерял шлем и в целом выглядел так, как будто за последние сутки стал намного ближе к земле.

Когда громадный бык галопом промчался мимо, сержант вытаращил глаза и крикнул:

— Я не могу слезть! Я не могу слезть!

— А как ты туда залез? — прокричал в ответ Ваймс.

— Схватил его за рога, сэр, а потом раз — и я

уже на спине!

— Ну тогда держись!

— Держусь, сэр! Держусь!

Быки Роджеры были в ярости и не понимали, что происходит, что в целом соответствует обычному душевному состоянию взрослого быка[17].

Но сейчас у Роджеров были на то особые причины. Ведь у крупного рогатого скота есть своя религия.

Быки — глубоко верующие существа. Они верят, что хороший послушный скот после смерти попадает через волшебную дверь в лучший мир. Что происходит дальше, они не знают, но слышали, что в этом мире очень сытно и повсюду растет хрен (почему именно хрен — неизвестно).

Роджеры с нетерпением ждали перехода в лучший мир. Копыта то и дело ныли, а коровы бегали куда быстрее, чем в те времена, когда Роджеры были еще молодыми бычками. Они бы не отказались от божественного хрена…

---

[17] Примечания: 17

Из-за огромного выпуклого лба у Роджеров был своеобразный взгляд на мир: каждый глаз видел его по-своему. Поскольку две полусферы, доступные для обзора, нигде не пересекались, Роджеры рассудили, что каждый из них на самом деле представляет собой двух быков (быков, как известно, ценят в хозяйстве не за выдающиеся аналитические способности). Большинство быков так и считает — не зря они вращают головой, когда на что-то смотрят. Второму быку тоже ведь интересно.

А вместо этого их на сутки заперли в переполненном загоне, а потом ворота открылись, и повсюду было полно животных, и все это было совсем не похоже на Луга Обетованные.

И еще кто-то сидел у них на спине. Роджеры несколько раз пытались его скинуть. Будь они на пике формы, неизвестный нахал уже давно превратился бы в густую красную лужу, но в конце концов престарелым быкам пришлось сдаться и отправиться на поиски дерева, о которое можно было бы потереться и скинуть наглеца.

Если бы он еще так не орал!

Ваймс побежал было за быком, но остановился.

— Моркоу, Ангва! Отправляйтесь к свечной фабрике и дожидайтесь нас. Держите ухо востро, но внутрь не заходите, ясно? Поняли? Ни при каких обстоятельствах не заходите внутрь. Я ясно выразился? Просто держитесь поблизости. Хорошо?

— Да, сэр, — сказал Моркоу.

— Детрит, пойдем снимать Колона с быка.

Толпа перед быком сама собой редела. Тонне племенного быка не страшны заторы на дороге — если даже у него на пути возникнет пробка, она быстро рассосется.

— Фред, ты спрыгнуть не можешь? — кричал Ваймс на бегу.

— Даже пробовать не хочу, сэр!

— Ладно, а развернуть его куда-нибудь?

— Как, сэр?

— Возьми быка за рога, Фред!

Колон осторожно потянулся к рогам и ухватился за них. Роджеры мотнули головой и чуть его не сбросили.

— Он все-таки чуть посильнее меня, сэр! Намного сильнее, если по правде!

— Я могу ентому быку башку прострелить, господин Ваймс, — сказал Детрит, потрясая бывшим осадным орудием.

— Тут полно народу, сержант. Можно задеть стрелой невинного человека. Даже в Анк-Морпорке.

— Простите, сэр, — сказал Детрит и вдруг просиял. — Но тогда мы просто скажем, что ентот человек был в чем-то виновен, верно, сэр?

— Нет, это… Куда этот петух так несется?

По улице мчался маленький черный петушок. Он пробежал у быка между ногами и резко остановился прямо перед Роджерсами. Со спины у петуха спрыгнула крошечная фигурка, подскочила, уцепилась за кольцо в носу у быка,

подтянулась, забралась на его курчавый лоб и крепко схватилась обеими ручонками за бычью шерсть.

— Кажется, енто Двинутый Крошка Артур, сэр, — сказал Детрит. — И он… пытается отдубасить быка…

Послышался звук, как будто очень ленивый дятел долбил очень твердое дерево. А в промежутках между стуком откуда-то со стороны бычьей морды доносились крики:

— Вот тебе, получи, дурья твоя башка…

Быки остановились. Они принялись вращать головой, чтобы хотя бы один из Роджеров разглядел, кто так упрямо долбит им по лбу. С тем же успехом можно было заглянуть в собственные уши.

Быки попятились.

— Фред! — прошептал Ваймс. — Сползай давай, пока ему не до тебя!

Сержант Колон, насмерть перепуганный, перекинул ногу через массивную бычью спину и сполз на землю. Ваймс схватил его и толкнул в ближайшую подворотню. А потом вытолкнул обратно. Там было слишком тесно, чтобы держаться подальше от Фреда Колона.

— Фред, почему от тебя так несет?

— Слыхали поговорку «по уши в дерьме и без весла», сэр? Вот там я и оказался, а потом все покатилось по наклонной.

— Святые угодники. Куда уж ниже?

— Разрешите пойти помыться, сэр?

— Нет, но разрешаю отойти еще на пару шагов. А где твой шлем?

— Последний раз я его видел на какой-то овце, сэр. Сэр, меня связали и кинули в подвал, и я героически выбрался, сэр! А потом за мной гнался голем, сэр!

— Где это было?

Колон надеялся, что Ваймс не задаст этот вопрос.

— Где-то в районе скотобоен, — промямлил он. — Был туман, сэр, так что я…

Ваймс схватил Колона за запястья.

— Что это?

— Они связали меня нитками, сэр! Но с превеликим риском для жизни я…

— Непохоже на нитки, — сказал Ваймс.

— Правда, сэр?

— Больше похоже на… фитиль.

Колон непонимающе на него уставился.

— Это улика, сэр? — с надеждой спросил он.

Ваймс похлопал его по спине. Что-то хлюп-

нуло.

— Молодец, Фред, — сказал он и вытер руку о штаны. — Теперь у нас есть подтверждение.

— Я ровно так и подумал! — быстро сказал Колон. — Гляжу — подтверждение, значит, надо его поскорее доставить командору Ваймсу, невзирая на…

— Почему этот коротышка бьется лбом о быка, Фред?

— Это Двинутый Крошка Артур, сэр. Мы должны ему доллар. Он… оказал мне кое-какую помощь, сэр.

Быки Роджеры оторопело опустились на колени. Двинутый Крошка Артур, конечно, не мог бы нанести им смертельный удар, но он долбил и не останавливался. Мерный стук уже начинал действовать всем на нервы.

— Может, помочь ему? — спросил Ваймс.

— Кажется, он и сам неплохо справляется, сэр, — ответил Колон.

Двинутый Крошка Артур поднял голову и ухмыльнулся.

— С тебя доллар, помнишь? — прокричал он. — И не вздумай меня надуть, а не то пожалеешь! Вот такой же поганец как-то раз наступил на моего деда!

— Он пострадал?

— Остался с того дня однорогим!

Ваймс крепко взял сержанта Колона за локоть.

— Пойдем, Фред! Нам предстоит важная работенка!

— Главное, чтобы не грязная, сэр, а то я больше уже не могу!

— Эй ты! Ты же стражник, так? А ну иди сюда!

Ваймс обернулся. К ним, расталкивая толпу, шел какой-то человек.

Не исключено, подумал Колон, что худший миг в его жизни еще впереди. Слова: «Эй ты! А ну иди сюда!», особенно произнесенные таким тоном, вызывали у Ваймса непредсказуемую реакцию.

Перед ними, судя по всему, стояла знатная особа, не привыкшая к тяготам жизни, но тем не менее с ними столкнувшаяся и оттого очень сердитая.

Ваймс лихо отдал честь.

— Так точно, сэр! Я стражник, сэр!

— Ну так пойдем со мной, арестуешь этого истукана, чтоб не мешал рабочим.

— Какого истукана, сэр?

— Голема, кого ж еще? Зашел ко мне на фабрику как ни в чем ни бывало и давай на стенах малевать!

— На какую фабрику, сэр?

— Пойдем, приятель, пойдем. Так уж сложилось, что мы с твоим командором добрые друзья, и мне что-то не нравится, как ты со мной разговариваешь.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Ваймс так задорно, что у Колона побежали мурашки по спине.

На другой стороне улицы стояло непримечательное фабричное здание. Мужчина направился прямиком туда.

— Э… он сказал «голем», сэр, — пробормотал Колон.

Ваймс знал Фреда Колона не первый год.

— Да, Фред, поэтому очень важно, чтобы ты остался тут на страже, — сказал он.

Колон чуть не задымился от облегчения.

— Есть, сэр! — сказал он.

На фабрике стояли ряды швейных машин. Перед ними горбились бесчисленные люди. Обычно гильдии против такого боролись, но, поскольку Гильдия Белошвеек не проявляла особого интереса к шитью, вмешаться было некому. От каждой машины тянулись ремни, накинутые на шкивы, которые крепились к длинному валу под потолком, а вал, в свою очередь, приводился в

движение… Ваймс проследил его глазами через весь цех… большим жерновом, который теперь замер и, судя по всему, был сломан. Рядом с жерновом потерянно стояли два голема.

Неподалеку в стене зияла дыра, а над ней кто-то написал красной краской:

РАБОЧИЕ! ВЫ САМИ СЕБЕ ХОЗЯЕВА!

Ваймс усмехнулся.

— Он вломился внутрь, сломал жернов, оторвал моих големов от работы, намалевал на стене этот нелепый вздор и ушел, только его и видели! — сказал владелец фабрики у него за спиной.

— Хм, да, вижу. Кстати, на многих фабриках жернова вращают волы, — заметил Ваймс.

— А это тут при чем? Как бы то ни было, скот не может работать двадцать четыре часа в сутки.

Ваймс обвел взглядом ряды рабочих. На их лицах застыло встревоженное выражение, отлично знакомое всем жителям Зацепильной улицы, — выражение, характерное для людей, у которых две беды: нищета и гордость.

— Не может, конечно, — сказал он. — Почти все швейные фабрики расположены на Сонном холме, но здесь люди готовы работать и за меньшие деньги, да?

— Они счастливы, что у них есть работа!

— Конечно, — сказал Ваймс и еще раз посмотрел на их лица. — Счастливы. — В дальнем конце цеха, насколько он понял, големы пытались починить жернов.

— А теперь хватит болтать и послушай. Я хочу, чтобы ты… — начал владелец фабрики.

Ваймс схватил его за ворот и притянул почти вплотную к себе.

— Нет, это ты меня послушай, — прошипел он. — Я целыми днями вращаюсь среди всякого жулья, воров и бандитов, и ничего, но стоило две минуты поговорить с тобой — и мне уже хочется помыться. И если я найду этого проклятого голема, я ему руку пожму, ясно тебе?

К удивлению той части Ваймса, которая не кипела от злобы, фабриканту хватило духу, чтобы сказать:

— Да как ты смеешь! Ты же стоишь на страже закона!

Дрожащий от ярости палец Ваймса чуть не воткнулся ему в нос.

— И охраняю его от таких, как ты! — проревел Ваймс. Он метнул гневный взгляд на големов. — А вы, клоуны, что творите? Вы зачем этот жернов чините? — крикнул он. — Святые угодники, вас что, головой в детстве сту… Вы что, совсем

тупые?

Он вылетел на улицу, хлопнув дверью. Сержант Колон бросил бесплодные попытки очистить одежду и побежал вслед за ним.

— Люди говорят, они видели, как из другой двери вышел голем, сэр, — сказал он. — Красный. Ну, из красной глины. Но тот, что за мной гнался, был белый. Сэм, все в порядке?

— Кто владеет этой фабрикой?

— Господин Коттераль, сэр. Ну, знаете, тот, который все время вам пишет и жалуется, что в Страже слишком много… «низших видов», сэр, так он выражается. Ну, знаете… троллей и гномов…

— Найми парочку зомби, — сказал Ваймс.

— Вы же всегда говорили «только через мой труп», прошу прощения за каламбур, — заметил сержант Колон.

— А что, есть среди них желающие?

— О да, сэр. Двое славных ребят, сэр. Если бы с них кожа клоками не свисала, вы бы и не подумали, что они уже давно мертвы.

— Завтра же приведи их к присяге.

— Хорошо, сэр. Отличная мысль, сэр. И экономия опять же: им ведь пенсия не полагается.

— Пусть патрулируют Королевские низины.

Они, если уж на то пошло, не гномы и не тролли.

— Хорошо, сэр. — Когда Сэм в таком расположении духа, подумал Колон, проще сразу со всем согласиться. — Вы, похоже, осваиваетесь с этой самой… программой интеграции, да?

— Сейчас я бы даже у горгоны присягу принял!

— Есть еще господин Мрак, сэр, он работает в кошерной мясной лавке, но говорит, что уже сыт по горло, и…

— Только никаких вампиров. Кто угодно, кроме вампиров. Вперед, Фред, пошевеливайся.

«Раньше надо было думать», — твердил себе Шнобби Шноббс, пока бежал по улицам Анк-Морпорка. Вся эта мура с королями нужна была для того, чтобы он вызвался…

Даже представить страшно…

Добровольцем.

Шнобби всю жизнь менял одни доспехи на другие. И одна из главных вещей, которые он за это время зарубил себе на носу, — от всех этих людей с красными рожами и вкрадчивыми голосами ничего не дождешься, кроме грязной работенки. Они искали добровольцев на некое «большое дело», и ты в итоге отскребал какой-нибудь подъемный мост; они спрашивали: «Кто здесь любит поесть от пуза?», и ты целую неде-

лю чистил картошку. Никогда, никогда нельзя записываться в добровольцы. Даже если сержант выйдет и скажет: «Нам нужен кто-то, кто будет пить виски, бутылками, и заниматься любовью, страстно, с женщинами, всю ночь». Всегда есть какой-то подвох. Шнобби не сомневался: если бы хор ангелов воззвал к добровольцам, желающим попасть в рай, и попросил их сделать шаг вперед, он бы благоразумно попятился.

Когда капрал Шноббс слышал зов, он ему не следовал. Он даже его не слышал, потому что каждый раз оказывался в другом месте.

Шнобби обежал небольшое стадо свиней, которые паслись посреди улицы.

Даже господин Ваймс никогда не ожидал, что он вызовется добровольцем. Ваймс уважал его чувства.

У Шнобби раскалывалась голова. Это все перепелиные яйца, не иначе. Не могут здоровые птицы нести такие крошечные яйца.

Он обогнул корову, которая сунула голову кому-то в окно и застряла.

Шнобби на троне? Да конечно, разбежался. За всю жизнь ему доставались даром разве что кожные болезни да удары плетьми. Человек Шнобби Шноббсу волк — эту истину он давно усвоил. На

всемирных состязаниях неудачников Шнобби пришел бы к финишу первым… с конца.

Он замедлил ход и шмыгнул в подворотню. В ее гостеприимной тени он вытащил из-за уха крошечный бычок и закурил.

Теперь, когда он чувствовал себя в относительной безопасности и мог задуматься о чем-то, кроме побега, он задался вопросом, откуда на улице столько животных. В отличие от семейного древа, на чьей ветке вызрел Фред Колон, ползучая лоза Шноббсов хирела за городскими стенами. Шнобби смутно осознавал, что животные — это та же еда, только на ранней стадии, и ему этого хватало. Но он был почти уверен, что они не должны вот так вот беспорядочно шататься по городу.

Люди пытались их окружить и увести. Но поскольку люди устали и действовали вразнобой, а животные проголодались и разнервничались, приводило это только к тому, что на улицах становилось еще грязнее.

Вдруг Шнобби осознал, что он в подворотне не один.

Он опустил глаза.

В тени рядом с ним прятался козел. Он был косматый и вонючий, но он повернул голову и

наградил Шнобби таким понимающим взглядом, на какой не способно ни одно животное.

На Шнобби неожиданно накатило совершенно нетипичное для него чувство — он ощутил с кем-то родство.

Он вытащил изо рта окурок и протянул козлу. Козел его тут же сжевал.

— Угощайся, братишка, — сказал Шнобби.

Моркоу, Ангва и Шелли шагали к бойням, разгоняя по пути перепуганных животных. Особенно те сторонились Ангвы. Шелли казалось, что перед ними движется какой-то невидимый барьер. Одни животные пытались лезть на стену, другие очертя голову уносились в переулки.

— Чего они так боятся? — спросила Шелли.

— Ума не приложу, — ответила Ангва.

Они приблизились к свечной фабрике, вспугнув нескольких овец, которые метнулись врассыпную. В высоких окнах горел свет, указывая на то, что свечи делали и ночью.

— Тут в сутки изготавливают почти полмиллиона свечей, — сказал Моркоу. — Я слышал, у них там новейшее оборудование. Звучит интригующе. Я бы посмотрел.

Они обошли здание сзади. В мутном свете виднелись люди, которые нагружали ящиками одну

тележку за другой.

— На вид ничего подозрительного, — сказал Моркоу, когда они укрылись в уютной тени подворотни. — Работа кипит, конечно.

— Не понимаю, зачем мы здесь, — сказала Ангва. — Как только они нас увидят, они уничтожат все свидетельства. И даже если мы найдем мышьяк — что с того? Нет же ничего незаконного в том, чтобы владеть мышьяком.

— Э… а *вот этим* владеть законно? — прошептала Шелли.

По улице медленно шагал голем. Он не походил на других големов. Те за долгие века столько раз сами себя чинили, что стали бесформенными, как пряничные человечки. Но этот выглядел как человек — по крайней мере, многие люди мечтали бы выглядеть именно так. Он напоминал белую глиняную статую. А на голове у него была вылеплена корона.

— Я не ошибся, — пробормотал Моркоу. — Они все-таки сделали себе голема. Бедолаги. Думали, что король подарит им свободу.

— Ты на ноги его посмотри, — сказала Ангва.

На каждом шагу по ногам голема — как и по рукам, и по туловищу — пробегали тонкие полоски красного огня, вспыхивали и исчезали.

— Он трескается.

— Я так и знала, что нельзя обжигать глину в старой хлебной печи! — сказала Шелли. — Она же не той формы!

Голем открыл дверь и исчез в здании фабрики.

— Давайте за ним, — сказал Моркоу.

— Но командор Ваймс велел его дождаться, — возразила Ангва.

— Да, но мало ли что там происходит, — сказал Моркоу. — И к тому же он любит, когда мы проявляем инициативу. Не можем же мы просто стоять и ждать!

Он единым махом преодолел расстояние до двери и распахнул ее.

Внутри были навалены ящики — свободным оставался только узкий проход между ними. Из-за ящиков доносилось чуть приглушенное постукивание и пощелкивание — фабрика работала на полную мощность. Пахло горячим воском.

Шелли слышала, как Ангва и Моркоу шепотом переговариваются в нескольких футах над ее маленьким круглым шлемом.

— Зря господин Ваймс ее с нами отправил. А вдруг с ней что-то случится?

— О чем это ты?

— Ну… понимаешь… она же девушка.

— И что? В Страже и без нее по меньшей мере три женщины-гномки, и что-то ты о них не волнуешься.

— Да ладно тебе… Назови хоть одну!

— Ларс Черепвместокубка, например.

— Да ну! Серьезно?

— Не веришь моему чутью?

— Но он на той неделе в одиночку разнял драку в «Руках рудокопа»!

— И что? С чего ты взял, что женщины слабее мужчин? Если я пойду разнимать каких-нибудь пьяных драчунов, ты и ухом не поведешь!

— Я помогу, если нужно!

— Мне или им?

— Так нечестно!

— Неужели?

— Я им не стану помогать. Если только ты совсем не разойдешься.

— Даже так? А говорят, что рыцари на земле перевелись…

— Но Шелли не такой… не такая. Я уверен, что она хороший алхимик, но в драке ее лучше прикрыть. Так, погоди…

Они зашли в цех.

Над головой кружились свечи — сотни, тысячи свечей. Они были подвешены за фитили к бес-

конечной деревянной ленте, которая петляла по залу.

— Я про такое слышал, — сказал Моркоу. — Это называется конвейер. Так можно сделать тысячи одинаковых предметов. Но как он быстро несется! Я даже не думал, что жернов…

Ангва куда-то указала. Рядом с ней поскрипывал жернов, но что его приводило в движение, оставалось загадкой.

— Что-то же должно его вращать, — сказала Ангва.

Моркоу тоже куда-то указал. В другом конце зала, где конвейерная лента делала причудливую петлю, стояла какая-то фигура. Руки у нее так и мелькали.

Лента обрывалась прямо рядом с Моркоу. Под ней стояла большая деревянная тележка, куда лавиной низвергались свечи. Тележку давно никто не менял, так что они сыпались через край и катились по полу.

— Шелли, — спросил Моркоу, — ты владеешь каким-нибудь оружием?

— Э… нет, капитан Моркоу.

— Хорошо. Тогда просто подожди нас на улице. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Она с облегчением вздохнула и тут же рети-

ровалась.

Ангва принюхалась.

— Здесь побывал вампир, — сказала она.

— Думаю, нам… — начал Моркоу.

— Я так и знал, что вы догадаетесь! Лучше бы я не покупал этого чертового истукана! Я буду стрелять! Предупреждаю, у меня арбалет!

Они обернулись.

— О, господин Мастерс! — приветливо воскликнул Моркоу и достал значок. — Капитан Моркоу, Городская Стража Анк-Морпорка…

— Я знаю, кто вы такие! Знаю! *Всё* о вас знаю! Я знал, что вы придете! У меня есть арбалет, и я не побоюсь его применить!

Наконечник стрелы неуверенно дрожал, опровергая его слова.

— Правда? — спросила Ангва. — И зачем же мы здесь?

— Я даже лезть в это не хотел! — сказал Мастерс. — Он убил тех стариков, да?

— Да, — подтвердил Моркоу.

— Зачем? Я ему такого не приказывал!

— Думаю, потому что они помогли его сделать, — сказал Моркоу. — Он знал, кого винить.

— Големы сами мне его продали! — воскликнул Мастерс. — Я думал с его помощью поправить

дела, но этот чертов болван как заведенный…

Он поднял взгляд к потолку, где кружили свечи, но снова прицелился, не успела Ангва шевельнуться.

— У вас, кажется, есть работник месяца.

— Ха! — Мастерс не походил на человека, способного оценить шутку. Он походил на человека в глубоком раздрае. — Я уволил всех, кроме девчонок-упаковщиц, и они работают в три смены без выходных! У меня четыре человека ищут сало для свечей, двое торгуются за фитили, а трое пытаются купить дополнительный склад!

— Так скажите ему, чтобы перестал делать свечи, — предложил Моркоу.

— Когда кончается сало, он идет бродить по улицам! Хотите, чтобы он там околачивался и думал, чем бы заняться? Эй, вы двое, стоять! — быстро добавил он, поведя арбалетом.

— Слушайте, вам просто нужно поменять его шхему, — сказал Моркоу.

— Он мне не дает! Думаешь, я не пытался?

— Он вам не может чего-то не дать, — сказал Моркоу. — Големы должны…

— Говорю же, не дает, и все тут!

— А что насчет отравленных свечей? — спросил Моркоу.

— Это не я придумал!

— А кто же?

Арбалет в руках Мастерса подрагивал. Он облизал губы.

— Ну нет, это зашло слишком далеко, — сказал он. — С меня довольно.

— Кто это придумал, господин Мастерс?

— Я не хочу кончить свои дни в какой-нибудь подворотне, высосанный досуха, как курага!

— Ну что вы, у нас другие методы, — успокоил его Моркоу.

Господин Мастерс лучился страхом. От него буквально разило ужасом. Он в любой момент мог запаниковать и спустить тетиву.

Но в цеху пахло не только страхом.

— Кто этот вампир? — спросила Ангва.

На миг ей показалось, что Мастерс сейчас выстрелит.

— Я про вампира ничего не говорил!

— У тебя в кармане чеснок, — сказала Ангва. — И тут все насквозь провоняло вампиром.

— Он сказал, что голему можно приказать все что угодно, — пролепетал Мастерс.

— Например, сделать отравленные свечи? — спросил Моркоу.

— Да, но он уверил, это просто чтобы Витинари

не путался под ногами, — ответил Мастерс. Он, кажется, самую малость успокоился. — И потом, он жив, иначе я бы уже знал, — добавил он. — Не думаю, что вызвать у него болезнь — это преступление, так что вы не можете…

— Свечи убили двух других людей, — сказал Моркоу.

Мастерс снова запаниковал.

— Кого?

— Старушку и ребенка с Зацепильной улицы.

— Это были какие-то важные люди? — спросил Мастерс.

Моркоу кивнул собственным мыслям.

— Знаете, а я вас почти жалел, — сказал он. — До этого самого момента. Вам повезло, господин Мастерс.

— Правда? В чем же?

— Мы добрались до вас раньше командора Ваймса. А теперь просто опустите арбалет, и давайте поговорим о…

Послышался какой-то шум. Точнее, наоборот: шум, который постоянно присутствовал на фоне, так что, можно сказать, уже не воспринимался ухом, вдруг прервался.

Конвейер остановился. Свечи над головой закачались с легким восковым перестуком, а потом

цех окутала тишина. Последняя свеча сорвалась с ленты, упала на переполненную тележку и скатилась на пол.

И тогда в тишине раздался звук шагов.

Мастерс попятился.

— Поздно! — простонал он.

Моркоу и Ангва увидели, как дернулся его палец.

Ангва оттолкнула Моркоу с дороги, когда стрела сорвалась с тетивы, но он был к этому готов и заслонил Ангву рукой. Его пальцы мелькнули у нее перед носом, раздался тошнотворный глухой звук, а потом Моркоу зарычал и пошатнулся, сбитый с ног мощным ударом.

Он тяжело приземлился на пол, прижимая к груди левую руку. Из ладони торчала арбалетная стрела.

Ангва склонилась к нему.

— Она вроде не зазубренная, давай вытащу…

Моркоу схватил ее за запястье.

— Наконечник серебряный! Не трогай!

Что-то заслонило свет, и они оба подняли голову.

На Ангву смотрел король големов.

Ангва почувствовала, как вытягиваются ее ногти и зубы.

А потом она увидела круглое личико Шелли, которая встревоженно выглядывала из-за ящиков. Ангва поборола волчьи инстинкты и крикнула, обращаясь к гномке и к каждому торчащему волоску:

— Замри!

Что делать? Бежать за Мастерсом? Оттащить Моркоу в безопасное место?

Она еще раз строго сказала своему телу, что сейчас не время обращаться в волка.

Слишком много вокруг было запахов, слишком много огней…

Голем лоснился от сала и воска.

Она попятилась.

За спиной у голема Шелли посмотрела на стонущего Моркоу, а потом на подвешенный к стене пожарный топор. Гномка сняла его и осторожно взвесила в руках.

— Даже не… — начала Ангва.

— Т’др’дузк б’хазг т’т!

— О нет! — простонал Моркоу. — Только не это!

Шелли подбежала к голему сзади и обрушила топор на его поясницу. Топор отскочил, но она подпрыгнула, перекувырнулась и нанесла удар в бедро, отколов кусочек глины.

Ангва застыла в нерешительности. Топор в руках Шелли описывал сверкающие круги, а сама она издавала еще более жуткие боевые кличи. Ангва не разобрала ни одного слова, но многие гномьи боевые кличи не нуждались в такой мелочи, как слова, — это была просто звуковая волна, которая шла от самого сердца. С каждым ударом от ящиков рикошетом отлетали все новые и новые осколки глины.

— Что она крикнула? — спросила Ангва, оттаскивая Моркоу в сторону.

— Один из самых грозных боевых кличей! Если он раздался, значит, кому-то не жить!

— Что он значит?

— «Сегодня кто-нибудь умрет!»

Голем равнодушно смотрел на гномку, как слон, на которого ни с того ни с сего накинулся разъяренный цыпленок.

Потом он поймал на лету топор и отшвырнул. Шелли устремилась за ним, словно хвост за кометой.

Ангва рывком поставила Моркоу на ноги. Из раны на руке сочилась кровь. Она попробовала не дышать. «Завтра полнолуние. Выбора нет».

— Может, с ним удастся договориться… — произнес Моркоу.

— Эй! — закричала Ангва. — Очнись! Это реальный мир!

Моркоу вытащил из ножен меч.

— Ты под арестом за… — начал он.

В воздухе мелькнула рука голема. Меч по самую рукоять ушел в ящик со свечами.

— Еще гениальные идеи будут? — спросила Ангва, отступая. — Или можем уже идти?

— Нет. Надо его как-то остановить.

Их пятки уткнулись в стену из ящиков.

— Ну что, здесь он и остановится, — сказала Ангва, глядя, как голем снова поднимает кулаки.

— Давай ты направо, я налево. Может…

Высокие двустворчатые двери в дальней стене цеха сотряс удар.

Король големов повернул голову.

Двери снова дрогнули — и разлетелись в щепки. На мгновение в проеме застыл силуэт Дорфла. Потом красный голем опустил голову, раскинул руки и побежал.

Этот бег был не слишком быстрый, но неумолимый, как движение ледника. Половицы дрожали и подпрыгивали под тяжелыми шагами.

Големы с глухим стуком столкнулись посреди цеха. По телу короля побежали огненные зигзаги трещин, но он взревел, обхватил руками Дорфла

и швырнул в стену.

— Ну теперь-то мы можем найти Шелли и убраться отсюда к чертовой матери? — спросила Ангва.

— Мы должны ему помочь, — сказал Моркоу, когда големы снова врезались друг в друга.

— Как? Если даже такому истука… даже Дорфлу не под силу его остановить, мы-то что можем сделать? Бежим отсюда!

Моркоу дернул плечом, стряхивая ее руку.

Дорфл поднялся из груды кирпичей и снова бросился вперед. Големы сцепились, пытаясь перебороть друг друга. На несколько мгновений они застыли — слышался только треск. А потом Дорфл вскинул руку, подался назад и ударил другого голема по голове его собственной ногой.

Тот пошатнулся, и Дорфл замахнулся другой рукой, но король ее перехватил. Он с неожиданной ловкостью извернулся, повалил Дорфла на пол, перекатился и лягнул противника оставшейся ногой. Дорфл тоже покатился по полу. Он вытянул руки, чтобы затормозить, обернулся — и увидел, что обе его ноги с размаху влетели в стену.

Король поднял с пола оторванную конечность, какое-то время стоял на одной ноге, а затем воткнул вторую на место.

Потом он обвел взглядом цех, и красные глаза-угольки вспыхнули при виде Моркоу.

— Тут должен быть запасной выход, — пробормотала Ангва. — Мастерс же как-то сбежал!

Король бросился было к ним, но тут же столкнулся с проблемой. Оказалось, он приставил ногу задом наперед. Тогда он, хромая, двинулся кругами, — но эти круги неотвратимо приближались.

— Мы не можем бросить Дорфла, — сказал Моркоу.

Он вытащил из чана длинный железный прут и спрыгнул на заляпанный жиром пол.

Король качнулся к нему. Моркоу отскочил, крепко сжал прут и замахнулся.

Голем поднял руку, перехватил прут и отшвырнул в сторону. Потом воздел кулаки и попытался сделать шаг вперед. Но не смог.

Он посмотрел вниз.

— Шссс, — сказало то, что осталось от Дорфла, сжимая его лодыжку.

Король наклонился, взмахнул рукой и ребром ладони спокойно снес Дорфлу полголовы. Потом вынул шхему и скомкал в кулаке.

Свет в глазах у Дорфла погас.

Ангва влетела в Моркоу так резко, что он чуть не упал, обхватила его обеими руками и потащи-

ла за собой.

— Он убил Дорфла! Взял и убил! — воскликнул Моркоу.

— Очень жаль, — сказала Ангва. — Вернее, было бы жаль, будь он живым. Моркоу, они просто… механизмы. Смотри, тут недалеко до двери…

Моркоу высвободился из ее рук.

— Это убийство, — сказал он. — А мы стражники. И мы его… не устерегли. Его убили!

— Его не убили, его просто сломали…

— Командор Ваймс говорит, что кто-то должен заступаться за тех, кто лишен голоса!

Он и вправду в это верит, подумала Ангва. Для него это не просто слова. Ваймс вложил их ему в голову.

— Отвлеки его! — крикнул Моркоу и бросился прочь.

— Как? Спеть ему песенку?

— У меня есть план.

— А, ну это все меняет!

Ваймс смотрел на ворота, ведущие на свечную фабрику. В тумане виднелись факелы, горящие по обеим сторонам щита.

— Нет, ну вы полюбуйтесь, — сказал он. — Краска еще не просохла, а он уже выставляет его на всеобщее обозрение!

— Что ета, сэр? — спросил Детрит.

— Да его дурацкий герб!

Детрит пригляделся.

— Что это на нем за бык? — спросил он.

— Это як, — буркнул Ваймс. — А сверху летучая мышь.

— Мышь. Як, — повторил Детрит. — Угу, теперь понятно.

— Ну хоть девиз у него на человеческом языке, — заметил сержант Колон. — А не на этом древнем наречии, в котором сам черт ногу сломит. «Свечи, рожденные мастерством». Это, сержант Детрит, каламбур. Игра слов. Потому что у него фамилия Мастерс, понимаешь?

Ваймс перевел взгляд с одного сержанта на другого и почувствовал, как у него в голове разверзается дыра.

— Черт! — крикнул он. — Черт, черт, черт! Он же мне прямо под нос это сунул! «Этот Ваймс, старый дурень, все равно не заметит!» А я и не заметил!

— Ну, это не всякий заметит, — успокоил его Колон. — Надо для начала знать, что свечника зовут Мастерсом…

— Фред, заткнись! — рявкнул Ваймс.

— Есть заткнуться, сэр!

— Нет, ну до чего заносчивый… Это еще кто?

Из дверей фабрики выскочил какой-то человек, быстро огляделся по сторонам и припустил наутек.

— Это Мастерс! — крикнул Ваймс. Он даже не приказал: «За ним!» — просто сорвался с места в карьер. Убегающий человек ловко лавировал между свиньями и овцами и в целом был довольно прытким, но Ваймса гнала вперед энергия чистой ярости, и он был уже в нескольких ярдах от Мастерса, когда тот нырнул в переулок.

Ваймс резко затормозил и припал к стене. Он успел увидеть мелькнувший арбалет, а одна из вещей, хорошо известных всем стражникам — по крайней мере, тем, кто успел ее усвоить, — заключалась в том, что очень глупо преследовать человека с арбалетом в темном переулке, где твой силуэт четко выделяется на свету.

— Я знаю, что это ты, Мастерс! — крикнул он.

— У меня арбалет!

— Успеешь выстрелить всего раз!

— Я готов пойти на сделку!

— Никакой тебе сделки!

Мастерс понизил голос:

— Мне просто сказали отдать приказ проклятому голему, я и отдал. Я никому не желал зла.

— Конечно, конечно, — сказал Ваймс. — Ты делал ядовитые свечи, потому что они горят ярче, наверное.

— Ты знаешь, о чем я! Они сказали, что все будет в порядке, и…

— Что это за «они» такие?

— Они сказали, что никто не узнает!

— Серьезно?

— А еще они сказали, что могут… — Он умолк, а потом заговорил тем вкрадчивым тоном, к которому прибегают недалекие люди, пытаясь казаться проницательными: — Если я вам все расскажу, вы меня отпустите, правда?

Подбежали двое сержантов. Ваймс притянул к себе Детрита — или, точнее выражаясь, себя к Детриту.

— Иди за угол и смотри, чтобы он не улизнул с той стороны, — прошептал он. Тролль кивнул.

— Что же ты мне хочешь рассказать, Мастерс? — спросил Ваймс в темноту переулка.

— Так что, по рукам?

— По каким еще рукам?

— Ну, мы договорились на сделку?

— Еще чего не хватало! Я тебе не торговец! Но я тебе вот что скажу, Мастерс. Тебя предали!

Повисла тишина, а потом из темноты раздался

звук, похожий на вздох.

За спиной у Ваймс сержант Колон потопал ногами, чтобы согреться.

— Слушай, ты же не можешь там всю ночь просидеть, — сказал Ваймс.

Послышался другой звук — как будто шорох кожи. Ваймс вгляделся в клочья тумана.

— Тут что-то не так, — сказал он. — За мной!

Он бросился в переулок. Сержант Колон последовал за ним, рассудив, что можно спокойно кидаться в переулок, где притаился вооруженный человек, если перед тобой туда кто-то уже кинулся.

Впереди маячил крупный силуэт.

— Детрит!

— Да, сэр?

— Куда он делся? Тут нет ни одной двери!

Когда глаза чуть привыкли к темноте, он увидел у стены скорчившуюся фигуру. И задел ногой арбалет.

— Мастерс?

Ваймс опустился на колени и зажег спичку.

— Ох, жуть какая, — сказал сержант Колон. — Ему, похоже, кто-то шею сломал…

— Он мертв, да? — спросил Детрит. — Хотите, я его мелом обведу?

— Не стоит беспокойства, сержант.

— Да я и не беспокоюсь, вот он у меня, мел, с собой…

Ваймс посмотрел вверх. В переулке стоял туман, но было видно, что здесь нет никаких лестниц или удобных низких крыш.

— Пойдемте-ка отсюда, — сказал он.

Ангва повернулась к королю големов.

Она боролась с непреодолимым желанием обратиться. Даже волку такой противник был бы не по зубам. У него просто-напросто не было яремной вены.

Взгляд Ангвы был прикован к голему. Тот двигался неуверенно, подергиваясь, — будь он человеком, его сочли бы сумасшедшим. Он быстро, но хаотично размахивал руками, как будто до них не доходили сигналы от… что там у големов вместо мозга. Схватка с Дорфлом не прошла для него бесследно: с каждым шагом на его глиняном теле вспыхивали все новые трещины.

— Да ты же весь растрескался! — закричала Ангва. — Это потому что тебя не обожгли, а запекли, как лепешку!

Король бросился на нее. Ангва увернулась и услышала, как его рука разрезала связку свечей.

— Посмотри на себя, ты сейчас на куски разва-

лишься! Тебя сунули в печь, как кусок теста! Да ты просто недоделанный!

Она обнажила меч. Ангве редко приходилось это делать. Как правило, ей всегда хватало улыбки.

Рука голема разрезала лезвие пополам.

Ангва в ужасе уставилась на обломок меча, а потом кувыркнулась назад: следующий удар чуть не пришелся ей в лицо.

Она поскользнулась на свече и упала, но вовремя сообразила перекатиться, пока ее не затоптала огромная нога.

— Да где тебя носит? — заорала она.

— Можешь, пожалуйста, увести его поближе к дверям? — послышался голос сверху, из темноты.

Моркоу крался вдоль какой-то шаткой конструкции, на которой держался конвейер.

— Моркоу!

— Еще чуть-чуть…

Король схватил ее за ногу. Ангва рванулась и лягнула его в колено.

К ее изумлению, колено треснуло. Но за ним все так же горел огонь. Глиняные черепки как будто плавали по его поверхности.

Что бы кто ни делал, голем бы не отступил

— даже превратившись в облако пыли.

— Ну ладно, — сказал Моркоу и спрыгнул с мостика под потолком.

Он приземлился королю на спину, обхватил рукой его шею и принялся дубасить его по голове рукоятью меча. Голем пошатнулся и попытался поднять руки, чтобы стащить с себя наглеца.

— Надо достать шхему! — прокричал Моркоу, уворачиваясь от его ручищ. — Это единственный… способ!

Король качнулся вперед и врезался в штабель ящиков, усыпав весь пол свечами. Моркоу схватил его за уши и попытался открутить макушку.

До Ангвы донеслись слова:

— У тебя… есть… право… на… законника…

— Моркоу! Еще не хватало права ему зачитывать!

— У тебя… есть… право…

— Просто скажи, что у него есть право хранить молчание, и пусть навсегда замолчит!

Из зияющего дверного проема послышался шум, и вбежал Ваймс с мечом наголо.

— О боги… Сержант Детрит!

Детрит вбежал в цех вслед за ним.

— Здесь, сэр!

— Пальни из арбалета в голову, будь так добр!

— Как скажете, сэр…

— В *его* голову, сержант! В мою не надо! Моркоу, а ну слезай оттуда!

— Я никак не могу открутить его макушку, сэр!

— Мы всадим ему в ухо шестифутовый лом, как только ты слезешь!

Моркоу приподнялся, опираясь королю на плечи, прикинул траекторию и, дождавшись, пока голем крутанется, прыгнул.

Он неуклюже приземлился в груду свечей, которые тут же рассыпались. Моркоу подвернул ногу, упал, покатился — и уперся в недвижную глиняную статую, которая недавно была Дорфлом.

— Ты ета, приятель, посмотри-ка сюда, — сказал Детрит.

Король повернулся.

Ваймс так толком и не понял, что случилось потом, — настолько быстро все произошло. Он почувствовал только, как что-то пронеслось мимо, а потом услышал, как стрела, звякнув, отскочила и с треском врезалась в дверной косяк у него за спиной.

А голем склонился над Моркоу, который пытался отползти в сторону.

Король замахнулся кулаком и…

Ваймс даже не заметил, как Дорфл шевель-

нул рукой, — но вот он уже сжимал короля за запястье.

В глазах у Дорфла вспыхнули крошечные звездочки.

— Шсссс!

Когда король в удивлении отшатнулся, Дорфл поднялся и встал на то, что оставалось от его ног. И не только поднялся, но и поднял кулак.

Время замерло. Во всей вселенной двигался лишь этот кулак.

Он плыл через пространство, как планета, обманчиво медленная в своем неумолимом полете.

И тогда на лице короля промелькнуло новое выражение. За миг до того, как на него обрушился кулак, голем улыбнулся.

Его голова разлетелась на куски. Как в замедленной съемке, по воздуху поплыли глиняные черепки. И слова. Обрывки бумажек, многие дюжины обрывков неспешно осели на пол.

Король рухнул наземь — медленно и величественно. Красный свет в трещинах угас, и от голема остались одни… черепки.

Дорфл упал прямо на них.

Ангва и Ваймс одновременно подбежали к Моркоу.

— Он ожил! — воскликнул Моркоу, с трудом поднимаясь с пола. — Эта громадина собиралась меня убить, а Дорфл ожил! Но этот истукан выбил у него из головы все слова! Голему нужны слова!

— Кажется, в своего голема они вложили слишком много слов, — сказал Ваймс.

Он поднял несколько бумажных свитков.

…ПРИНЕСИ НАМ МИР…

…ПРАВЬ НАМИ МУДРО И СПРАВЕДЛИВО…

…НАУЧИ НАС СВОБОДЕ…

…ВЫВЕДИ НАС К…

«Бедняга ты, бедняга», — подумал он.

— Пойдем домой. Нужно перевязать тебе руку… — начала Ангва.

— Да послушайте же вы меня! — крикнул Моркоу. — Он живой!

Ваймс присел рядом с Дорфлом. Разбитый глиняный череп был пустым, словно яичная скорлупа. Но в каждом глазу по-прежнему горел крошечный огонек.

— Хссссс, — прошипел Дорфл так тихо, что Ваймс усомнился, не послышалось ли ему.

Голем заскреб пальцем по полу.

— Он что, пытается что-то написать? — спросила Ангва.

Ваймс достал блокнот, положил рядом с Дор-

флом и осторожно вложил ему в пальцы карандаш.

Рука дрожала, и все же он вывел шесть слов — с механической четкостью, свойственной големам.

Потом он замер. Карандаш выпал из пальцев и укатился. Огоньки в глазах у Дорфла потускнели, а потом погасли совсем.

— О боги, — выдохнула Ангва. — Значит, им не нужны слова в голове…

— Мы можем его починить, — охрипшим голосом сказал Моркоу. — В городе полно гончаров.

Ваймс долго смотрел в блокнот, а потом перевел взгляд на то, что осталось от Дорфла.

— Мистер Ваймс? — окликнул его Моркоу.

— Действуй, — сказал Ваймс.

Моркоу часто заморгал.

— Сейчас же, — добавил Ваймс. И снова перечитал надпись на странице.

СЛОВА, ЧТО В СЕРДЦЕ, НЕЛЬЗЯ ОТОБРАТЬ.

— А когда будешь его чинить, — сказал он, — когда будешь чинить… дай ему голос. Понял? И покажи свою руку какому-нибудь лекарю.

— Голос, сэр?

— Действуй, я сказал!

— Есть, сэр.

— Ну ладно. — Ваймс подобрался. — Мы с констеблем Ангвой осмотрим помещение. А вы ступайте.

Он посмотрел вслед Моркоу и троллю, которые вынесли останки наружу.

— Ну что, давай искать мышьяк, — сказал он. — Может, у них под это дело специальное помещение. Не думаю, что они делали отравленные свечи там же, где и обычные. Задранец подскажет, что… Так, а где капрал Задранец?

— Э… Я, кажется, сейчас упаду…

Они посмотрели вверх.

Шелли висела среди свечей на конвейерной ленте.

— Ты что там делаешь? — спросил Ваймс.

— Меня сюда просто… закинуло, сэр.

— А можешь просто спрыгнуть? Тут не так уж высо… Ох.

В нескольких футах под ней стоял огромный чан с расплавленным салом. Время от времени на его поверхности лопался очередной пузырь.

— Э… эта штука очень горячая, да? — прошептал Ваймс, обращаясь к Ангве.

— Кусали когда-нибудь горячий пирожок с вареньем? — спросила она.

— А можешь раскачаться и прыгнуть? — крик-

нул Ваймс.

— Не могу, сэр, руки скользят!

— Капрал Задранец, приказываю тебе не падать!

— Будет исполнено, сэр!

Ваймс скинул камзол.

— Подержи-ка. Посмотрим, смогу ли я туда залезть… — пробормотал он.

— Ничего не выйдет, сэр! — сказала Ангва. — Эта штука и так хлипкая.

— Кажется, я все-таки сейчас упаду, сэр!

— Святые угодники, а раньше нельзя было позвать на помощь?

— Все были заняты, сэр.

— Сэр, отвернитесь, пожалуйста, — сказала Ангва, отстегивая нагрудник. — И закройте глаза! Прямо сейчас!

— Что? Зачем?..

— Отверррнитесь, сэррр!

— А… конечно…

Ваймс услышал, как Ангва отходит от свечного станка, по пути сбрасывая с себя броню. Потом она побежала, и на бегу звук ее шагов изменился, а потом…

Он открыл глаза.

Волчица одним прыжком взвилась в воздух,

схватила за плечо гномку, которая как раз разжала руки, а потом выгнулась и приземлилась вместе с гномкой по ту сторону чана.

Ангва, скуля, покатилась по полу.

Шелли вскочила на ноги.

— Это же вервольф!

Ангва каталась туда-сюда, прикрыв лапами рот.

— Что с ним такое? — спросила Шелли, уже не таким паническим тоном. — Ему, кажется, больно… А где Ангва?.. О.

Ваймс взглянул на ее порванную кожаную рубаху.

— Ты что, носишь кольчугу *под одеждой*? — спросил он.

— Ох… это серебряная сорочка… но она про нее знала. Мы про это говорили…

Ваймс схватил Ангву за ошейник. Та попыталась было его цапнуть, но потом встретилась с ним взглядом и отвернулась.

— Серебро… Но она же просто его укусила… — растерянно проговорила Шелли.

Ангва с трудом встала, метнула на них гневный взгляд и похромала куда-то за ящики. Оттуда донесся скулеж, который постепенно превратился в голос.

— Проклятые гномы… Со своими проклятыми сорочками…

— Констебль, ты там как? — спросил Ваймс.

— Черт бы побрал это серебряное белье… Можете передать мне одежду, пожалуйста?

Ваймс поднял с пола ее доспехи и, ради приличия зажмурившись, сунул за ящики.

— Мне никто не говорил, что она ве… — простонала Шелли.

— Подумай вот о чем, капрал. Не будь она вервольфом, — терпеливо разъяснил Ваймс, — из тебя бы сейчас получилась самая большая в мире фигурная свечка.

Ангва вышла из-за ящиков, потирая рот. Кожа вокруг него заметно порозовела.

— Ты обожглась? — спросила Шелли.

— Заживет, — ответила Ангва.

— Ты не говорила, что ты вервольф!

— А когда, по-твоему, для этого был подходящий момент?

— Так, ладно, — сказал Ваймс. — Раз уж вы, дамочки, с этим наконец разобрались, пора обыскать помещение. Ясно?

— У меня есть лечебная мазь, — робко сказала Шелли.

— Спасибо.

В подвале они нашли мешок. Там было несколько связок свечей. И много дохлых крыс.

Тролль Вулкан приоткрыл дверь гончарной мастерской — примерно на одну шестнадцатую часть. Но с той стороны дверь немедленно толкнули, и она распахнулась на добрых три четверти.

— Ета еще что такое? — спросил он у Детрита и Моркоу, которые вошли внутрь и внесли останки Дорфла. — Вы не можете просто так взять и ко мне вломиться…

— Но мы же не просто так вломились, — возразил Детрит.

— Не имеете права, — сказал Вулкан. — Ета произвол. Врываться без всякой причины…

Детрит отпустил голема, резко обернулся и схватил Вулкана за горло.

— Видишь енти статуи Монолита? Видишь? — прорычал он и повернул его голову набок, туда, где у стены выстроились тролльи религиозные скульптуры. — Хочешь, чтобы я одну разбил и посмотрел, что у ней внутри? Может, тогда и причина найдется?

Глаза у Вулкана забегали. Хоть он был и тугодумом, но, когда рядом пахло жареным, мигом чуял что к чему.

— Да ладно, ну вы чего. Всегда рад помочь Страже, — пробормотал он. — Ета, чего хотите-то?

Моркоу положил на стол голема.

— Вот, приступай, — сказал он. — Почини его. И чтобы старой глины сохранилось как можно больше, ясно?

— Разве ж его можно починить, если свет погас? — спросил Детрит, все еще озадаченный их благородной миссией.

— Он говорил, что глина все помнит!

Сержант пожал плечами.

— И вылепи ему язык, — добавил Моркоу.

Вулкан ошарашенно на него уставился.

— Еще чего, — сказал он. — Если голем заговорит — ета богохульство. Ета всем известно.

— Правда, что ли? — спросил Детрит. Он подошел к статуям и внимательно на них посмотрел. А потом сказал: — Ох, ета я споткнулся и падаю, ай, ета я хватаюсь за статую, ой, у ней рука отвалилась, стыдно-то как… а что же ета за белый порошок такой по всему полу?

Он лизнул палец и осторожно попробовал порошок.

— Шлак! — прорычал он и подскочил к дрожащему Вулкану. — И ты мне про богохульство что-то заливаешь, ты, кусок копролита? Или

делай, что сказал капитан Моркоу, или мы тебя отсюда вперед ногами утащим!

— Ета беспредел… — пробормотал Вулкан.

— Нет! Ета кулак! — заорал Детрит, потрясая перед ним кулачищем. — Будешь рыпаться — я тебе ентим кулаком такой беспредел устрою, что закачаешься!

Вулкан попытался воззвать к Моркоу.

— Ета незаконно, у него значок, а он меня запугивает, нельзя же так, — сказал он.

Моркоу кивнул. Глаза у него опасно поблескивали — но Вулкан, на свою беду, этого не заметил.

— Совершенно верно, — сказал он. — Сержант Детрит!

— Да, сэр?

— День у нас выдался трудный. Так что отпускаю тебя с дежурства.

— Есть, сэр! — воодушевленно откликнулся Детрит. Он снял значок и аккуратно положил на стол. Потом начал стаскивать доспехи.

— Взгляни на это так, — сказал Моркоу. — Мы не создаем жизнь, мы просто предоставляем ей жилплощадь.

Вулкан наконец сдался.

— Ладно, ладно, — проворчал он. — Приступаю. Уже приступаю.

Он посмотрел на многочисленные черепки, в которые превратился Дорфл, и поскреб заросший лишайником подбородок.

— Почти все куски на месте, — сказал он, позволяя профессионализму на время вытеснить негодование. — Трещины можно замазать цементом. Главное — обжечь его потом хорошенько. Ну-ка, ну-ка… Где-то он у меня завалялся…

Детрит недоуменно посмотрел на свой палец, все еще белый от порошка, и бочком подошел к Моркоу.

— Я его что, лизнул? — спросил он.

— Э-э-э… да, — ответил Морку.

— Ох, ну слава богам, — сказал Детрит и яростно заморгал. — А то я уж думал, что тут и впрямь полно огромных волосатых пау… бубль-губль-чпок!

И он упал на пол с довольной улыбкой.

— Даже если я его починю, ты его не оживишь, — пробормотал Вулкан, возвращаясь к столу. — Нужен священник, чтоб слова ему в голову вложил, а ты его сейчас не найдешь ни за какие коврижки…

— Он сам себе придумает слова, — сказал Моркоу.

— А за печью кто будет следить? — спросил Вулкан. — Тут до самого утра сидеть надо, а то

и дольше…

— У меня все равно на сегодня больше никаких планов, — сказал Моркоу и снял шлем.

Ваймс проснулся около четырех ночи. Он уснул прямо за столом. Он не собирался, но тело просто взяло и отключилось.

Он не впервые пытался продрать глаза в своем кабинете. Но, по крайней мере, на этот раз он не лежал в противной липкой луже.

Взгляд Ваймса сфокусировался на недописанном рапорте. Рядом лежал блокнот — его страницы, исписанные сверху донизу, напоминали Ваймсу о том, как он пытался постичь сложность мира своим несовершенным разумом.

Он зевнул и выглянул в сумрак ночи.

У него не было ни одного свидетельства. Ни одного настоящего свидетельства. Он долго допрашивал почти невменяемого капрала Шноббса, но тот, по сути, ничего и не видел. Все доказательства могли в любой момент развеяться, как туман. У него только и было, что несколько подозрений и множество совпадений, которые выстраивались в хлипкий карточный домик без всякого фундамента.

Он заглянул в блокнот.

И не лень кому-то было столько писать. Ах да,

это же он все и написал.

События минувшего вечера звенели у него в голове. Что это за ерунду о гербах он тут начиркал?

А, точно…

Точно!

Спустя десять минут он распахнул дверь в гончарную мастерскую. В промозглый ночной воздух полилось тепло.

Моркоу и Детрит спали на полу по обе стороны от печи. Проклятье. Ему был нужен кто-то, кому можно доверять, но будить этих двоих духу не хватало. Он за последние дни и так из них выжал все соки, да и не только из них…

Что-то постучало изнутри в печную дверцу.

Потом ручка начала сама собой поворачиваться.

Дверца открылась так широко, как только могла, и что-то то ли выползло, то ли выпало наружу.

Ваймс все еще не до конца проснулся. От усталости и докучливых остатков адреналина его сознание туманилось, но он увидел, как горящий человек выпрямился и встал.

Докрасна раскаленное тело потрескивало, остывая. Пол у него под ногами обуглился и задымился.

Голем поднял голову и огляделся по сторонам.

— Ты! — сказал Ваймс и показал на него дрожащим пальцем. — Пойдем со мной!

— Да, — сказал Дорфл.

Дракон, Король Гербов, вошел в свою библиотеку. Пыльные маленькие окошки и обрывки тумана обеспечивали ей вечный серый полумрак, но сотня свечей разбавляла его мягким светом.

Он сел за стол, притянул к себе толстую книгу и начал писать.

Через какое-то время он прервался и поднял голову. В комнате было тихо, только чуть слышно потрескивали свечи.

— Ах-ха. Я чувствую ваш запах, командор Ваймс, — сказал он. — Вас что, проводили сюда геральдисты?

— Я сам нашел дорогу, не беспокойтесь, — сказал Ваймс и вышел из тени.

Вампир снова принюхался.

— Вы пришли одни?

— А кого я должен был с собой взять?

— Что ж, рад вас видеть, сэр Сэмюэль.

— Взаимно. Я пришел вас арестовать, — сказал Ваймс.

— Вот это новости. Ах-ха. И за что же, позвольте

спросить?

— Не соблаговолите ли взглянуть на стрелу моего арбалета? — предложил Ваймс. — Обратите особое внимание на наконечник. Он не железный, а деревянный.

— Как предусмотрительно. Ах-ха. — Дракон, Король Гербов, подмигнул Ваймсу. — Однако же вы до сих пор не сказали, какое мне предъявлено обвинение.

— Для начала — соучастие в убийстве госпожи Флоры Ветерок и ребенка по имени Вильям Ветерок.

— Боюсь, эти имена мне ни о чем не говорят.

Палец Ваймса дрогнул на спусковом крючке.

— Да, — сказал он и глубоко вдохнул. — Возможно, действительно не говорят. Но мы ведем расследование, и, вероятно, всплывет еще несколько дополнительных дел. Тот факт, что вы пытались отравить патриция, я склонен считать смягчающим обстоятельством.

— И вы действительно хотите довести дело до суда?

— Чего я хочу, так это прибегнуть к старому доброму насилию, — громко сказал Ваймс. — Но придется обойтись судом.

Вампир откинулся в кресле.

— Я слышал, вы в последнее время перерабатываете, командор, — сказал он. — Так что я не буду…

— У нас есть показания господина Мастерса, — солгал Ваймс. — *Покойного* господина Мастерса.

На лице Дракона не дрогнул ни один мускул.

— Ах-ха, я представления не имею, о чем вы, сэр Сэмюэль.

— Ко мне в кабинет мог проникнуть только тот, кто умеет летать.

— Боюсь, вы меня совсем запутали, сэр.

— Господин Мастерс был убит прошлым вечером, — продолжил Ваймс. — Кем-то, кто сумел выбраться из охраняемого с обеих сторон переулка. И я знаю, что у него на фабрике не раз побывал вампир.

— Я все еще не понимаю, к чему вы клоните, командор, — сказал Дракон, Король Гербов. — Мне ничего не известно о смерти господина Мастерса, и в любом случае в городе великое множество вампиров. Боюсь, мне хорошо известна ваша к нам… антипатия.

— Я не люблю, когда к людям относятся как к скоту, — сказал Ваймс. Он ненадолго задержал взгляд на книгах, которыми была завалена комната. — А вы ведь всегда к нам так и относились.

Все эти тома — учет поголовья в Анк-Морпорке. — Арбалет снова повернулся к вампиру, который даже не шевельнулся. — Власть над жалкими людишками. Вот чего хотят вампиры. Пить кровь — это просто удобный способ ее утвердить. Интересно, какого влияния вы достигли за все эти годы?

— Определенного. Хотя бы в этом вы правы.

— «Главное — хорошая порода»... — сказал Ваймс. — Святые угодники. Что ж, я думаю, многие хотели убрать Витинари с дороги. Но убивать не хотели — до поры до времени. Если бы он умер, случилось бы слишком много всего и сразу. А Шнобби и вправду граф?

— Свидетельства говорят в пользу этого.

— Но эти свидетельства вы сами и сфабриковали, верно? Не думаю, что он голубых кровей. Шнобби прост, как коровья лепешка. Это одно из его главных достоинств. Я бы не полагался на кольцо. Учитывая, сколько всего прибрала к рукам его семейка, можно было бы доказать, что он герцог Псевдопольский, сериф Клатчский и вдовствующая герцогиня Щеботанская в одном лице. В прошлом году он спер мой портсигар, и будь я проклят, если Шнобби — это я. Нет, я не думаю, что он из благородных. Но думаю, что он

подходил для ваших целей.

Ваймсу показалось, что Дракон как будто увеличился в размерах, но, возможно, это была просто игра теней. Свечи в комнате шипели и перемигивались.

— И я вам тоже оказался полезен, да? — продолжил Ваймс. — Я неделями уклонялся от встречи. Вы, наверное, уже потеряли терпение. А как вы удивились, когда я вам сказал про Шнобби! Иначе пришлось бы за ним посылать или вроде того — представьте, как бы это было подозрительно. А тут командор Ваймс взял и сам все выяснил. И все шито-крыто. Лучше не бывает. А потом я задумался: кому мог понадобиться король? И оказалось, что практически всем. Так уж устроены люди. С королями им все кажется лучше. Забавная штука, да? Даже те, кто всем обязан Витинари, все равно его недолюбливают. Десять лет назад большинство глав гильдий были просто кучкой бандитов, а теперь… ну, сказать по правде, они так и остались кучкой бандитов, но благодаря Витинари у них появилось достаточно времени и сил, чтобы решить, что он им не нужен. И тут является юный Моркоу, из которого харизма так и хлещет, и меч у него есть, и родимое пятно, и у всех возникают какие-то странные мыслиш-

ки, и дюжины придурков начинают рыться в записях и говорят: «Смотрите-ка, кажется, король вернулся!» А потом они какое-то время за ним наблюдают и думают: «Вот черт, а ведь он честный, справедливый и благородный, прямо как в сказках. Жуть какая! Если этот парнишка сядет на трон, нам всем несдобровать! Он еще, не ровен час, окажется одним из тех неудобных королей, которые в былые времена ходили и разговаривали с простым людом…»

— Вам так по душе простой люд? — тихо спросил Дракон.

— Да нет, в нем нет ничего особенного, — сказал Ваймс. — Простые люди ничем не отличаются от богатых и влиятельных, разве что тем, что у них нет ни денег, ни влияния. Но на то и нужен закон — чтобы хоть немного это уравновесить. Так что, думаю, мне положено быть на их стороне.

— Вам? — переспросил Дракон. — Человеку, женатому на самой богатой женщине в городе?

Ваймс пожал плечами.

— Шлем Стражи — это не корона. Даже если его снять, он останется на голове.

— Любопытное заявление, сэр Сэмюэль, и я поистине восхищен тем, как вам удалось примириться со своей семейной историей, но…

— Ни с места! — Ваймс поудобнее перехватил арбалет. — Так или иначе… кандидатура Моркоу отпадала, но вести распространялись все шире, и кто-то предложил: «Ладно, пускай у нас будет король, которым мы сможем управлять. Все слухи говорят о том, что король — скромный стражник, так давайте найдем такого стражника». Они присмотрелись и увидели, что никого скромнее Шнобби Шноббса им не сыскать. Но… думаю, их одолевали сомнения. О том, чтобы убивать Витинари, и речи не шло. Как я уже говорил, случилось бы слишком много всего и сразу. А вот мягко устранить его, чтобы он был одновременно рядом и не рядом, пока все свыкаются с переменами… это был хитрый трюк. Тогда-то господину Мастерсу и предложили делать отравленные свечи. У него был голем. Големы не разговаривают. Никто бы ничего не узнал. Вот только все пошло… не по плану.

— Вам, судя по всему, кажется, что я к этому причастен, — сказал Дракон, Король Гербов. — Я ничего не знаю об этом человеке, за вычетом того, что он пользовался нашими услугами…

Ваймс быстрым шагом пересек комнату и сорвал с доски лист пергамента.

— Вы сделали ему герб! — крикнул он. — И да-

же мне показали, когда я сюда заходил! «Мясник, пекарь и свечных дел мастер»! Помните?

Сгорбленная фигура хранила молчание.

— Когда я на днях впервые с вами встретился, — сказал Ваймс, — вы меня чуть ли не носом ткнули в герб Артура Мастерса. Мне тогда это показалось слегка подозрительным, но за всей чехардой вокруг Шнобби вылетело из головы. Но я помню, что он мне показался похожим на герб Гильдии Убийц.

Ваймс взмахнул пергаментом.

— Вчера вечером я все глядел на него и глядел, а потом снизил свое чувство юмора на десяток делений и посмотрел на животных, на яка и на мышь. Вернее, на мышь и яка. Мышьяк. Нужно быть незамутненным, как старина Детрит, чтобы это заметить. А Фред Колон удивился, что вы оставили девиз на современном языке вместо древнего. Я тогда тоже задумался, засел за словарь и выяснил, что на лататианском языке это звучит как «Ars Enixa Est Candelam». *Ars Enixa*. «Арсеникум» — мышьяк по-лататиански. Вы, наверное, ужасно веселились, когда это придумали. Вы все описали на гербе и вручили его бедному дурачку, чтобы тот раздулся от гордости. Неважно, что никто другой этого бы не заметил. Главное, что

вы позабавились. И правда, куда нам, простым смертным, до таких умников, как вы? — Он покачал головой. — Святые угодники, герб! Это и была взятка? Он больше ничего не запросил?

Дракон еще сильнее сгорбился в кресле.

— А потом я задался вопросом, зачем вам все это, — продолжил Ваймс. — С людьми-то все ясно, ими наверняка двигали те же мотивы, что и всегда. Но вы?.. Вот моя жена разводит драконов. Из чистого интереса. Для вас это то же самое? Невинная забава, чтобы коротать столетия? Или голубая кровь приятнее на вкус? Знаете, я даже надеюсь, что за этим стоит какой-то такой мотив. Старый добрый эгоистичный мотив.

— Возможно, если бы кто-то решил этим заняться — и это ни в коем случае не следует считать признанием, ах-ха, — им могло бы двигать просто-напросто желание улучшить людской род, — раздался голос из тени.

— Скрещивать людей, чтобы получить скошенные подбородки или заячьи зубы, вы об этом? — спросил Ваймс. — Да, при королях это бы действительно стало проще. Можно устраивать приемы, балы, дергать за всевозможные ниточки, чтобы правильные девушки знакомились только с правильными юношами… У вас были

сотни нет. И масса советчиков. Вы знаете, куда уходят корнями все семейные древа. Но Витинари смешал вам все карты, да? При нем наверх стали пробиваться совершенно не те люди. Я же помню, как Сибилла ругается, когда кто-то не закрывает загоны: все ее труды по выведению нужной породы идут прахом.

— Насчет капитана Моркоу вы не правы, ах-ха. Город умеет управляться… с *непростыми* королями. Но нужен ли ему будущий король по имени Рекс?

Ваймс непонимающе нахмурился. Из тени послышался вздох.

— Я имею в виду, ах-ха, его, по всей видимости, близкие отношения с вервольфом.

Ваймс уставился на темную фигуру. Наконец его озарило.

— Вы думаете, что у них могут родиться щенки?

— Генетика верфольфов довольно запутанна, ах-ха, но сама возможность такого исхода была бы совершенно неприемлемой. Если бы, конечно, кто-то был этим озабочен.

— О боги! И что, в этом все дело?

Тень на кресле слегка видоизменилась. Дракон сидел в той же позе, но его контуры как будто

расплылись.

— Вне зависимости от, ах-ха, мотивов, господин Ваймс, у вас нет никаких доказательств. Только догадки, случайные совпадения и ваша собственная вера в то, что я как-то связан, ах-ха, с какими бы то ни было посягательствами на жизнь Витинари…

Старый вампир еще ниже опустил голову. Тени у него за спиной стали как будто длиннее.

— А вот големов вы зря втянули, — сказал Ваймс, глядя на эти тени. — Они же чувствовали, что творит их «король». Может быть, они тоже не от большого ума его слепили, но что им еще оставалось? Глина от их глины… У этих бедолаг не было ничего, кроме глины, а вы, подонки, отняли даже ее…

Дракон внезапно взвился и расправил кожистые крылья. Деревянная стрела стукнулась о балку где-то под потолком; Ваймс упал, пригвожденный к полу.

— Ты правда думал, что сможешь меня арестовать? Угрожая этой щепкой? — спросил Дракон, стиснув его горло.

— Нет, — прохрипел Ваймс. — Я нашел более… поэтичный… способ. Мне просто… надо было… потянуть время. Чувствуешь… слабость? Я тебе,

можно сказать… отплатил… той же монетой. — Он усмехнулся.

Вампир посмотрел на него в недоумении, а потом повернулся и уставился на свечи.

— Ты… чем-то отравил свечи? Серьезно?

— Мы знали… что чеснок… ты учуешь… но наш алхимик рассудил… что если пропитать… фитили… святой водой… вода испарится… а святость останется.

Хватка разжалась. Дракон, Король Гербов, сел на корточки. Лицо у него вытянулось, и в его чертах появилось что-то лисье.

Потом он покачал головой.

— Нет, — сказал он и тоже усмехнулся. — Нет, это просто слова. Готов поспорить, ничего бы не вышло…

— На что поспорить? На свою… нежизнь? — выдавил Ваймс, потирая шею. — Такая кончина получше… чем у Мастерса, правда?

— Пытаешься хитростью выманить у меня признание?

— О, признание я уже получил, — сказал Ваймс. — Когда ты сразу посмотрел на свечи.

— Да что ты говоришь? Ах-ха. Но разве кто-то еще меня видел?

В темноте что-то заворочалось, как отдаленные

раскаты грома.

— Я Видел, — сказал Дорфл.

Вампир перевел взгляд с голема на Ваймса.

— Ты что, дал ему *голос*? — спросил он.

— Да, — сказал Дорфл. Он нагнулся и одной рукой поднял вампира. — Я Мог Бы Тебя Убить, — сказал он. — Как Индивидуум, Наделенный Свободой Воли, Я Мог Бы Сделать Такой Выбор, Но Не Буду, Потому Что Он Противоречит Моей Этике.

— О боги, — чуть слышно пробормотал Ваймс.

— Это же святотатство, — возмутился вампир.

Глаза у Ваймса сверкнули, как два солнечных луча, и Дракон ахнул.

— Если кто-то всю жизнь молчал и вдруг заговорил, это всегда так и называют. Уведи его во дворец, Дорфл. Пусть его бросят в темницу.

— Я Мог Бы Не Обращать Внимания На Этот Приказ, Но Я Его Исполню Из Уважения И Из Чувства Долга Перед Обществом…

— Да, да, конечно, — поспешно согласился Ваймс.

Дракон вонзил в голема когти. С тем же успехом он мог царапать скалу.

— Живым Или Немертвым, Ты Пойдешь Со Мной, — сказал Дорфл.

— Нет, ну это уже чересчур! Ты что, принял этого истукана в Стражу? — крикнул вампир, пытаясь вырваться из хватки Дорфла, который понес его к выходу.

— Нет, но идея богатая. Подумаю над этим, — ответил Ваймс.

Он остался один в густом бархатном полумраке Королевской геральдической палаты.

«А Витинари его отпустит, — подумал он. — Потому что так устроена политика. Потому что он часть этого города. И к тому же у меня правда нет доказательств. Самого себя мне удалось убедить, но…

Но я-то буду знать правду.

За ним, конечно, будут присматривать, и однажды, когда Витинари решит, что время пришло, к нему отправят первоклассного убийцу с осиновым кинжалом, вымазанным в чесноке, и вот так, под покровом ночи, все закончится.

Политика в Анк-Морпорке — это игра в шахматы. Кого волнует какая-то пара пешек?

Но я буду знать правду. И буду единственным, кто ее знает».

Он машинально похлопал по карманам в поисках сигары.

Убить вампира нелегко. Можно пронзить его

колом и обратить в прах, а десять лет спустя кто-нибудь прольет в неудачном месте каплю крови, и угадайте, кто вернулся? Они, даром что нежить, были живучими, как сорняки.

Ваймс знал, что это опасные мысли. Из тех, кто закрадываются в голову стражнику, когда погоня позади и преступление, тяжело дыша, оказывается лицом к лицу с наказанием. И в этот самый момент тот, кто слишком часто смотрел на неприглядную изнанку мира, может превратиться из стражника в обычного человека и осознать, что щелчок арбалета или взмах меча — отличный способ очистить этот самый мир.

Так вот, так думать нельзя. Даже про вампиров. Пусть даже они преспокойно лишают людей жизни, потому что жизнь таких жалких существ ничего не значит, — а у них не отнимешь ничего взамен.

Так думать нельзя, потому что, когда тебе дают меч и значок, ты превращаешься в того, кому надо гнать от себя такие мысли.

Только преступления совершаются под покровом ночи. Наказание вершится на свету. В этом и состоит работа стражника, как говорил Моркоу. Зажечь свечу во тьме.

Он нашел сигару. Теперь руки потянулись за

спичками.

Вдоль стен высились стопки книг. В пламени свечей сверкало золотое тиснение и тускло блестела кожа.

Вот они, родословные списки, труды о всякой геральдической чепухе, справочники «Кто есть кто», охватывающие целые века, реестры, где посчитаны по головам все жители города. Опираясь на эти книги, можно было смотреть на всех свысока.

Да где же эти спички…

В пыльной тишине библиотеки Ваймс взял подсвечник и прикурил сигару.

Он выпустил несколько обильных клубов дыма и задумчиво посмотрел на книги. Свечи у него в руках мерцали и потрескивали.

Часы тикали — все так же аритмично. Когда стрелки, спотыкаясь, наконец добрались до часа дня, Ваймс поднялся и вошел в Продолговатый кабинет.

— А, Ваймс, это ты, — сказал Витинари, поднимая голову.

— Да, сэр.

Ваймс сумел урвать несколько часов сна и даже попытался побриться.

Патриций пошелестел бумагами на столе.

— Похоже, вчера был очень насыщенный вечер…

— Да, сэр.

Ваймс стоял по стойке «смирно». Знание, как вести себя в таких обстоятельствах, в крови у всех, кто носит доспехи. Во-первых, надо смотреть строго перед собой.

— Насколько я могу судить, у меня в темнице Дракон, Король Гербов, — сказал патриций.

— Да, сэр.

— Я прочитал твой рапорт. Не сказал бы, что ты приводишь убедительные доказательства.

— Сэр?

— Ваймс, одного из твоих свидетелей даже нет среди живых.

— Так точно, сэр. Как и подозреваемого, сэр. С технической точки зрения.

— Он тем не менее влиятельный член общества. Обладающий авторитетом.

— Да, сэр.

Лорд Витинари снова пошелестел бумагами. На одной из них были пятна сажи.

— Также, судя по всему, мне следует объявить тебе благодарность, командор.

— Сэр?

— Члены Королевской геральдической палаты,

или, по крайней мере, того, что осталось от Королевской геральдической палаты, отправили мне записку о том, как мужественно ты действовал прошлой ночью.

— Сэр?

— Выпустил из загонов всех этих геральдических животных, подал сигнал тревоги и так далее. Доблестный защитник — так они тебя назвали. Насколько мне известно, в настоящее время большинство этих существ находятся у вас?

— Да, сэр. Мы не могли бросить их в беде, сэр. У нас есть несколько пустых загонов, сэр, а Кит с Родриком отлично устроились в пруду. Сибилле они очень приглянулись, сэр.

Лорд Витинари кашлянул и уставился в потолок.

— Так о чем это мы… Ах да, о пожаре. И о твоем, хм, неоценимом вкладе.

— Это мой гражданский долг, сэр.

— Как я понимаю, причиной пожара стала упавшая свеча — упавшая, вероятно, после вашей драки с Драконом, Королем Гербов.

— Я полагаю, что так, сэр.

— И, похоже, так полагают и геральдисты.

— А Дракону уже рассказали? — невинно поинтересовался Ваймс.

— Да.

— И как он принял это известие?

— Он долго вопил, Ваймс. Истошно, как мне доложили. И по какой-то причине выкрикивал очень много угроз в твой адрес.

— У меня очень плотное расписание, но попробую его втиснуть, сэр.

— Дзынь-дилинь-дилинь! — прозвенел голосок. Ваймс хлопнул себя по карману.

Какое-то время Витинари сидел молча и барабанил пальцами по столу.

— Думаю, там было много древних манускриптов. Как мне сказали, бесценных.

— Да, сэр. Никакой ценности, сэр.

— Есть ли шанс, что ты только что меня не понял, командор?

— Не исключено, сэр.

— Сведения о происхождении многих почтенных родов развеялись как дым, командор. Конечно, геральдисты сделают все возможное, чтобы их восстановить, да и сами семьи вели записи, но, откровенно говоря, все это будет построено на догадках и обрывках. Донельзя досадная история. Ты улыбаешься, командор?

— Игра света, сэр.

— Командор, я всегда полагал, что тебе присуще

органическое неприятие любой власти.

— Сэр?

— Похоже, тебе удалось его сохранить, даже несмотря на то что ты сам облечен властью.

— Сэр?

— Это почти дзэнский парадокс.

— Сэр?

— Кажется, мне нездоровилось всего несколько дней, а ты ухитрился вывести из себя каждую важную персону в городе.

— Сэр.

— «Да, сэр» или «Нет, сэр»?

— Просто «сэр», сэр.

Лорд Витинари взглянул на какую-то записку.

— Ты на самом деле ударил кулаком главу Гильдии Убийц?

— Да, сэр.

— Почему?

— Не было при себе кинжала, сэр.

Витинари резко отвернулся.

— Совет Церквей, Храмов, Священных рощ и Огромных зловещих камней требует… на самом деле он много чего требует, в том числе пригнать табун диких лошадей. Но первый пункт в списке — твое увольнение.

— Да, сэр?

— В общей сложности мне пришло семнадцать писем с требованиями лишить тебя значка. Некоторые хотят, чтобы тебя заодно лишили кое-каких частей тела. Почему ты вечно у всех поперек горла?

— Похоже, это мой врожденный талант, сэр.

— Но чего ты надеялся добиться?

— Раз уж вы спрашиваете, сэр, — мы выяснили, кто убил отца Трубчека и господина Хопкинсона и кто травил вас, сэр. — Ваймс помолчал. — Два из трех — неплохой результат, сэр.

Витинари снова пролистал бумаги.

— Фабриканты, убийцы, священники, мясники… кажется, ты разъярил почти всех влиятельных людей в городе. — Он вздохнул. — Видимо, у меня нет выбора. С этой недели придется повысить тебе жалованье.

Ваймс моргнул.

— Сэр?

— В рамках приличий, конечно. На десять долларов в месяц. И, по-видимому, в штаб-квартиру нужна новая доска для игры в дротики? Меня всякий раз об этом просят.

— Это все Детрит, — сказал Ваймс, не в силах придумать ничего, кроме правдивого ответа. — Он их разбивает в щепки.

— О, ясно. Кстати, о щепках: возможно, ты применишь свои аналитические способности и поможешь нам найти ответ на загадку, над которой мы бьемся с самого утра.

Патриций встал и направился к лестнице.

— Да, сэр? О чем речь? — спросил Ваймс, спускаясь вслед за ним.

— Это в Крысином зале, Ваймс.

— Правда, сэр?

Витинари открыл двустворчатые двери.

— Вуаля, — сказал он.

— Это такая штука, которую дамы крепят на шляпки, сэр?

— Нет, командор, это значит «Что это такое торчит из стола?», — резко ответил патриций.

Ваймс заглянул в зал. Внутри никого не было. Длинный стол из красного дерева был пуст.

Не считая топора. Он глубоко вошел в древесину, чуть не расколов стол пополам. Кто-то подошел, со всей силы всадил топор прямо по центру и оставил его торчать рукояткой вверх.

— Это топор, — сказал Ваймс.

— Потрясающе, — заметил лорд Витинари. — Ты едва успел его изучить — и уже дал верный ответ. Но что он тут делает?

— Не могу знать, сэр.

— Как сообщают слуги, сэр Сэмюэль, около шести утра ты пришел во дворец…

— Да, точно, сэр. Хотел убедиться, что этого подонка надежно заперли, сэр. Ну и проверить, все ли в порядке.

— Ты не заходил в эту комнату?

Ваймс не сводил глаз с горизонта.

— Зачем мне в нее заходить, сэр?

Патриций постучал по рукоятке. Топор чуть слышно загудел.

— Насколько мне известно, утром здесь проходила встреча Городского совета. Или, по крайней мере, намечалась. Говорят, что все разбежались очень быстро. И выглядели очень перепуганными.

— Может быть, кто-то из них это и сделал, сэр.

— Такая возможность, конечно, есть, — сказал лорд Витинари. — Стоит ли надеяться, что ты найдешь на этом топоре свои знаменитые улики?

— Боюсь, что нет, сэр. На нем слишком много отпечатков.

— Не правда ли, было бы ужасно, если бы люди возомнили, что могут брать закон в собственные руки…

— О, за это не беспокойтесь, сэр. Я его крепко держу.

Лорд Витинари снова постучал по топору.

— Скажи, сэр Сэмюэль, тебе известно выражение «*Quis custodiet ipsos custodes*»?

Вообще-то Моркоу иногда произносил эту фразу, но Ваймс был не настроен в этом признаваться.

— Не слышал его, сэр, — сказал он. — О чем это? О кустах?

— Оно означает «Кто устережет самих сторожей?», сэр Сэмюэль.

— О.

— Ну так что же?

— Сэр?

— Кто устережет Стражу, как думаешь?

— А, это просто, сэр. Мы сами друг друга устережем.

— Правда? Звучит интригующе…

Лорд Витинари вышел из комнаты в главный зал. Ваймс последовал за ним.

— Как бы то ни было, — сказал патриций, — ради восстановления мира в городе голема надлежит уничтожить.

— Нет, сэр.

— Позволь мне повторить свое распоряжение.

— Нет, сэр.

— Кажется, я только что отдал тебе приказ,

командор. Я определенно помню, что шевелил губами.

— Нет, сэр. Он живой, сэр.

— Он сделан из глины, Ваймс.

— Как и все мы, сэр. Если верить тем брошюрам, которые констебль Посети всем сует. Так или иначе, сам он считает себя живым, а мне этого достаточно.

Патриций махнул рукой в сторону лестницы, которая вела в его кабинет, заваленный бумагами.

— И тем не менее, командор, я получил не менее девяти посланий от ведущих священнослужителей, которые заявляют, что само его существование оскорбляет всех богов разом.

— Да, сэр. Я долго размышлял над этим тезисом, сэр, и пришел к следующему выводу: ну их всех в задницу, сэр.

Патриций на мгновение прикрыл рот рукой.

— С тобой сложно вести переговоры, сэр Сэмюэль. Знакомо ли тебе искусство компромисса?

— Не могу знать, сэр. — Ваймс подошел к парадному входу и открыл двери.

— Туман рассеялся, сэр, — сказал он. — Небольшая дымка еще висит, но видно до самого Бронзового моста…

— Как ты будешь использовать этого голема?

— Я не буду его *использовать*, сэр. Я его найму. Думаю, он сможет следить за порядком, сэр.

— Сделаешь его стражником?

— Да, сэр, — сказал Ваймс. — Вы разве не слышали, сэр? Големам достается самая грязная работа.

Витинари посмотрел ему вслед и вздохнул.

— И откуда в нем такая склонность к драматизму? — спросил он.

— Как знать, милорд, — сказал Стукпостук, бесшумно материализовавшись рядом.

— О, Стукпостук! — Патриций достал из кармана свечу и передал секретарю. — Избавься от этого, хорошо? Только будь осторожнее.

— Да, милорд.

— Это вчерашняя свеча.

— Она разве не сгорела, милорд? Я видел в подсвечнике огарок…

— Ну конечно же, я отрезал от нее кусочек и ненадолго поджег фитиль. Не мог же я дать понять нашему доблестному стражнику, что сам разгадал загадку? Тем более что он так старался, так радовался! Вел себя, как настоящий… Ваймс. Я все-таки не настолько бессердечен.

— Но, милорд, вы могли бы все уладить дипломатическим путем! А вместо этого он весь город

поставил вверх дном, стольких людей рассердил и напугал…

— И вправду. Как же так. Ай-яй-яй.

— О, — сказал Стукпостук.

— Именно, — согласился патриций.

— Мне распорядиться, чтобы в Крысином зале починили стол?

— Нет, Стукпостук, оставь топор на месте. Думаю, он послужит… неплохим аргументом в спорах.

— Разрешите поделиться соображением, милорд?

— Конечно, разрешаю, — сказал Витинари, глядя на то, как Ваймс выходит за ворота.

— У меня складывается впечатление, сэр, что если бы командора Ваймса не было, вам пришлось бы его выдумать.

— Знаешь, Стукпостук, мне кажется, так все и было.

— Атеизм — Это Тоже Религия, — прогрохотал Дорфл.

— Ну уж нет! — воспротивился констебль Посети. — Атеизм — это отрицание бога.

— Потому Это И Есть Религия, — сказал Дорфл. — Убежденный Атеист Постоянно Думает О Боге, Пусть И Отрицает Его. Таким Образом,

Атеизм — Это Разновидность Религии. Если Бы Атеист Действительно Не Верил В Бога, Ему Не Было Бы Смысла Отрицать Его Существование. Ему Бы Просто Было Все Равно.

— Ты читал брошюры, которые я тебе дал? — с подозрением спросил Посети.

— Да. Во Многих Из Них Написана Какая-то Бессмыслица. Но Я Бы Почитал Еще.

— Серьезно? — Констебль Посети просиял. — Принести тебе еще брошюр?

— Да. В Них Много Такого, Что Я Хотел Бы Обсудить. Если Ты Знаешь Каких-Нибудь Священников, Я Бы С Удовольствием Вступил С ними В Диспут.

— Ну ладно, ладно, — сказал сержант Колон. — Ты присягать-то будешь или как?

Дорфл поднял руку. Ладонь у него была размером с лопату.

— Я, Дорфл, В Ожидании Гипотетического Божества, Чье Существование Не Противоречит Элементарной Логике, Клянусь Временно Разработанными Принципами Своей Собственной Морально-Этической Системы…

— Ты правда хочешь, чтобы я принес еще брошюр? — переспросил констебль Посети.

Сержант Колон закатил глаза.

— Да, — сказал Дорфл.

— О боже! — воскликнул констебль Посети и расплакался от избытка чувств. — Никто и никогда меня о таком не просил!

Колон повернулся к Ваймсу, осознав, что тот за ними наблюдает.

— Какая-то беда, сэр, — сказал он. — Я уже полчаса пытаюсь привести его к присяге, и мы продолжаем спорить о клятве и обо всем таком.

— Ты хочешь быть стражником, Дорфл? — спросил Ваймс.

— Да.

— Ну и хорошо. Такой клятвы мне достаточно. Выдай ему значок, Фред. А это тебе, Дорфл. Бумажка о том, что ты официально считаешься живым, на случай, если возникнут какие-нибудь трения. Ну, знаешь… с людьми.

— Спасибо, — торжественно поблагодарил Дорфл. — Если Я Когда-Нибудь Почувствую Себя Неживым, Я Достану Ее И Прочитаю.

— В чем состоят твои обязанности? — спросил Ваймс.

— Служить Обществу, Защищать Невинных И Как Следует Надирать Уши, Сэр, — сказал Дорфл.

— Он быстро учится, правда? — спросил Колон. — Про уши я ему даже не говорил.

— Народу это не понравится, — сказал Шнобби. — Голем-стражник — виданное ли дело?

— Работа Стражника — Лучшая Работа Для Того, Кто Любит Свободу. Закон — Слуга Свободы. Свобода Без Всяких Ограничений — Пустой Звук, — веско изрек Дорфл.

— Знаешь, — заметил Колон, — если со Стражей у тебя не срастется, ты всегда сможешь печь печенье с предсказаниями. Без работы не останешься.

— Вот забавно, — сказал Шнобби, — вы когда-нибудь замечали, что в этом печенье не бывает плохих предсказаний? На бумажках никогда не написано: «Ну все, теперь тебе точно хана».

Ваймс прикурил сигару и помахал спичкой.

— Таков уж, капрал, один из фундаментальных принципов бытия, — сказал он.

— Что это за принцип такой? Неудачникам никогда не достается печенье с предсказаниями? — спросил Шнобби.

— Нет. Люди, которые им торгуют, не хотят терять покупателей, — вот и весь принцип. Пойдем, констебль Дорфл, прогуляемся.

— У нас скопилась целая гора бумаг, сэр, — сказал сержант Колон.

— Скажи капитану Моркоу, что я велел с ними разобраться, — откликнулся Ваймс, уже стоя в дверях.

— Он пока не заходил, сэр.

— Ничего, время терпит.

— Ладно, сэр.

Колон сел за стол. Он рассудил, что это место подходит ему как никакое другое. Здесь, по крайней мере, он был застрахован от какого бы то ни было столкновения с Природой. Утром у него состоялся один из редких разговоров с госпожой Колон, и он со всей определенностью заявил, что больше не хочет становиться ближе к земле, потому что он уже побывал так близко к ней, как только возможно, и оказалось, что земля — это просто грязь. Колон решил, что ему спокойнее, когда между ним и Природой находится толстый слой булыжника. К тому же Природа противно хлюпала.

— Пойду на дежурство, — сказал Шнобби. — Капитан Моркоу хочет, чтобы я занялся предотвращением преступлений на Персиковопирожной улице.

— И что же он велел тебе сделать? — спросил Колон.

— Держаться оттуда подальше.

— Слушай, Шнобби, а правду говорят, что ты все-таки не лорд? — осторожно поинтересовался Колон.

— Меня, похоже, выперли из высшего света, — ответил Шнобби. — Ну и слава богам. Жратва у них так себе, а пойло и вовсе мерзкое.

— Ну хорошо, что ты легко отделался, — сказал Колон. — Не пришлось раздавать одежду садовникам и все в таком духе.

— Ага. Зря я им вообще рассказал об этом проклятом кольце.

— Было бы проще, если бы не рассказывал, это точно, — согласился Колон.

Шнобби плюнул на значок и деловито протер его рукавом. «Хорошо, что я хоть про тиару не ляпнул, — сказал он себе. — И про диадему. И про три золотых медальона».

— Куда Мы Идем? — спросил Дорфл, когда они с Ваймсом шагали по Бронзовому мосту.

— Хотел тебя познакомить с теми, кто дежурит во дворце, — ответил Ваймс.

— А. Там Как Раз На Дежурстве Мой Новый Друг, Констебль Посети, — сказал Дорфл.

— Ну и прекрасно!

— Я Хочу У Вас Кое-Что Спросить, — продолжил голем.

— Да?

— Я Разбил Жернов, Но Големы Его Починили. Почему? И Я Отпустил Животных, Но Они Просто Глупо Слонялись По Улицам. Кто-то Даже Вернулся На Бойню. Почему?

— Добро пожаловать в реальный мир, констебль Дорфл.

— Свобода — Это Так Страшно?

— Еще как.

— Если Сказать Людям «Сбросьте Свои Цепи», Они Сами Скуют Новые?

— По сути, люди только этим и заняты.

Дорфл задумчиво зарокотал.

— Да, — сказал он наконец. — Я Могу Это Понять. Быть Свободным — Все Равно Что Ходить С Раскрытой Головой.

— Придется поверить тебе на слово, констебль.

— Мне Надо Платить В Два Раза Больше, Чем Другим Стражникам, — сказал Дорфл.

— Правда?

— Да. Я Не Сплю. Я Могу Работать Без Перерыва. Я Очень Выгодное Приобретение. Мне Не Нужно Брать Выходной, Чтобы Похоронить Бабушку.

«Как же быстро они учатся», — подумал Ваймс. А вслух спросил:

— Но тебе же надо отпрашиваться на святые

дни, разве нет?

— Или Все Дни Святые, Или Никакие. Я Пока Не Решил.

— Э… а на что ты будешь тратить жалованье, Дорфл?

— Я Накоплю Денег И Выкуплю Голема Клутца, Который Работает На Консервной Фабрике, И Сделаю Так, Чтобы Он Стал Сам Себе Хозяином; Потом Мы Вместе Накопим Еще Денег И Выкупим У Торговца Углем Голема Бобкеса; Втроем Мы Накопим На То, Чтобы Выкупить Голема Шмату, Который Трудится В «Семидолларовом Ателье» На Персиковопирожной Улице; Потом Мы Вчетвером…

— Кто-то другой решил бы освободить своих товарищей силой и устроил бы революцию, — сказал Ваймс. — Не то чтобы я тебе это предлагал, конечно.

— Нет. Это Было Бы Воровство. Нас Продают И Покупают. Значит, Мы Сами Выкупим Себя На Свободу. Сами На Нее Заработаем. За Нас Это Никто Не Сделает. Только Мы Сами.

Ваймс улыбнулся про себя. Наверное, ни одни другие существа в мире не потребовали бы чека за свободу. Кое-что не поддается изменению.

— О, — сказал он. — Кажется, кто-то хочет с

нами побеседовать…

Им навстречу двигалась толпа в серых, черных и шафрановых мантиях. Это были священники. Чем-то очень рассерженные. Они, расталкивая локтями прочих горожан и цепляясь друг за друга нимбами, пробирались по мосту.

Во главе толпы шел Гьюнон Чудакулли, верховный жрец Слепого Ио и человек, лучше всего в Анк-Морпорке подходящий на роль амбассадора по религиозным вопросам. Он завидел Ваймса и поспешил к нему, воздев указующий перст.

— Послушай-ка, Ваймс… — начал он и осекся, увидев Дорфла.

— Так вот он, этот истукан? — спросил Чудакулли.

— Это голем, ваше преподобие, — поправил Ваймс. — Констебль Дорфл, к вашим услугам.

Дорфл почтительно коснулся шлема.

— Чем Мы Можем Быть Полезны? — спросил он.

— На этот раз тебе не отвертеться, Ваймс! — сказал Чудакулли, не обращая на него внимания. — Ты зашел слишком далеко даже по своим меркам. Ты дал этому существу голос, а оно даже не живое!

— Разбить его!

— Святотатство!

— Люди этого не потерпят!

Чудакулли обернулся и шикнул на остальных священников.

— Я сейчас говорю, — сказал он и повернулся обратно к Ваймсу. — Это можно расценить как возмутительное богохульство, поклонение идолам и попрание устоев…

— Я ему не поклоняюсь. Я просто плачу ему жалованье, — сказал Ваймс, постепенно входя во вкус. — Если нужно что-то попереть, это скорее к Шнобби. — Он сделал глубокий вдох. — И, раз уж вам так хочется возмутительного богохульства…

— Прошу Прощения, — сказал Дорфл.

— Еще не хватало тебя выслушивать! Ты даже не живой! — крикнул священник.

Дорфл кивнул.

— По Сути, Это Так, — сказал он.

— Видите? Он сам это признает!

— Вы Можете Расколотить Меня На Куски, И Разбить Их На Осколки, И Растолочь Их В Мелкую Крошку, И Размолоть Ее В Легчайшую Пыль — И, Полагаю, Вы Не Найдете Ни Единого Атома Жизни…

— Именно! Так и поступим!

— Однако Для Чистоты Эксперимента Один Из

Вас Должен Согласиться На Ту Же Процедуру.

Повисла тишина.

— Это нечестно, — наконец сказал священник. — Достаточно заново слепить тебя из этой самой пыли — и ты снова оживешь…

Опять повисла тишина.

— Мне кажется, — произнес Чудакулли, — или мы в этом теологическом диспуте вступили на зыбкую почву?

И опять.

Другой священник спросил:

— Правда ли, что ты обещал поверить в любого бога, чье существование можно логически обосновать?

— Да.

Ваймс догадался, что сейчас будет, и на несколько шагов отошел от Дорфла.

— Но боги просто существуют, — сказал священник.

— Мне Это Неочевидно, — возразил Дорфл.

С небес вдруг ударила молния — прямо ему в шлем. Дорфла объяло пламя, а потом что-то закапало на мостовую.

Расплавленные доспехи растеклись лужицами возле его ног, раскаленных добела.

— Не Очень Убедительный Аргумент, — спо-

койно сказал Дорфл откуда-то из облака дыма.

— Зато зрелищный, — заметил Ваймс. — Раньше он всегда впечатлял аудиторию.

Верховный жрец Слепого Ио повернулся к другим священникам:

— Слушайте, ребята, нет никакой необходимости…

— Но Оффлер очень мстительный бог, — сказал какой-то жрец из задних рядов.

— Обычный задира, — возразил Чудакулли. Из облаков ударила очередная молния, но в нескольких футах над шляпой Верховного Жреца переломилась и поразила деревянного гиппопотама, расколов его пополам. Верховный Жрец самодовольно улыбнулся и опять повернулся к Дорфлу, который слегка потрескивал, остывая.

— Так ты говоришь, что примешь любого бога, чье существование будет доказано в ходе дискуссии?

— Да, — ответил Дорфл.

— Никаких проблем, мой глиняный дружок, — сказал Чудакулли, потирая руки. — Для начала давай рассмотрим…

— Прошу Прощения, — сказал Дорфл. Он наклонился и поднял свой значок. Молния придала ему причудливую оплывшую форму.

— Что ты делаешь? — спросил Чудакулли.

— Где-то Совершается Преступление, — сказал Дорфл. — Но Когда У Меня Закончится Смена, Я С Радостью Подискутирую Со Жрецом Самого Достойного Бога.

Он развернулся и зашагал по мосту. Ваймс торопливо кивнул ошарашенным священникам и побежал за ним. «Мы слепили его, и обожгли в печи, и он оказался свободным, — подумал Ваймс. — Теперь в голове у него только те слова, которые он выбрал сам. И он не просто атеист, он керамический атеист. Огнеупорный!»

День обещал быть очень недурным.

Позади, на мосту, уже закипала драка.

Ангва собирала вещи. Или, скорее, никак не могла их собрать. Тяжелый узелок в зубах не утащишь. Но немного денег (вряд ли ей придется часто тратиться на еду) и смена одежды (на случай, если ей понадобится одежда) не должны занять много места.

— Вот с ботинками беда, — вслух сказала она.

— Может быть, свяжешь их шнурками и повесишь на шею? — предложила Шелли, которая сидела рядом на узкой кровати.

— Неплохая мысль. Хочешь взять себе платья? Я так их ни разу и не надела. Думаю, ты их мо-

жешь обрезать.

Шелли приняла их обеими руками.

— Ого, настоящий шелк!

— Кажется, если перешить, тебе хватит сразу на два платья.

— Не возражаешь, если я дам их кому-нибудь поносить? В штаб-квартире есть ребята… то есть девушки, — Шелли посмаковала это слово, — которые начинают задумываться…

— …о том, чтобы пустить шлемы на переплавку? — закончила Ангва.

— Нет-нет. Но, может быть, их удастся перековать поизящнее. Э-э-э…

— Да?

— М-м-м…

Шелли поерзала на кровати.

— Ты же никогда никого не ела, правда? Ну, знаешь… не грызла ничьи кости и все такое…

— Нет.

— Я и сама не уверена, что моего троюродного брата сожрали вервольфы. Просто слышала об этом. Его, кстати, звали Сфен.

— Не припомню такого имени, — сказала Ангва.

Шелли попыталась выдавить улыбку.

— Ну и ладно тогда, — сказала она.

— Так что можешь вынуть из кармана серебряную ложку, — добавила Ангва.

Шелли разинула рот, а потом сбивчиво затараторила:

— Э… я не знаю, как она туда попала, наверное, случайно завалилась, когда я мыла посуду, ох, правда, я не хотела…

— Ничего страшного, честное слово. Я привыкла.

— Но я и не подозревала, что ты…

— Слушай, пойми меня правильно. Штука не в том, чтобы не хотеть, — сказала Ангва. — Штука в том, чтобы хотеть, но не делать.

— А тебе обязательно уходить?

— Ох, не знаю, смогу ли я достаточно серьезно относиться к работе, и… порой мне кажется, что Моркоу вот-вот сделает мне… в общем, ничего хорошего из этого не выйдет. Сама знаешь: он себе в голову вобьет что-нибудь, и с концами. Так что лучше уйти сейчас, — соврала Ангва.

— А Моркоу не попытается тебя остановить?

— Попытается, но что он мне скажет?

— Он очень огорчится.

— Да, — коротко сказала Ангва и швырнула на кровать очередное платье. — А потом успокоится.

— Хрольф Бедрогрыз пригласил меня на свидание, — смущенно призналась Шелли, потупив взгляд. — И я почти уверена, что он мужчина!

— Здорово. Рада за тебя.

Шелли встала.

— Провожу тебя до штаб-квартиры. У меня все равно дежурство.

Они прошли уже половину улицы Вязов и тут заметили Моркоу. Заметить его было несложно — он был на голову выше других прохожих.

— Кажется, это он тебя ищет, — сказала Шелли. — Э… мне уйти?

— Поздно…

— О, доброе утро, капрал госпожа Задранец! — жизнерадостно воскликнул Моркоу. — Привет, Ангва. Я как раз собирался тебя навестить, но сначала, конечно, надо было написать письмо домой.

Он снял шлем и пригладил волосы.

— Э-э… — начал он.

— Я знаю, что ты хочешь мне сказать, — произнесла Ангва.

— Правда?

— Знаю, что ты об этом давно думаешь. А ты знаешь, что я размышляла о том, куда податься.

— Что, это было так очевидно?

— И мой ответ — нет. Как бы я ни хотела сказать «да».

Моркоу выглядел потрясенным.

— Мне даже в голову не приходило, что ты можешь сказать «нет», — признался он. — Ну правда, с чего бы?

— О боги, — сказала Ангва. — Иногда ты меня поражаешь. Просто поражаешь.

— Я думал, ты тоже этого хочешь, — сказал Моркоу и вздохнул. — Ну ладно… Не так уж это и важно.

Ангве как будто дали под дых.

— Не так уж важно? — переспросила она.

— Ну, было бы славно, конечно, но сильно переживать я из-за этого не стану.

— Не станешь?

— Нет, конечно. Определенно не стану. У тебя полно своих дел. И хорошо. Я просто думал, вдвоем будет интереснее. Но ладно, сделаю все сам.

— Что? Как ты… — Ангва осеклась. — Моркоу, ты вообще о чем?

— О Музее гномьего хлеба. Я обещал сестре господина Хопкинсона, что помогу привести его в порядок. Ну, знаешь, обустроить там все как следует. Она не слишком состоятельная, и я подумал, что музей может ей принести какие-

никакие деньги. Между нами говоря, там есть кое-какие экспонаты, которые можно было бы подать более выигрышно, но, боюсь, господин Хопкинсон отмахивался от советов. Уверен, гномы валом повалили бы в этот музей, если бы о нем услышали. И, конечно, в городе хватает молодежи, которой не мешало бы побольше узнать о славном наследии предков. Тут отскрести, там подкрасить — и даже самые старые горбушки станут как новые. Я был бы не прочь потратить на это пару выходных. Я просто думал, что это тебя приободрит, но я отдаю себе отчет, что гномий хлеб не каждому по вкусу…

Ангва устремила на него взгляд, который люди часто устремляли на Моркоу: она отчаянно выискивала в его лице хотя бы самый отдаленный намек на шутку. На то, что это какой-то затянувшийся розыгрыш. Она всем своим естеством чувствовала, что он шутит, не может не шутить, но ни одна черточка этого не выдавала.

— Да, — слабым голосом проговорила она, все еще отчаянно вглядываясь в его лицо, — думаю, это настоящая золотая жила.

— Музеям сейчас надо прилагать много усилий, чтобы заинтересовать посетителей. Кстати, я там нашел целую коллекцию партизанских пышек,

даже не занесенную в каталог, — сказал Моркоу. — И несколько ранних образцов защитных рогаликов.

— Ну и ну, — сказала Ангва. — Может, нам повесить над дверью растяжку «Познакомьтесь с гномьим хлебом»?

— Не думаю, что гномов это привлечет, — отозвался Моркоу, не заметив сарказма. — Знакомство с гномьим хлебом обычно оказывается очень коротким. Но, я смотрю, ты тоже загорелась идеей!

«Мне все равно придется уйти, — подумала Ангва, шагая рядом с ним по улице. — Рано или поздно он убедится, что у нас ничего не выйдет. Вервольфы и люди… нам обоим есть что терять. Рано или поздно придется его оставить».

Но пускай это случится завтра, а не сегодня.

— Вернуть тебе платья? — послышался сзади голос Шелли.

— Ну, разве что парочку, — сказала Ангва.